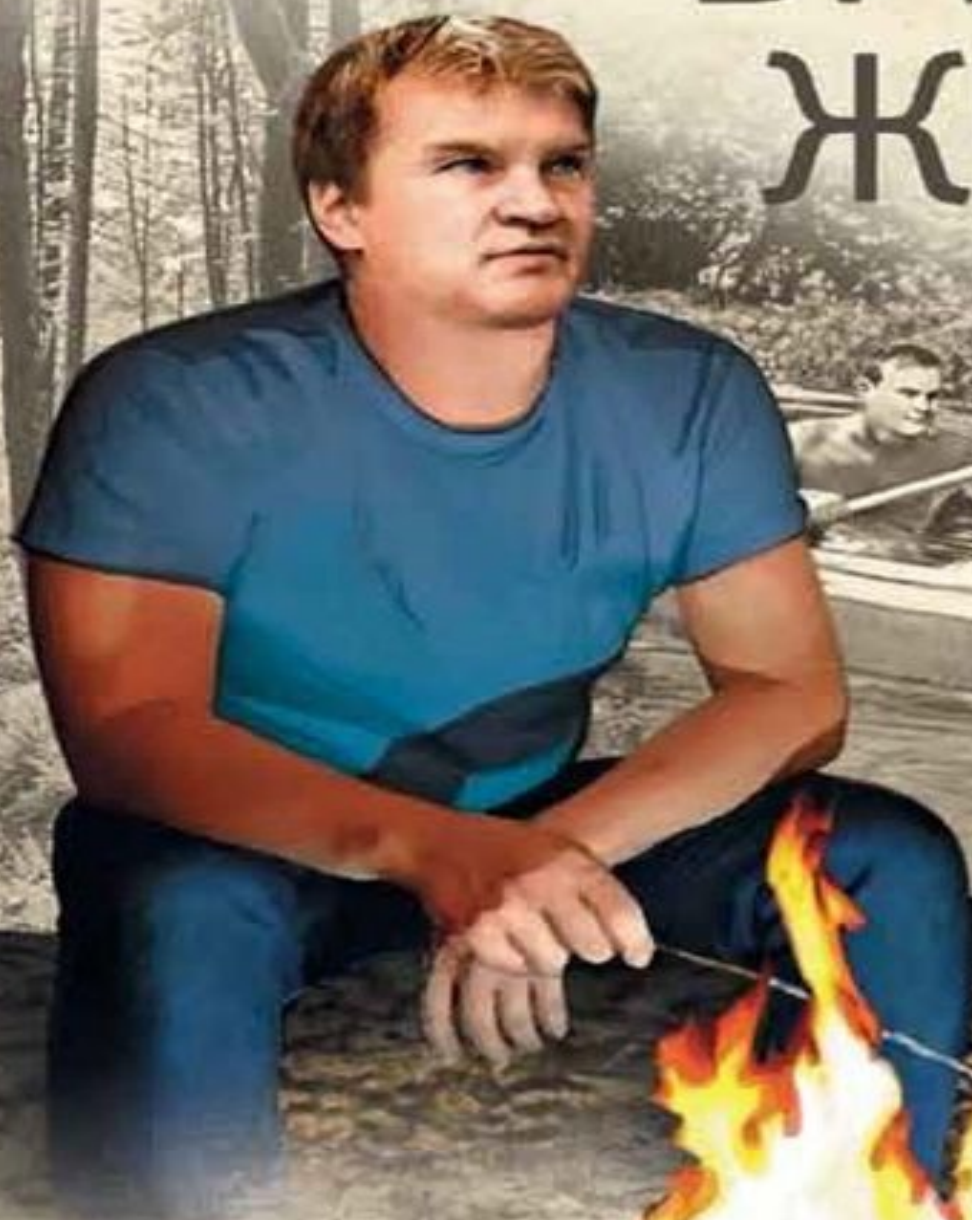

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

ВРЕМЯ ЖИТЬ

НОВАЯ
ЖИЗНЬ 7 →

Александр Лапин

Время жить

© Лапин А.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Часть I

Бились козлики с волками

I

Ему нетрудно говорить с этим народом. Потому, что он сам вышел из него. И прежде чем начал проповедовать, добывал хлеб свой ремеслом плотника.

Вот и сегодня они собрались на берегу моря. И ждут его слов о вечном. Иисус вошел в лодку и сел. А вся толпа осталась на берегу. Он еще раз оглядел их серые лица. Понял, сколько они могут понять. И промолвил:

– Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге. И полетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. А когда возшло солнце, увяло и, как не имело корней, засохло. Иное упало в тернии, и выросли тернии и заглушили его. Иное упало на добрую землю и принесло плоды; одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать...

Он посмотрел на их недоумевающие лица, вздохнул и добавил:

– Кто имеет уши слышать, да слышит!

Вечером, когда собрались апостолы, он объяснил им за трапезой то, что хотел сказать:

– Сеятель – это я сам. Зерна – слово Божие. Почва – народ. Разный. Посеянное и унесенное птицами – утерянное сразу. Упавшее на камни – принятое, но не проросшее глубоко в сердце. Тернии – житейская суета и страсти, что заглушают слово. И только упавшее в чистые и добрые сердца приносит плоды.

Как говорится – много званых, да мало избранных.

II

«Дорога, дорога, ты знаешь так много о жизни моей непростой!» – навязчивая мелодия стучала в висках уже целых полчаса. И он никак не мог избавиться от нее. Тем более, что она абсолютно точно выражала его мысли.

Дорога – это его жизнь. Семьдесят дней в году проводит он за рулем. Стремительно перемещается в пространстве, на котором раскиданы его предприятия. Зимой и летом. В любую погоду мчит его трехлитровый турбированный «ауди» по трассам Черноземья и Юга России.

Что же, «назвался груздем – полезай в кузов». Захотел стать свободным

издателем – соответствуй во всем. Живи на колесах.

Вот и сейчас, в январскую стужу, когда хороший хозяин и собаку не выгонит из дому, он ехал в город Ч. Туда, где сегодня в крупном областном центре находился его главный офис.

Полноприводная машина на шипованной резине хорошо держала дорогу. И Дубравин, чуть расслабившись, оглядывался по сторонам.

Вокруг зимние пейзажи. Насколько хватает глаз – покрытые снегом поля. Вдоль дороги узорчатые, обледеневшие деревья лесных полос. По-видимому, вчера, в оттепель, они были облиты дождем, а теперь, когда ударил мороз, покрылись белым, невообразимой красоты узором. Ледяным кружевом.

Не вчера началась эта дорога в новую жизнь. Тогда, после всего, что случилось с ними, он долго раздумывал. О том, что же ему делать дальше. Внутренне, в своем сознании он уже оторвался от «Молодежной газеты», от столицы. И дальнейшее продолжение того бытия казалось ему скучным и бесполезным хождением по кругу: «Надо уходить! Делать то, что задумал. Но без нее. Без Галины».

На очередном ежегодном осеннем семинаре «Молодежной газеты» он вышел на трибуну. Долго молча смотрел в зал. Туда, где сидели его соратники по борьбе.

Как же они изменились за эти годы! Образно говоря, закалились. Выделились из серой человеческой массы. Превратились под чудовищным давлением из «мягкого графита» в настоящие «человеческие алмазы». Чудо-богатырей.

Очень многое ему хотелось сказать этим людям. И о том, что все они, как герои романов Фенимора Купера, являются «следопытами», идущими «в леса новой жизни». И о том, что пришло его время начать самостоятельное дело. А также о том, что он их любит, прикипел к ним сердцем.

Но вымолвил он совсем другое:

– Я ухожу!

Зал охнул. И притих. Видно, никто не ожидал такого поворота. Что бы там ни говорили в кулуарах, о чем бы ни шептались враги, они все равно оставались «отцами-основателями». И его неожиданный уход поселил в сердцах людей тревогу и беспокойство.

«А как же мы?» – увидел он вопрос в их глазах...

Дубравин отбросил воспоминания, когда его «ауди» уткнулся в хвост длинной, самодвижущейся пробки на колесах.

Полный привод вдохновляет его на обгон. Но сейчас зима, черт бы ее

побрал! А впереди него десятки ползущих полегоньку, потихоньку по заснеженной, нечищенной трассе изделий отечественного автопрома. И тут не до шуток. Случись что – пробка встанет, растянувшись на десяток-другой километров.

Началась пурга. Ветер срывал с полей снежинки, бросал их на лобовое и боковое стекла. Снежными щупальцами шарил по асфальту, зацепившись за неровности, начинал наметать заносы и переметы.

Ехать становилось труднее, так как из-под колес идущих перед ним фуры поднимались в воздух белые вихри.

Впереди «древний русский автомобиль Волга» сделал рывок и отчаянно попытался начать обгон. Но увы! И ах! Левым передним колесом он попал в пушистый снег. Потерял курсовую устойчивость и, с разворотом, влетел в сугроб на обочине.

Никто не остановился. Колонна продолжала движение.

Проезжая мимо, Дубравин краем глаза увидел, как из погрузившегося в снег кузова вылезли водитель, а следом и пассажир.

Но решимость его велика. Надо срочно обходить колонну. Иначе до темноты ему до места не добраться.

Тут и пригодилась дополнительная мощность двигателя. И полный привод. Дубравин начал обгон и играючи обошел один, второй, третий грузовик...

Впереди уже маячил оперативный простор.

Он хорошо обошел предпоследнюю, окутанную летящей из-под колес снежной пылью фуру и уткнулся в «небесный тихоход». Это был тяжело нагруженный стальной арматурой длинномер – победитель всех на свете марафонов. Отечественный «КамАЗ».

Некоторое время Александр двигался за вылезшим из кузова метра на полтора гремящим стальным частоколом. Высматривал через несшийся впереди снежный вихрь дорогу. Готовился сделать очередной обгон.

«Вроде чисто! Ну, милая, не выдай!»

Вылез на встречу. И осторожно продвинулся вперед. Еще чуть-чуть, и он уже сравнялся с кабиной длинно-мера. В этот миг он заметил, как впереди, откуда-то из белой мглы, вылетели, вырисовываясь на дороге, светлые «жигули». С погашенными фарами, без габаритов эта машина была похожа на серый призрак.

Он каким-то шестым чувством ощущал, как быстро двигался навстречу этот «старинный русский автомобиль», вынырнувший из пурги.

«Вперед не успеть!»

Инстинктивно ударил по тормозам. Сработала система курсовой

устойчивости. Педаль начала прыгать под подошвой. Иномарка, как остановленная на полном скаку лошадь, уперлась всеми четырьмя шипованными колесами в заснеженный, с настом асфальт.

А «жигули» неумолимо летели навстречу. Через секунду он понял, что уходить от лобового удара ему некуда. Справа кузов длинномера. Слева металлическое ограждение трассы.

Странное дело. В эти мгновения его не покидало какое-то отстраненное, ледяное хладнокровие. Как будто это не он, а кто-то другой в нем считал и решал: «Только бы задние колеса дальнегомера успели пройти! А там – рывком вправо. Хоть под кузов. Обдеру весь капот. Но уцелею!»

И про себя просил: «Ну, давай, давай же, обходи меня!»

Оставалось буквально метров двадцать до мчащихся вперед «жигулей». Краем глаза он видел, как справа проплывал длинный, груженный арматурой кузов.

И уже буквально в пяти метрах от несущейся навстречу смерти рывком бросил свою машину вправо. Капот «аудиохи» оказался под нависшими из кузова арматуринами с повязанной на них красной тряпкой.

Мимо снарядом пролетели «жигули» с затемненными стеклами...

Липкий страх и ужас прошли в ту секунду, когда Александр наконец осознал: «Пронесло, Господи!» Через минуту им овладел приступ такой ярости, что он несколько раз ударил кулаком по рулю:

– Гад! Сволочь! Подонок! Надо развернуться, догнать мерзавца! Остановить и набить морду! В такую погоду, в пургу не удосужился даже включить габариты и свет! Что ж это за люди такие! Что ж за ублюдки! Ну ладно, свою жизнь ты ни в грош не ставишь. Но другие-то в чем виноваты, что из-за твоего разгильдяйства должны рисковать жизнью!

Потом успокоился. Вряд ли тут, на узкой полосе, в снегу, удастся развернуться. Да и где его искать? Без примет, без номеров. Скорее всего, он просто шары залил! И несется!

* * *

Гул мотора успокаивал. И Дубравин, борясь с усталостью, сильно сожалел, что не послушал жену и выехал так рано. «Надо было доспать. Все равно день пропадет в дороге! Хоть и приедешь на пару часов раньше».

Мысли его перескочили на дела семейные, личные. А они были вовсе не такие радужные. После разрыва с Галиной все как-то само собою пошло наперекосяк. Жена отнеслась к его самостоятельности весьма прохладно.

Ни помощницей, ни душевной опорой стать не смогла. Не захотела. Первые неизбежные неудачи на самостоятельном поприще вызвали у нее панику. И Дубравин горько жалел о том, что рассказал ей о них. Какое бы новое дело он ни начинал, Татьяна каждый раз вспоминала неудачу со строительством «фастфуда» и заводила одну и ту же песню: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты... А помнишь, как тебя обманули компаньоны?» Дубравин злился, терял весь свой энтузиазм. И в конце концов решил больше ей ничего не рассказывать. Ну а так как дома он бывал редко, то наметившаяся трещина все росла и росла...

Галину он давно понял. Ну а кто понял, тот простил. Более того, христианский, нынешний взгляд на мир все перевернул, перевернул в его видении ситуации. Теперь он считал виноватым себя. «Я стопроцентный эгоист, который только и думал, что о своих планах, надеждах, жизни. Не понимал ее. И считал, что “баба, она должна за мужиком идти, как нитка за иголкой”. Не дорос, видно, еще до понимания того, что мир изменился и у деловой женщины могут быть свои виды на будущее. Для нее всегда так важен был статус. А что я ей предлагал? Главное – уехать. А там разберемся. Кем она бы стала? Из мужних, законных жен да в любовницы, в подруги? Опять же материальная сторона. Это по пословице “с милым рай и в шалаше”. А сегодня уже с добавочкой: “если милый атташе”.

Ну и столичная жизнь ее очень увлекла. Она ведь только выбралась из провинции. Только обжилась, работу престижную получила. А тут я предлагаю: все бросай! Поехали! Начнем новую жизнь! А получится ли она, эта новая история? Об этом я и не думал в своем мужском эгоизме.

Хотя, с другой стороны, не это мне душу жжет. Не это. А то, что мне тогда сказала: “Я и тебя люблю. И его люблю!” Значит, никого настоящему не любит».

И, обогнав очередную фуру, дополнил: «Впрочем, чужая душа – потемки. А уж женская вдвойне. Но с этим, как говорится, ничего не поделаешь. С этим просто придется жить. Стараясь не обижаться самому. И никого не обижать».

III

Одна из главных артерий страны находилась в плачевном состоянии. Всего две полосы. И те идут через бесчисленное количество деревень, городков и поселков. И вот ее, как «корку хлеба тараканы», оседлали ненасытные гаишники.

Народ богател. Поток машин становился все больше. У Дубравина даже сложилась собственная теория по этому поводу. «Сначала, на первом этапе, люди просто наедаются. Потому и набивают в супермаркетах полные тележки еды. Тащат все, что им было недоступно в прошлые времена. Наелись – принялись одеваться. Покупать барахло. Сапоги. Сумочки. Куртки. Шубы».

Он видел по собственной жене, с какой страстью и азартом бывшие советские, а ныне российские женщины тащили из магазинов все, что раньше было им недоступно. Тащили, даже не задумываясь о том, нужно ли им это. Разбуженный потребительский инстинкт, зачастую не сдерживаемый ни воспитанием, ни образованием, давал такие причудливые плоды, что оставалось только разводиться руками. И периодически философски обобщать результаты: «Мужчина испытывает восторги полет души, когда творит, женщина – когда потребляет».

Впрочем, он никого не осуждал. Ведь сколько времени народ получал материальные блага по граммულке – лишь бы не помер с голоду.

Вот пружина и распрямилась в годы относительного благополучия. Когда пришло время жить.

Он даже знал, что происходило сейчас. Третья стадия. Те, кто наелся и оделся, – покупали машины. Поэтому на дорогах было уже не протолкнуться.

Ну а дальше? Дальше люди начнут строить дома. Он сам уже прошел и эту стадию. За десять месяцев шведская фирма поставила ему в ближнем Подмосковье по своим технологиям хороший коттедж. С сауной, маленьким спортзалом и камином.

«А после, построив дома, люди захотят, чтобы их уважали. И тогда у нас в стране начнется самое интересное. Появится то, что на Западе называют гражданским обществом. Или средним классом. Человек с домом – это совсем...» – он не успел додумать эту важную мысль. Из-за остановки выскочило то, что называется сотрудником ДПС. В руках у него была волшебная полосатая палочка, именуемая почему-то жезлом.

Пришлось тормозить. И съезжать на обочину. Из машины он не выходил. Ждал, немного опустив стекло. Подошел вразвалочку одетый в теплый синий комбинезон со светоотражающими вставками молодой, длинный парень. Представился неразборчиво:

– Бу-бу-бу! Лейтенант бу-бу-бу! Ваши документы! Дубравин посмотрел на его счастливое лицо и понял, что, призадумавшись, обошел фуру под знаком «Обгон запрещен». Поэтому не стал спорить, а молча выбрался из теплого чрева машины на мороз. Так же неторопливо достал с заднего сиденья дубленку. Надел. Теперь можно и разговаривать. Он миролюбив. И договороспособен. Потому, что за годы странствий у него выработалась формула: нарушил – плачу. Разводят – иду на конфликт.

Подал водительские права и техпаспорт:

– Ну и что я нарушил?

– Вы, Александр Алексеевич, нарушили правила обгона! – было видно, что розовощекий молодой страж порядка чрезвычайно доволен этим обстоятельством.

– И сколько это в рублях по нынешнему курсу?

«Сейчас он должен предложить сесть в машину. Там и будем договариваться».

И точно:

– Да вы пройдите в автомобиль к моему напарнику! Дубравин сел в раскрашенную патрульную машину.

И продолжил диалог с новым визави. Этот был, судя по всему, уже более тертый, выдавший виды белобрысый, кучерявый капитан.

Он задумчиво разглядывал его водительское удостоверение и техпаспорт на «ауди».

– Ну что, капитан, я вообще-то сильно тороплюсь! – бросил Дубравин свой пробный шар, начиная этот привычный, как он про себя называл его, «обряд дома Месгрейвов».

Но капитан, видно, не торопился. Его что-то интересовало в автомобиле:

– Хочу купить такую же вот полноприводную «ауди», – наконец сказал он, доставая ручку. – Сколько она стоит?

– Ну, тысяча пятьдесят в долларах! – ответил польщенный интересом Дубравин. – Новая!

– Дорого! И как люди ухитряются столько зарабатывать?

Дубравин за словом в карман не полез:

– А все очень просто, – усмехнувшись, ответил он. – Надо было году в девяносто втором бросить свою непыльную работенку. И как в воду,

с головой кинуться в бизнес. И лет десять упираться, не спать ночами, пахать. Сегодня у вас была бы точно такая «ауди»... Или даже «мерин»...

Говорил он это без зла или какого-либо желания поддеть гаишника. Говорил с вежливой улыбкой, стараясь не обидеть человека. Его позиция в данной ситуации проста и понятна каждому. Это как в игре. В «казаки-разбойники». Мы едем. Вы ловите.

У каждого в этой жизни своя роль. Да и парни эти – простые русские парни. Не хамят, не наезжают... Что ж конфликтовать? Все хотят жить...

Но обостренное чувство справедливости заставляло его частенько спорить и ругаться. Последний раз он поцапался с «хозяевами дороги» на «голодном посту», который находился на границе Тульской и Калужской областей. Тамошние гаишники взяли себе за правило останавливать его машину просто так. «Для проверки документов». Из принципа. Едет дорогая иномарка с московскими номерами. Как же не попытаться обобрать проезжего человека?

Остановят. И начинают: «Покажи то, покажи это! А где у вас огнетушитель? А что у вас в багажнике?» Дубравин терпел-терпел. А потом как сорвался. Как попер на них матом. И с такой яростью, что «аж чертям тошно стало».

Пришлось им тогда срочно вернуть документы. И убраться в свою нору.

Но сегодня он миролюбив и договороспособен:

– Я по этой трассе два раза в месяц езжу. Вроде знаю все места, где вы стоите. А здесь никогда не видел.

Капитан потряс кудрями, шмыгнул носом. И обиженно так ответил:

– Да мы тут вообще первый раз стоим. Наш взвод только на авариях работает. Оформляет. А здесь на трассе создали отдельное подразделение. Собрали в него всех блатных, родственников, сынков районных начальников. Вот они тут стоят, зарабатывают. А мы – черная кость. Только аварии разбираем. Это нам сегодня подвезло. Рейд объявили. А так нас к трассе и не подпускают.

– Да! – сочувственно заметил Александр. – Такие времена. Братья, сватья, сыновья. Одно слово – кланы. К кормушке только своих.

Они расстались по-доброму. Без того тяжелого чувства озлобления и ненависти, которое чаще всего испытывают люди после таких встреч.

«А дорога серую лентою вьется». Образно сказано. Но точно. Обледенела она. Зимняя дорога. Снежок укатало. И Дубравин, наученный горьким опытом, несмотря на полный привод, начал тормозить. Побоялся, что будет как в прошлом году. Полетал он тогда знатно. Под седлом у него

было произведение шведских автомобилестроителей. Зеленый, переднеприводный «сааб». Хорошая машина, похожая на маленький самолет, с мощным турбированным двигателем. Ехал из Смоленска. Особо не гнал. Так, шел километров сто тридцать.

Дорога ровно ложилась под колеса. Гудели шины. И ничто не предвещало беды.

И вдруг! Ох уж это вдруг. Он почувствовал, как машина полностью потеряла сцепление с трассой. И ее выносит на встречную, при этом разворачивая поперек полосы боком.

И было такое ощущение, будто кто-то невидимый и могучий как бы ладонью взял и смахнул его «сааб» с асфальта.

– Все, кранты! – прошептал он, понимая, что сейчас слетит с полотна вниз, в кювет, и начнет кувыркаться по полю.

Но что откуда взялось! Первый его рефлекторный порыв был прост. Начать тормозить. Но что-то, наверное, опыт, удержало его ногу на педали газа. И вместо того, чтобы гасить скорость, он начал потихоньку прибавлять обороты.

Зеленый «сааб» несся боком по встречной, срезая и поднимая задними колесами, как входящий в вираж сноуборд, тучу снега, летящего фонтаном выше крыши. Но бешено крутившиеся передние колеса вгрызались в ледяную корку и чудом, по чуть-чуть, выталкивали автомобиль из заноса. Еще несколько секунд такого свободного полета – и «сааб» выровнялся на трассе.

Дубравин подрулил к обочине. Остановился. Открыл дверь. Вышел из салона.

Руки и ноги дрожали. Он сел рядом с машиной на корточки. Сидел несколько минут. Дышал. Затем огляделся: «А если бы навстречу шел грузовик?» Но додумывать эту мысль ему совсем не хотелось.

Он осмотрелся. И увидел, что по обе стороны от трассы лежали, кто на боку, кто на крыше, машины. Посчитал – пять штук. А возле них копошились люди. Тогда он прошел назад и обнаружил, что асфальт был покрыт тончайшей ледяной коркой, которую на ходу и не заметишь...

Так что тот опыт не прошел даром. Он сменил машину на полноприводную, стал очень внимательно разглядывать асфальт. И зимою тщательно следить за скоростью.

«Машин все больше. Идет первичная автомобилизация России. Все, как я писал в статье много лет назад. А вот с дорогами беда. Как говорится – в России две беды. Дураки и дороги». А теперь, вспомнив летевшие навстречу сумасшедшие «жигули», он додумал: «Нарождается

и третья. Дураки на дорогах».

* * *

Обед как всегда. По расписанию. На середине трассы. В кафе под сакраментальным названием «Рябинушка».

История его появления интересна и поучительна с точки зрения развития бизнеса в российской глубинке. Несколько лет назад Дубравин ехал по этой трассе. И всю дорогу почему-то зря ругал свой народ:

– Двести с гаком километров – и ни одного питательного пункта не встретили. Что ж за народ наш такой бестолковый! А ведь рядом

деревни. Открыли бы кафешку. И им хорошо, и нам...

И вот ровно посередине трассы он заметил у обочины – даже не кафе – просто киоск, на котором было написано на бумажке: «Чай! Кофе! Сосиска!» Обрадовался Дубравин и сказал своему спутнику Юрке Бесконвойному:

– Вот, Юрец. Зря я грешил на наш народ. Пробуждается в нем предпринимательская жилка.

И твердой поступью направился к этому самому павильону, чтобы наконец вкусить плоды цивилизации. Постучал в закрытый ставень.

Там, внутри, кто-то очень долго возился. Наконец ставень поднялся. И что же он увидел? Усатую, небритую азербайджанскую физиономию.

Так он познакомился с Али...

С тех самых пор и повелось. На середине трассы он обедал «У Али». Вместе с водителями большегрузных фур.

Постепенно азербайджанский бизнес развернулся в придорожное кафе с пристроенным сбоку платным сортиром, пунктом шиномонтажа, магазином.

Место простое. Затертые стулья. На столах клеенки. Жирный хаш, салат из помидоров и огурцов, люля-кебаб, шашлык... Все не слишком изысканное, но сытное, рассчитанное на железные желудки дальнобойщиков.

И каждый раз, отобедав этих яств, Дубравин с обидой думал о своем народе: «Что ж так! В середине России. Почему же мы не можем? Сами!»

Так продолжалось долго. Пока однажды на другой стороне трассы, на вычищенной и вновь заасфальтированной площадке кто-то не построил с нуля новенькое кафе под названием «Рябинушка». Светлый, просторный зал. Легкая – металл с пластиком – мебель. На стене – плазма. Играет музыка. За стойкой, где лежит меню, миловидная русская женщина с приятным круглым лицом и в чистом переднике. Она приветлива и улыбчива...

«Вот и появились у Али конкуренты. Зря я так “окрысился” на русских. Значит, можем! Только мы долго запрягаем!» – думал он, перекусывая куриной лапшой и домашней котлетой вполне приемлемого качества.

С тех пор он обедал только у своих. У русских. Из принципа. Даже несмотря на то, что частенько заставал у «Рябинушки» вереницу автобусов. И толпу пассажиров.

Понимал. Надо поддерживать своих, таких же как и он, предприимчивых и упорных...

IV

Крылова, словно прилежная ученица, старательно склонив голову набок, записывала основные постулаты лекции.

Кто бы мог подумать еще несколько лет назад, что ее, красивую, модную, находящуюся в поиске молодую женщину, так увлечет этот мир таинственных религий, мистики, эзотерики, оккультизма. И она станет любимой ученицей мастера.

Но, видно, так уж устроен этот мир, что, не реализовавшись в семье, человек, полный энергии, любви и силы жизни, ищет опору в подобных себе. И пытается разобраться в окружающем мире с помощью древних, полузабытых человечеством ритуалов, обрядов и нестареющих истин.

А Марья Степановна, шагая у школьной доски с указкою и мелом в руках, продолжала медленно диктовать. Она не сильно изменилась с тех пор, когда они встретились в первый раз. Все такая же – невысокая, полная, одетая в серые брюки и вязаную кофту женщина. Все такое же желтоватое лицо, прическа, собранная в пучок. Разве что на лице появилось несколько морщинок, а серые глаза стали еще грустнее.

Видно, что, несмотря на все глубокие философские познания, проза жизни все равно не обходит и ее стороной...

– Итак! Мир архетипов. Может ли он брать нас на испытания? – спрашивала она и сама же отвечала на вопрос. – Да! Если мы испытания проходим, то мечта посылает нам знаки. Это первый этап. На втором этапе мечта еще не открылась... И на третьем она созревает. И опускается в мир. Как быстро? Это зависит от силы воображения и вдохновения. Вдохновение, именно вдохновение дает силу, чтобы довести мечту до реальности. А если нет этого вдохновения, то мечта может заглохнуть. И если она заглохнет, то в мир опустится уже мертвая форма... Ждать опускания своего архетипа нужно активно... Но если выдергивать мечту раньше срока, то она не выживает...

Не бывает ничего невозможного. Существует только ставшее невозможным.

Людмила внимательно слушала Бобрину и одновременно думала о своем: «А что, собственно говоря, мешает мне проверить на практике ее слова? Ничто не мешает. Надо попытаться найти то, что было в моей жизни главным. Ту мечту, которую я несла с собою, пока обстоятельства не заставили меня усомниться в ней, и пока я не стала сама разменивать

эту мечту на какие-то временные вещи, которые приняла за настоящее. Обязательно сегодня же попробую и начну делать это!»

Она огляделась. За те годы, что Людмила ходила сюда, множество людей сменилось в их группе. Приходят. Ищут себя и для себя. Не находят. И уходят. Благо, теперь в новой России имеется в наличии огромное количество разных курсов, групп, сект, организаций, тренингов, которые обещают все и сразу. Вот и здесь это уже третий или четвертый осенний набор. Много молодых.

Через ряд сидит длинноволосый юноша с тонким интеллигентным лицом. На прошлом занятии он заявил, что его посещают какие-то роскошные видения в ярчайших красках. Рядом с ним смешная рыжая девчонка с косичками. Лукаво поглядывает на юнца исподлобья. Тоже ищет. Известно, что ищет. Истину.

А вот за нею дородная матрона в меховой шапке уткнулась в книжку. Видно, сравнивает: «Там учили так. А что здесь?»

Взбаламутился народ. То ли дело советское время. Марксизм-ленинизм – единственное и неповторимое учение. Диалектический материализм. Исторический материализм. А больше ничего и не надо. Теперь вот путаница в головах. Путаница в жизни.

А Марья Степановна уже перешла к следующей теме, к вопросам о тайной эзотерической символике. Сегодня речь шла о кресте.

– Крест – один из самых древних, широко распространенных и наиболее богатых по значению символов, – начала она диктовать с импровизированной кафедры начало новой лекции. – Например, крест в кругу – это магический знак, которым пользовались еще волхвы. Так что происхождение этого геометрического символа восходит к древним временам...

Людмила отвлеклась. Она уже прочитала очень много самой разнообразной литературы по символике. И ее трудно удивить теми самыми разнообразными формами, которые принимал этот знак в египетской, греческой, христианской, мальтийской, византийской и других традициях. Она пробует свои силы в предыдущем упражнении. Усиленно ищет свою мечту, погружаясь в прошлое. В свою юность.

После занятий они с Марьей Степановной, как закадычные подружки, вдвоем отправились к Бобриной. Как ни странно, а может быть, и закономерно, эта замечательная женщина, «мастер рейки», философ в юбке, так и не смогла подыскать себе хоть какого-нибудь завалищего мужичка. И куковала на свете одна-одинешенька.

Поэтому дом ее был открыт для гостей со всех волостей. Людка тоже

после занятий частенько заходила сюда вечером. Ели тортики, пили чай, разговаривали о своих проблемах и победах. И, конечно, велись бесконечные дискуссии... о мужчинах. Вот и сегодня разговор, как обычно, начался с высокой ноты. О символике:

– Вот мы сегодня говорили о кресте. А ведь есть специальные женские символы. Взять хотя бы пятиконечную звезду. Ведь это чисто женский символ. Когда-то в древние времена ею обозначали богиню любви и красоты Венеру! – рассказывала за чашкой чая Бобринина.

– Вот как? – удивилась Людка. – Ведь ее же коммунисты взяли на вооружение в семнадцатом году после революции!

– То-то и оно, – заметила Бобринина, – многие из них были масонами. Вот и внедрили звезду, пришедшую к ним из учения. Да, вообще, весь мир полон символов и знаков. Надо только уметь их читать, – сказала она, отпивая чай из белой фарфоровой чашки. И, заметив отпечаток помады на фарфоре, вытерла его салфеткой.

Разговор снова вернулся к теме сегодняшних занятий:

– Мысль – она творит. Если ты хочешь чего-нибудь, то надо пожелать этого сильно-сильно. И желать постоянно, чтобы там, – Бобринина показала обеими руками вверх, – на небесах, услышали твой голос. И откликнулись. Ну и, конечно, если ты чего-то хочешь, надо что-нибудь для этого сделать. У тех, кто решает, ведь нет рук. Они могут сделать твой заказ только чьими-то руками. Это во всех религиях есть. И в христианстве тоже. Помнишь? Стучите! И вам откроют!

Людке, воспитанной в СССР и приученной новую жизнь надеяться только на себя, сложновато это сразу усвоить. Но она старательная.

– Конечно, все кричат, обращаются к Богу. В такой обстановке, чтобы тебя услышали, надо кричать громче других, с эмоциями, с любовью.

Но с высоких материй разговор, как обычно, опустился на землю. Не так давно Людка обнаружила, что она у Владилена не одна. Как-то вскользь выяснилось, что он женат. А тут еще ей намекнули на работе, что начальник начал приударять за одной новенькой, молоденькой козочкой.

Лет пять тому назад она бы устроила ему скандал. Но сейчас... Призадумалась. Хотя женская гордость ее бунтует. И требует сатисфакции: «Ты – единственная и неповторимая. Плюнь на него».

Когда-то в России бытовали правила: с женатым – ни-ни. Нельзя разбивать семью. Сиротить детей. Ах, как давно это было. Теперь другие времена. Мужики мрут, спиваются, не могут прокормить семью. Да и вообще, такое ощущение, что их все меньше и меньше. Вот жизнь

и подбрасывает все новые и новые вопросы. И тут уже нельзя рубить с плеча. Тем более, что когда она вчера во время встречи с Владиленом попыталась так аккуратно завести об этом разговор, «лысый черт» так нахально ей и заявил:

– Да, детка, по природе мужики вообще полигамны. А я ни от кого не скрываю, что являюсь многоженцем. Тебе что-то не нравится?

И хоть стой, хоть падай. Что сказать? Поневоле задумаешься. Ведь в принципе живут они давно. И неплохо. Он приезжает к ней пару раз в неделю. Купил квартиру. И бросать эту хоть как-то наладившуюся жизнь ей ох как не хочется. Тем более, что ей страшно хочется иметь ребеночка. И мысли все время одни и те же: «Пора! Пора! Пора!»

Вот об этом она и рассказала своей старшей подруге. Марья Степановна внимательно выслушала ее, шмыгнула носом и выдала такое:

– Мы, бабы – дуры! – с чувством произнесла она. – Какая у тебя проблема? Нет никакой проблемы. Он с тобою спит. Можно сказать, тебя содержит. Подарки дарит. Советуется... Лебезит... Чего тебе еще надо?

– Но ведь у него жена!

– Жена не стена, как говорится. Можно и подвинуть. Да и не в этом дело!

– А в чем? Ведь заедает...

– Ну хорошо! – наконец Бобринна снизошла до объяснений. – Давай посмотрим трезво на всю нашу жизнь. Итак, твой Владилен объявил тебе открыто, что ты у него не одна.

– Ну!

– А кто у нас сегодня из серьезных, богатых, состоявшихся мужчин не таков? Они все многоженцы. Просто у некоторых процесс растянут во времени. Вот хоть из твоей среды, телевизионщиков, этот, как его... Гордом. У него четвертая жена! Или Колчаловский – пятая. То есть берут бабу замуж. Поживут-поживут. И меняют. Хороводят и куролесят. Другие, как твой Владилен, живут одновременно с несколькими. Одна была законная, вторая чуть знакомая, а третья... третья просто так. Классический пример – Боря Ненцов. Ну и в чем тут проблема? У кавказцев это вообще норма.

На мой взгляд, настоящий мужик может иметь столько женщин, сколько может прокормить и удовлетворить. Ну а так как сегодня они в дефиците, днем с огнем не сыщешь, то женщины и стараются прибиться к ним. И правильно делают.

Рассуждают при этом так. Лучше иметь половинку или четвертинку от настоящего, чем всю жизнь жить с каким-нибудь обмылком, алкашом

или бездельником, не способным ни на то, ни на это.

Людка сидела, обескураженная таким поворотом разговора. И все пыталась переварить своей красивой, неглупой головой то, что сейчас выдала философ в юбке.

Ей было трудно сразу согласиться с Бобриной. Но что-то в ее позиции такое ценное есть.

– Так-то, может, оно и так, – заметила она. – Но ведь сегодня он с тобою носится. А завтра скажет: «До свиданья, дорогая. Я нашел себе другую». И останешься у разбитого корыта.

– А вот это правильное наблюдение. На мой взгляд, надо, чтобы государство узаконило многоженство. И тогда все эти многочисленные подруги, любовницы, вторые жены имели бы возможность законно выйти замуж, получали бы свой штамп в паспорте. Со всеми вытекающими последствиями и правами. Как при разводе, так и в случае смерти мужа и отца.

– Ну, вы даете, Марья Степановна, – с некоей даже долей восхищения подругой заметила Людмила и положила на столик уже начатый бисквит (лишнее будет).

– Конечно, живут же мусульмане. Не парятся. И мне кажется, они уже давно сформулировали, как-то упорядочили эти отношения.

– Ну, это у них от Корана идет...

– Не только от Корана. Исторически сложилось. Если брат умер, его жену брал под свое крыло другой брат. Не оставаться же ей одной. Много мужчин погибало на войне. Вот и нашли выход. Нормальное, здоровое общество всегда находит какой-то выход в критической ситуации. Меняет стереотипы поведения, обычаи, привычки, законы. В том числе и брачные. У нас сейчас как раз такой период. Критический. Вот и расцвело подпольное, скрытое многоженство.

– Ну и когда же у нас такое произойдет?

– А тогда, когда бабы поймут свою выгоду. Сообразят, что такой поворот им на руку. Когда критическая масса формально одиноких превысит все разумные пределы. Вот тогда мы выйдем. И потребуем введения нового закона.

– Понять это можно. А вот принять для себя... Сложно.

– Девушка, дорогая! – усмехнулась Бобрина. – В нас, женщинах, сидит собственница. И страх. Как это я буду с кем-то делить мужа? И мы всегда боимся, что если появится у мужчины кто-то на стороне, то нашим детям корму не хватит. От того и ревность дикая, собственническая цветет и пахнет. А по мне, в такой ситуации любой брак – уже хорошо. Лишь бы

дети рождались. Хоть в официальном, хоть в церковном, хоть в гостевом, воскресном, гражданском, каком угодно. Посмотри, сколько девок с ума сходят, замуж хотят. Рожать хотят. А не от кого. Так что живи и радуйся тому, что имеешь.

– Но...

– А что «но», душенька моя? Я вот тоже смолоду все говорила себе: все должно быть по правилам. Как нас учили бабушки и мамы. И что теперь имею, кроме богатого душевного мира?

Тем более, девушка, что ты в своей истории находишься в привилегированном положении. Ни обед каждый день не варишь, ни носков не стираешь, ни лечишь, сопли не утираешь. Живешь, как у Христа за пазухой.

Прямо как королева. На всем готовом. Удобно устроилась. Так что тебе грех жаловаться.

Да, удивил Людмилу Крылову такой поворот разговора с мудрым «мастером рейки».

Удивил. И очень сильно заставил задуматься о жизни. О судьбе. Хотя то, о чем они говорят сегодня, ей знакомо не понаслышке. И то, что каждый стоящий мужичок тянет две, а то и три семьи. И то, что меняется женский взгляд на мир. Стереотип поведения. Но сегодня все это ей додумывать некогда, и она просто сказала сама себе: «Мы вообще более пластичны. И всегда находим оправдание. Хотя бы в виде такой сентенции. Ну, я не виновата. Так получилось».

– Что призадумалась, девонька? – оторвала ее от грез Бобриня.

– Да вот над всем этим.

– Много будешь думать – голова разболится. Морщинки пойдут. Живи проще. На следующей неделе у нас интересная тема. Астрология. Я вам расскажу про знаки зодиака. Будем практически смотреть, под какими созвездиями ваши суженые-ряженые ходят. Кого искать-то надо. А сейчас по домам. Устала я.

Весь вечер, даже засыпая, Крылова размышляла над услышанным. Делала выводы. И вольно и невольно постепенно соглашалась с той простой логикой жизни, которая так незаметно, буднично вторглась в ее мир. Заставляла шаг за шагом пересматривать свои горизонты.

V

Горы в этих пустынных местах похожи на афганские. Песок, камни,

мрачные ущелья. Ни заснеженных вершин, ни шумных речек, ни «зеленки». Все уныло, насквозь продувается ветрами, которые из года в год, из тысячелетия в тысячелетие шлифуют эти камни, обтачивают валуны, скатывая их со склонов.

Их база примостилась у подножия такой вот серой, пустой, поросшей травой горы. Несколько деревянных сборных домиков, огороженных колючей проволокой. Будка КПП, где от секущего песчинками, злого, холодного зимой и огненного, обжигающего летом ветра прячутся часовые. Полосатый шлагбаум. Вокруг на десятки километров – никого. Разве что раз в год забредет в эти края какой-нибудь незадачливый пастух с отарой курдючных овец. И снова – тишина. Но покоя нет.

Степной орел, что живет на соседней, такой же пустынной вершине, почти каждый день наблюдает одну и ту же картину.

Поутру, когда огненный диск солнца только-только отрывается от вершины, а в самой долине у подножия еще царят холод и сумерки, в лагере у ограды начинает тарахтеть дизельный генератор. Загорается электрический свет. Через несколько минут из соседних домиков выскакивают полуголые человечки. И бегом пускаются по тропинке, протоптанной между валунов и камней. Еще через полчаса из домика выходит сухопарый, уже одетый по полной полевой форме майор. Смотрит на часы, на небо. И начинает руководить процессом. Физ-подготовки.

Казаков служит теперь здесь. В республике. В организации, которая раньше называлась КГБ, а теперь переименована в КНБ. Вся разница в одном слове. Раньше это был Комитет государственной безопасности. А теперь – национальной. Суть же работы – прежняя. Охранять существующую власть.

Место это в горах – тренировочный лагерь собственного казахстанского спецподразделения под названием «Арыстан», что в переводе на русский значит «Лев».

Во вновь созданных государствах любят такие красивые, символические названия. Если в империи все было проще – группа «А», группа «Вымпел», то нынче – «Беркут», «Сокол», «Лев». И ничего, что в стране не водятся такие хищники. Зато звучно и красиво.

Сегодня у них по программе сложнейшее упражнение. Стрельба. Но не по мишеням.

Майор после завтрака построил свою группу на стрельбище. И начал инструктаж. Он знает биографии этих людей. Все боевые офицеры. Многие из них, как и он сам, бывали и на настоящей войне, в горячих точках. Но сегодня им предстоит делать нечто особенное. И он стал

объяснять специфику упражнения. Сначала достал из кобуры тяжеленький короткоствольный вороненый пистолет, положил его перед собою на походный столик. Затем рассказал о тактико-технических данных оружия, постепенно подводя рассказ собственно к упражнению:

– Обычно при пулевом попадании в бронежилет человек испытывает сильный болевой шок. И на некоторое время теряет контроль над собою, впадая в ступор. В обстановке скоротечного огневого контакта такая заминка может быть роковой. Поэтому наша задача сегодня – научиться правильно реагировать на такую ситуацию. Максимально быстро оценивать происшедшее и продолжать действовать... Проще говоря, вы должны даже после попадания в бронежилет продолжать вести бой без заминок и в том же темпе. Сейчас вы разобьетесь на пары. И приступим к выполнению упражнения. Первая пара – Едигеев – Ескенбетов. Вторая – Ташиев – Аблаев. Третья – Абикенов – Ералиев. Четвертая...

Он расставил спецназовцев на нужную дистанцию. Показал – куда надо стрелять. И отдал команду.

Сначала тишина. Потом раздался одиночный выстрел. А вслед за ним – короткий вскрик. Майор увидел, как непроизвольно дергаются губы и лицо человека, которому в бронежилет попал кусок свинца.

У этого упражнения есть и еще одна важная цель. Убедить людей в абсолютной надежности бронезащиты. Чтобы чувствовали себя уверенно в любой ситуации.

Вслед за первым раздались новые хлопки. Еще и еще. Как говорится, пошла потеха. Кто-то споткнулся и упал после попадания. Другой отскочил, прижав руки к груди. Третий остался стоять скалой, не шевелясь, но по лицу видно, что он ощутил.

Отстрелялись. Начали разбор упражнения...

Указывая на типичные ошибки, майор Казаков одновременно наблюдал за тем, как за оградой лагеря готовилась к выходу в горы еще одна группа. Во главе ее был молодой, видно, только недавно прибывший с курсов повышения квалификации, старлей.

Да, когда-то, в восьмидесятых, он и сам уходил по горам от преследователей. Учился выживать в лесу, в снегу.

Как давно это было! И как недавно.

Тогда, в горах Алатау, он заигрался. И чуть не убил десантным ножом случайного туриста, набредшего на их бивуак. А потом был Афганистан, Чечня. И сколько с тех пор людей полегло...

В сердце привычно (как будто рогатиной ткнули) толкнулась картинка.

Белокурая бестия, красивая деваха, лежащая в сухой траве. И голос старого казака: «Чего стоишь? Добей!»

Это его старая болячка. Замучила. Застряла занозой в сердце. Надо же, все забывается. И афганские моджахеды, и белодомовские сидельцы, и ичкерийские борцы за шариатское государство, а эта чертова баба так и осталась с ним. Продолжая мучить даже по ночам. Тогда он в горячечном бреду просыпается от этого кошмара. И лекарство у него одно.

Вот и сейчас майор отошел в сторону. Полез в боковой карман куртки, где покоится заветная фляжка из нержавеющей стали. Открутил металлическую пробку на цепочке. И приложился к горлышку. Душистый пятизвездочный коньячок обжег гортань. Несколько хороших глотков. И сразу прибавилось сил. На душе тепло и радостно.

Теперь это у него уже не привычка, а потребность. Пьет он постоянно. Понемногу. Началось это тогда. С первой чеченской. Чтобы расслабиться, они все «принимали на грудь». Каждый день. А теперь уже сложился даже какой-то режим. Утром встал. Настроение поганое. Измотан. Измучен бессонницей. Не знаешь, что и делать. За завтраком, как говорится, принял кофейку с коньячком. И организм запускается в работу. Жизнь налаживается. К обеду опять чувствуешь, что начинаешь уставать. Особенно зимою, когда темно, снег, холод. Всегда найдутся товарищи, с которыми можно пропустить рюмочку-другую. И сразу бодрячком, руки в боки – пошел.

Ну а вечером, как говорится, сам бог велел. Святое дело. Поправить здоровьишко. Тем более, что и компания соответствующая имеется. Женская компания.

Когда он убывал из России, Дубравин попросил его навестить в Алматы однокурсницу Несвеллю Шакеро-ву, которая в его бытность «студиозом» была ему другом и ангелом-хранителем. Он навестил. Да так и остался ночевать.

И так уж повелось у них, что вечерние посиделки у красавицы казашки с тонким профилем Нефертити и гибким, смуглым телом стали постоянным его занятием.

Встречался он иногда и с Амантаем. Тот теперь большая шишка. Вице-премьер правительства. Но друзей старых привечает. И даже в чем-то помогает. Не так давно свел его с нужным человеком. Рахатом Кулиевым. Зятем самого «папы» и по совместительству заместителем председателя Комитета национальной безопасности. Но только Казаков этим знакомством не воспользовался. Что он может просить? Чин? Должность? Майора устраивает и его нынешнее положение. И то дело, которым он

занимается. А в политику ему не надо. Он досыта нахлебался ею в России.

Были, правда, попытки втянуть его в это грязное дело. Дома, в Жемчужном, куда он заезжал на побывку, приходили такие чудные ребята из прорусской национальной организации «Лад». Пытались вести с ним предательские разговорчики о том, что русских в Казахстане притесняют и в связи с этим надо им отделяться и переходить под протекторат России. Приносили литературу в виде самодельного журнала «Русский обозреватель». В этом «Обозревателе» много чего было написано. Но его это не задело, не зацепило. А почему? Да потому, что он знает: положение русских в самой России не намного лучше, чем в новых государствах. И пока в Московии у власти так называемые либералы, оно нисколько не изменится.

Ну а в Казахстане все ясно. Здесь строят национальное государство. И власть здесь в руках коренных. Значит, надо налаживать отношения с этой элитой. Тем более, что народ здешний совсем не глупый. И если вначале на волне национальной истерии повыгоняли из органов всех русских, то теперь сообразили, что без специалистов – никуда. И начали возвращать. Правда, в основном на технические должности.

Но Казакова и это устраивает.

Так вот и прижился он на своей новой старой родине. Не заморачиваясь. И старательно выполняя свои служебные обязанности.

Хотя прошлое нет-нет да и напоминало о себе. Недавно был в Алма-Ате. И оказался рядом со зданием, где находилось их республиканское управление. Там, судя по вывескам, теперь базируются вполне себе гражданские организации – частная картинная галерея и еще что-то. Захотел посетить родные пенаты. Но когда он попытался было туда зайти, его не пустили. Вышел такой дядечка в штатском. И заявил, что галерея закрыта на смену экспозиции. Казаков, конечно, сообразил, что нет там никаких картин. А под прикрытием располагается какой-то технический центр или узел секретной связи. Его бывшие, да и нынешние сослуживцы свое гнездо просто так не отдадут. Они теперь все выросли в чинах, набрали силу. И по-хозяйски распоряжаются советским наследством.

Кажется, его подопечные в основном освоили сегодня то, что от них требуется. Можно и передохнуть. Инструктор объявил перекур, а сам привычно достал теплую от тела стальную фляжку. Встряхнул содержимое. Проверил – сколько осталось. И аккуратно вытер губы после пары глотков.

Так вот и живет. Не замечая, что живет за счет резервных сил организма. На подсосе...

VI

Погода сегодня преподнесла сюрприз. Синоптики обещали солнце и мороз. А уже с утра задул такой свирепый восточный ветер, что поднятый из степи снег через пару часов начал заметать дорогу в аэропорт. Хорошо, что его могучий черный полноприводный «сабурбан», с легкостью разметывая большими колесами сугробчики и языки снега на трассе, вовремя доставил их к месту старта. И теперь Амантай Турекулович сидел вместе с дядей Маратом в уютном зале для особо важных пассажиров, пил душистый китайский чай и разговаривал, то и дело поглядывая через стеклянную стену аэропорта Астаны в сторону взлетной полосы.

А там бушевала пурга. Снег под действием ветра, словно живое существо, волнами перемещался по полю. Снегоуборочные машины, выстроившись в колонну, светя фарами и огнями, раз за разом двигались по полосе, сталкивая снежные валы обратно. На белом ковре, там и тут, словно замерзшие левиафаны, стали без движения присыпанные самолеты. То ли настоящие, то ли призрачные.

Дядя Марат, маленький, сухой, но по манерам – властный и непростой дедушка сидел в черной дубленке и большом вязаном шарфе, попивая остывший кофе и периодически доставая племянника разными вопросами о современной жизни казахской элиты. Мишенью для его язвительных замечаний и подколов стала новая столица республики Астана – бывший Целиноград.

Зябко поводя худыми плечами под замшей, бывший заведующий организационным отделом ЦК, слегка усмехаясь тонкими бескровными губами, говорил о депутатах:

– Они как бараны! Назарбаев прислал в Мажилис проект закона о переносе столицы в Целиноград. Что они сказали? Вместо твердого «нет», начали бляеть: «Сегодня у него день рождения. Давайте порадуем нашего президента. Проголосуем за этот законопроект. Не будем расстраивать его в такой день! Ведь это же явная глупость. Он побалуется и забудет об этой затее. И все останется, как было». Да, останется! Держите его за руки!

Амантай поежился в кресле. Дядя на пенсии. Уважаемый аксакал. Ему можно говорить все. Тем более, что он раздражен и уязвлен. Приехал на прием к Самому. А ему дали от ворот поворот.

Много их поперву приезжало сюда, старых представителей советской номенклатуры. Они и в Алма-Ате осаждали президента каждый божий

день. Все хотели дать ему советы, как надо управлять независимой страной.

Может, это тоже стало одной из причин переноса столицы в эти бескрайние, холодные степи?

Все сегодня гадали на эту тему. Что двигало президентом? Очередная причуда? Каприз? Желание прославиться в веках? Сделать, как Петр I в России?

Туман. Полный туман. Сплошной туман.

И теперь они все были вынуждены мотаться и метаться между Алма-Атой и Астаной (Амантай по привычке называет Алма-Ату в русской транскрипции. Как привык. А не так, как решено нынешними учеными мужами).

Возник новый миграционный поток. Пять дней в неделю чиновный люд живет и действует в новой столице. В городе, который раньше назывался Целиноградом, а еще раньше Акмолинском, Ак-Молой. В переводе – «белой могилой». А на выходные все возвращаются к «отцу яблок», то есть в Алма-Ату. И это понятно. Разве мог бы свободный человек поселиться в таком месте? Летом жара. Под сорок. Зимой мороз. Под пятьдесят. И самое главное – постоянные степные ветра, которые зимой дуют с такой силой, что сбивают человека с ног. Земля суровая, бесплодная. Жизнь тяжелая.

Сюда, на берег болотистой речки Ишим, всегда ссылали за тяжкие грехи. Царь – революционеров. Сталин – врагов народа. Точнее, не «врагов народа», а их жен. Лагерь так и назывался – «Алжир», что расшифровывалось как «Акмолинский лагерь жен изменников Родины».

Ну а когда великий вождь и отец всех народов почил навеки, то лагеря расформировали. Остались только воспоминания и островки зеленых оазисов в бескрайней степи. Сам Амантай Турекулович помнит, как после университета их направили на военные сборы в эти края. И тут, рядом с их палаточным городком, посреди дикой природы, они как-то обнаружили длинные аллеи из деревьев и кустарников. Знающие местные объяснили: это остатки «Алжира». Бараки и вышки-то сожгли, а деревья остались.

И вот Назарбаев решил строить столицу нового Казахстана в этих гиблых местах. Город переименовали в Астану, что значит в переводе «столица», и начали отстраивать. Почти с нуля. Потому как расселить все многочисленные министерства и ведомства в имевшемся административном здании бывшего обкома партии было невозможно.

А агай Марат все не унимался. Критиковал новую столицу:

– Гостиницы тут вообще никудышные. Сегодня ночью я проснулся от запаха дыма в номере. Потому, что с утра затопили печь, а дымоход прохудился. И дым стал проникать в незамазанную щель. Вот такой тут сервис, племянник. Как тут можно работать?

– Агай, сейчас уже начали строить новые большие гостиницы, – словно оправдываясь, ответил Амантай, поглаживая стриженный затылок. – Президент распорядился и коттеджи строить для чиновников. Вы видели, вдоль дороги стоят?

– В этом коттедже, когда задует такая вот пурга, и дверь-то не откроешь наружу, – парировал дядя Марат. – Смотри, как метет. И стена дрожит.

Амантай промолчал. Чего спорить-то. И так все понятно. Мысли текли в привычном русле. Вот он уже вице-премьер правительства. Высоко поднялся. А счастья нет. Вроде все нормально. Дети подросли. Жена пошла работать. А ему все чего-то не хватает.

– Наверное, он боится китайской угрозы, – продолжал излагать свои догадки о переносе столицы дядя. А то Алма-Ата находится недалеко от границы. Точно. Ведь мы, казахи, всегда боялись этого восточного соседа...

Амантай усмехнулся про себя. Он-то знает, что не китайцев боится президент. А своих. И страх этот зародился в декабре 1986 года, когда на площадь вышла молодежь. И хотя впоследствии в книгах «папа» писал, что он приветствовал то выступление, на самом деле все не так. И, по-видимому, уже тогда он понял, что столица для него чужая. В этом большом городе в любую минуту люди могут оказаться перед дворцом. И именно страх заставил его отгородиться от них тысячами километров бескрайней холодной степи.

Амантай вспомнил тот декабрь: «Да, демонстранты и двадцати минут не простояли бы здесь на площади. Живьем бы померзли на таком ветру. Превратились в ледышки».

К их столику то и дело подходили все новые и новые пассажиры, заполняющие этот элитный зал. Завидев его, почтительно здоровались. Подходили, слегка наклонившись и протянув обе руки вперед. Все, как всегда.

Дядя Марат, видно, от скуки, продолжал философствовать все на ту же тему:

– А может, он хочет разбавить, смешать население страны? Ведь не секрет, что русские и другие некоренные живут в основном на севере республики. И близость к России, а также некоторая доля сепаратизма

могут привести к тому, что они, например, захотят отделиться. И уйти в Россию? Может, поэтому он хочет, чтобы сюда, в центр страны, перебралось как можно больше народа с юга и возник этнический баланс?..

Вице-преьера уже начало раздражать это стариковское брюзжание: «Вот привычка. Уже вроде на пенсии. Сидел бы дома. Нянчился с внуками. Розка, дочка его, уже сколько нарожала! Ан нет. Все-то ему надо знать. Привычка политиканствовать осталась с ним навсегда. Старики не хотят уходить молча». Амантай вспомнил покойного отца. Похороны. И на минуту выпал из реальности. К жизни его вернул милый девичий голосок. Красивая молоденькая русская официантка собрала со столика использованную посуду. И, почтительно склонившись, спрашивала:

– Амантай Турекулович, не хотите ли еще чашечку кофе?

Он одним взглядом охватил ее – полные белые ноги в колготках, коротенький передничек, большая волнительная грудь, милое круглое личико. Стоящий экземпляр. Но, вздохнув, отказался:

– Нет! Спасибо!

Официантка ушла. А мысли за нею: «Здесь очень много красивых молодых русских местных женщин. Из семей кержаков, которые ехали сюда еще с первой волной столыпинских переселенцев перед Первой мировой войной. Менталитет и нравы у них простые и строгие. До свадьбы – ни-ни». Одна такая, за которой он слегка приударил, объяснила ему точку зрения местного женского населения на свободную любовь. Было это после ресторана, когда он пригласил ее «в номера»: «Не дам! Женись! И тогда хоть ложкой ешь! А сейчас не дам!»

А ведь это тоже большая проблема. У большинства жены и дети остались в Алма-Ате. В насиженных гнездах. А здесь острая нехватка женщин. Демографический перекося. В итоге из разных мест Казахстана девчонки и молодухи устремились в новую столицу. В надежде подцепить жениха.

В общем, голова кругом идет. А из-за чего? Из-за того, что «ноль первый» захотел построить себе пирамиду?

А дядя Марат, словно уловив телепатически его мысль, вслух рассуждал:

– Наши советские вожди тоже любили оставлять после себя памятники. Увековечивать себя. Хрущев худо-бедно заслужил звание покорителя целины. А Кунаев? Ведь он тоже строил, холил и лелеял Алма-Ату. И построил. Он тоже хочет себя увековечить. Только вот получится ли? – задумчиво заканчивает он.

Под крышей аэропорта, откуда-то сверху раздался призывный голос

аэрофлотовской сирены:

– Начинается регистрация на рейс номер двадцать восемь тридцать шесть Астана – Алма-Ата. Пассажиры просят пройти...

Многочисленные круглолицые чиновники администрации президента, похожие в своих коричневых дубленках и норковых шапках как близнецы-братья, оживились, зашевелились. И устремились к выходу.

Амантай и дядя Марат остались одни в почти пустом VIP-зале. Ему не надо спешить. Сейчас придет дежурная, заберет билеты, сходит и сама все сделает. А потом через отдельный ход они подойдут к отдельному автобусу. Положение обязывает. Хотя и закончилась эпоха советской номенклатуры, но сама номенклатура осталась.

VII

Дело, которому он посвятил себя, постепенно ширилось и росло. И коллектив подобрался хороший. Журналисты и дизайнеры, рекламщики и распространители – все сплошь молодые, живые, энергичные люди. Одна проблема – теснота в офисе, который расположился в районе частных домов.

Собственно, это и не настоящий офис, а просто двухэтажный жилой дом, в котором людей, как в бочке сельдей.

Но это все временно. У него в сейфе уже лежит «зеленка» – свидетельство о государственной регистрации на недвижимость – на отличное четырехэтажное административное здание, приобретенное издательским домом «Слово» у авторемонтного завода. И Дубравин, разглядывая план нового офиса, прикидывал, как бы ему разместиться со своей свитой.

За этим занятием его и застал директор «Слова» Сергей Чернозёмов. Он зашел в закуток, где пристроился «хозяин», и сразу в этой малюсенькой комнатке под крышей им двоим стало тесно. Сергей, здоровенный, под два метра, атлетически сложенный черноволосый и черноглазый тридцатилетний мужик, присел на краешек стула напротив шефа и стал торопливо говорить:

– Александр Алексеевич! Понимаете, какое дело! Я вчера ходил в наш новый офис к арендатору, который сидит в нашем здании, чтобы договориться с ним о выезде. Ну, сказал ему, что мы, мол, купили здание у завода...

– А кто там сидит? – уточнил Дубравин.

– Там размещается начальник областной гражданской обороны генерал Кутрияков со своим штабом.

Дубравин присвистнул:

– Ну и что?!

– А он мне выдал в ответ: «Никуда мы выезжать не будем!»

– Это как?

– Я ему показал документы. Купчую, бумагу о регистрации сделки, копию «зеленки».

– А он? – Дубравин уже начал терять терпение и злиться на мнущегося директора.

– А он заявил: «Мы здесь власть! Законы писаны для вас. А мы что

хотим, то и делаем!»

– Они что, совсем охренели?! – Дубравин даже слегка очумел от такого разговора. – Мы же это здание купили. Деньги заплатили заводу. И немалые деньги.

Вечером он сидел у себя на квартирке и размышлял над услышанным. И никак, ну никак это не укладывалось у него в голове. Какой-то штатский генерал от гражданской обороны. Тыловая, разжиревшая на казенных харчах крыса ставит себя выше закона, порядка и вообще здравого смысла. Ему, человеку, прибывшему из центра, прошедшему непростой путь, невдомек, что российская провинция отстала от Москвы навсегда. Менталитет, порядки здесь сохранились еще те, советско-феодалные. И «красный пояс» – это не красивая лингвистическая метафора, а реальность, в которой живут миллионы людей. А власть, которая якобы должна продвигать в жизнь реформы, сама нуждается в реформировании и смене поколений.

«Что ж здесь за нравы такие?» – думал он, разглядывая по телевизору местные новости, в которых новый, недавно избранный губернатор вещал о своей программе подъема сельского хозяйства области.

Дубравин знал, что область эта была славна еще недавно своими заводами. Теперь ничего этого нет и в помине. Когда искал офис, посетил несколько таких знаменитых в прошлом производств. Был он на бывшем станкостроительном заводе, который поставлял уникальные механизмы в сорок стран мира. На погибшем экскаваторном был. Шинном. Телевизионном. Везде его встречали разруха и запустение. Особенно поразили руины молочного комбината.

«Как же так, – думал он. – Ладно, может, экскаваторы или самолеты наши неконкурентоспособны, не того качества, не той цены. Но ведь кефир и молоко нужны всегда и всем. Каждый день. Так почему же стоят в рядок эти ржавые автомобили-молоковозы со спущенными шинами?! Как они-то могли не вписаться в рыночную экономику?»

Много таких вопросов задавал он себе по ходу поисков. И никак не мог понять. Почему? Кто? Каким образом? Без войны, стихийных бедствий довел страну до такой вот разрухи? Вроде все старались во благо. И говорили о хорошем. Свободе, развитии, инновациях. А результат налицо. И теперь на руинах поднялись вот такие вот князьки, которым ни закон, ни порядок не писаны.

Дубравин впервые столкнулся с такой невероятной наглостью и хамством. Поэтому в первую очередь решил заручиться поддержкой и советом бывшего хозяина, продавшего им здание. Директора

авторемонтного завода. Может, он чем-то сможет помочь в борьбе со своим арендатором.

* * *

Старинный серый, квадратный «вольво», давно утративший свой лоск, остановился у зеленых обшарпанных металлических ворот авторемонтного завода. Они зашли на проходную за пропуском. И очутились в помещении с неизменными атрибутами такого рода предприятий. Железными вертушками, калитками, окошками, где выписываются бумажки-пропуска. И строгими бабусями-вахтершами в зеленой униформе.

Через пару минут, судя по всему, потраченных на звонки с проходной, они проникли на территорию завода. И, надо сказать, на довольно обширную территорию.

«Это надо же иметь такой огромный кусок земли прямо в городе, – оценил наметанным глазом Дубравин. – В столице уже давным-давно его бы застроили торговыми центрами и жилыми домами. А тут еще, как говорится, и конь не валялся. Все сохранилось в первозданном виде. Зеленые дорожки, питьевые фонтанчики, беседки для перекуров, бюст Владимира Ильича посреди заводского сквера».

Дубравин привык, что у него в приемной всегда есть люди. И очень удивился тому, что кроме пожилой некрасивой секретарши, одетой в длинную помятую юбку, здесь никого не было. Она позвонила шефу. А затем провела их в директорский кабинет, обставленный в советском стиле. Просто, дешево и сердито. Столы, стулья, кресла, портреты президента и премьер-министра, пыльные бумаги. Ни ковров, ни красивой мебели, ни дорогостоящей электронной техники.

Директор встретил их радушно. Это был высокий седеющий мужчина с нездоровым цветом лица и набрякшими «мешками» под глазами.

«Явные проблемы с почками», – подумал Дубравин. Директор рассадил своих гостей в неудобные кресла. Достал откуда-то из сейфа три пузатеньких наперстка и грушевидную бутылку коньяка. Капнул в рюмки коричневую жидкость.

В кабинете сразу пахнуло терпким напитком.

Дубравин взял рюмочку. А Чернозёмов, сославшись на «за рулем», отказался. Обошелся минералкой.

Чокнулись. Выпили за знакомство. И Дубравин рассказал Ивану Петровичу Савостьянову случившуюся историю.

Старый «боец за собственность» внимательно оглядел своих молодых партнеров и начал рассказывать историю того, в какой борьбе ему довелось

поучаствовать, когда происходила приватизация этого и других предприятий. Сколько наездов он пережил, в каких передрягах побывал.

Дубравину рассказывали, что Савостьянов в свое время, когда фабрики и заводы начали загибаться, был назначен внешним управляющим нескольких таких предприятий-банкротов. Он собрал, скупил акции дышащего на ладан производства. И запустил в работу, став, таким образом, владельцем крупного актива. Но Александр не представлял себе, насколько ожесточенной, беспощадной была борьба.

– Последний раз они пытались сбить мою машину с дороги КАМазом! – вдохновенно рассказывал директор. – А у вас все проще. Все друг друга здесь знают. Позвонил Иван Петрович Петру Ивановичу: «Милай, тут заезжие москвичи меня обижают. Помоги. Ты – мне. Я – тебе». Вот так все и решается.

Так что из рассказа директора как бы опосредованно вытекало: «Боритесь, бейтесь! За свое».

Наконец после третьего наперстка они услышали то, зачем сюда, собственно говоря, и пришли.

– Я вас, ребята, поддержу против этого козла. Тем более, что этот деятель уже три года не платит ни за аренду, ни за коммунальные услуги, ни за свет.

Ободренные его обещанием, отправились восвояси.

По дороге Дубравин заметил Чернозёмову:

– А Савостьянов крепкий мужик. И не боится.

– Да, у него мощная поддержка есть. Брат в соседней области начальник. Генерал.

«Видно, здесь всё так. Все повязаны. Все друг про друга всё знают. Кто к какому клану принадлежит. Кто с кем дружит. Кто кого любит. Какие счета. Это надо учитывать. Провинция. Впрочем, будем двигаться. Нам отступить некуда. Нужен сильный ход. А силу чувствуют по наглости. Подаем иск в суд. О принудительном выселении генерала».

* * *

При наезде в Москву Дубравин, по совету старого юриста Розенцвейга, направил свои стопы в знаменитую адвокатскую контору имени Генриха Бадвы. Располагалась она в центре столицы, в полуподвале красивого старинного бело-розового здания.

Он покрутился вокруг несколько минут, пока нашел вход. Спустился на несколько ступенек вниз. Позвонил в домофон, прикрепленный к красивой дубовой двери с бронзовой начищенной ручкой.

Ему открыли. И он оказался в хорошо отделанном небольшом холле. С красивой мебелью, кожаными черными диванами, удобными полулежачими креслами и цветами. Ему навстречу из боковой двери выплыла красивая и пышнотелая черноволосая девушка с округлым овалом лица и небольшой симпатичной горбинкой на носу. Взгляд ее черных глаз с поволокою остановился на мощной фигуре Дубравина. И прекрасная дочь из-раилева спросила:

– Вы к кому?

– Я вам вчера звонил! Мне нужен господин Бадва! – в простоте душевной заявил он, думая, что если контора носит знаменитое имя, то соответственно сам хозяин и занимается с клиентами. Конечно, он ошибался. Старенький Бадва уже давным-давно служил лицом, брендом. А работали с клиентами совсем другие люди.

– Генриха Константиновича нет. Вашим делом он поручил заняться мне. Меня зовут Ирина Хмельницкая, – и она протянула ему свою надушенную пряными духами визитку.

Пришлось излагать свое дело ей. Оказалось, женщина она толковая. Во все вникла. И через неделю вчинила генералу такой шикарный иск, что прямо пальчики оближешь. Всего за две тысячи долларов гонорара.

И вот час икс. Областной арбитраж начал рассматривать иск «Слова» к областному управлению по чрезвычайным ситуациям.

Дубравин, уверенный в правоте своего дела, спокойно сидел у себя на месте, когда к нему залетел взъерошенный и возбужденный юрист издательского дома. Закипая, как самовар, юрист – такой упертый, верящий в первенство закона товарищ, доложил начальству обстановку на фронте:

– Блин, судья даже не стала вникать в наш иск. Зря вы такие деньги потратили.

Дубравин опешил.

– По ходу заседания сразу стало видно, что судью вообще не интересуют никакие доводы. У нее такой вид, как у того кота из мультфильма. Помните, он все говорил попугаю: «Что ты нам все рассказываешь – Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят!» В общем, зря она так старалась, рылась в статьях, искала прецеденты, приводила доводы. Нашим судьям это неинтересно. Видно, им уже дали указания.

* * *

Прошла неделя, другая... И каково же было потрясение всех участников концессии, когда они получили решение суда. В иске им было

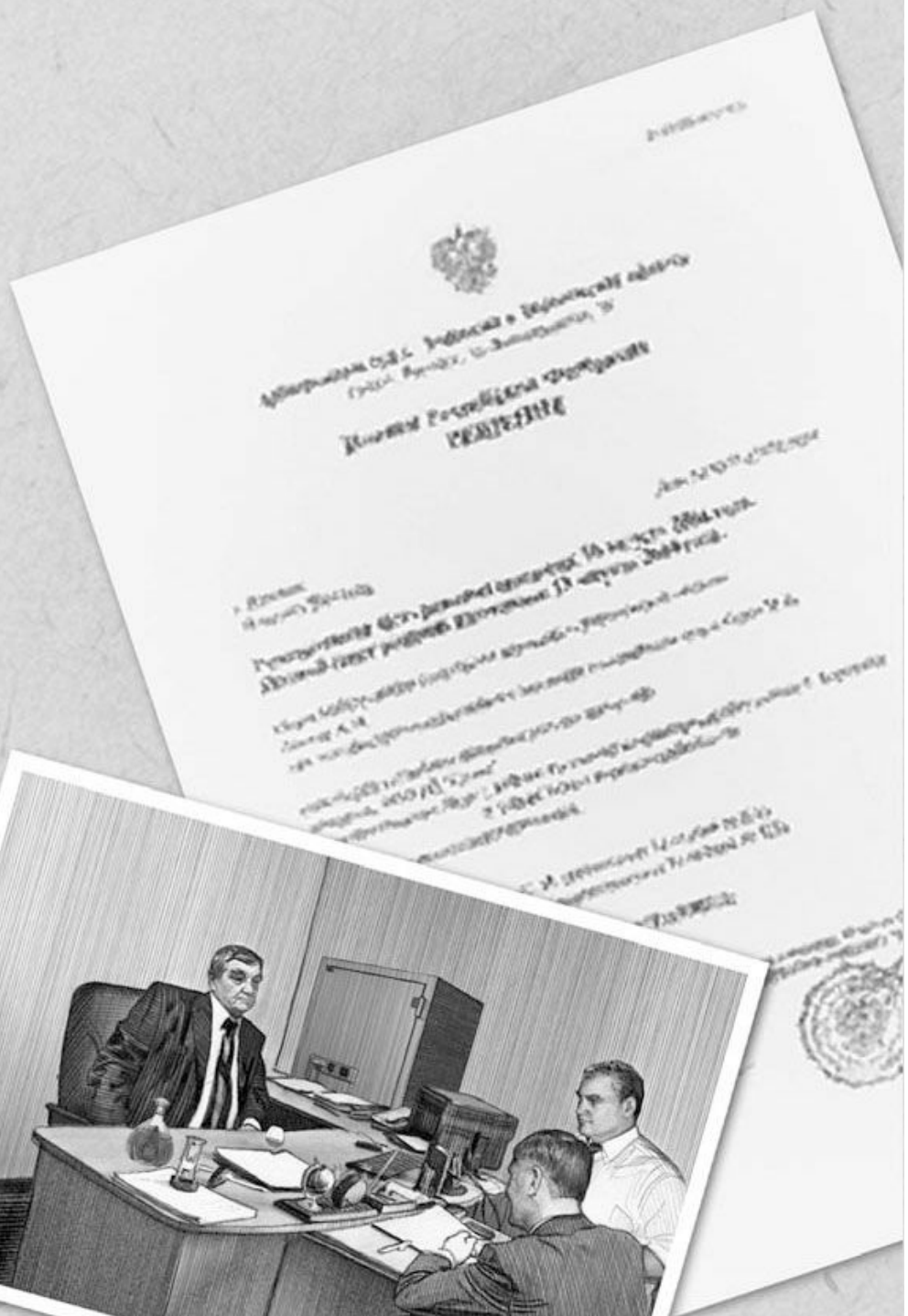
отказано. На основании того, что еще до того, как они купили это здание, его «хотела приобрести областная администрация». И не только хотела. Но и якобы приобрела. Только договор, по которому она это сделала, потерялся на почте. Это было настолько нелепо, нагло и бессовестно, что Дубравин даже на некоторое время потерял дар речи.

Эта гнусная бумажка, подписанная некоей судьей А. Н. Лакиной, показывала еще одно обстоятельство. За мерзавца в генеральском мундире вступилась областная администрация. И если раньше в России царил бандитский беспредел, то теперь они столкнулись с беспределом чиновничьим, который был намного круче.

Через пару дней суровый человек с густым ежиком волос и скрипучим въедливым голосом, юрист издательского дома, принес еще одну весть:

– Областная администрация подала иск в суд. О признании нашей сделки о купле-продаже здания недействительной.

Это означало, что их решили еще и ограбить, обобрать до нитки.

«Дас ист фантастиш! – думал Дубравин, разглядывая очередное решение суда. – Куда я попал? Где мои вещи?!»

Но унывать и рыдать, выдирая волосы на голове, ему некогда! Надо что-то делать!

После короткого совещания со своими сподвижниками Дубравин решил отправиться в областную администрацию к человеку, занимающемуся возникшей проблемой.

Алексей Хитроев, заместитель губернатора, ведающий вопросами областного имущества, оказался, на удивление Дубравина, молодым длинным парнем с круглым и курносым лицом, на котором застыло выражение некоторой наивности и интеллигентности. Они встретились. Но почему-то не в здании администрации, а на нейтральной территории. Разговор получился какой-то странный. Естественно, Дубравина интересовало, собирается ли областная власть выполнять законы и отдавать «Слову» его имущество.

Но Хитроев сразу заявил, что он не уполномочен решать этот вопрос.

«Тогда какого хрена мы встречаемся здесь?» – подумал Александр.

Но длинный Леша развеял его сомнения самым простым и эффективным образом:

– У меня есть время на телевидении. Я делаю местную новостную вставку. Как бы нам слить вместе ваш издательский дом и мою медийную команду? Чтобы совместно вести дела.

Дубравин, который уже достаточно давно работал в медиаиндустрии, прекрасно понял этот тонкий намек на толстые обстоятельства: «У него в аренде есть время на телеканале, то есть практически ничего, а у меня производство десятков газет. Получается, он, обнаружив наше трудное положение, хочет воспользоваться им и получить долю в издательстве “Слово”. Просто так. За красивые глаза. Интересно». И в ответ спросил:

– Ну, при таком слиянии мне придется уступить какие-то проценты. И на сколько вы рассчитываете?

– Может быть, на пятнадцать – двадцать, – не моргнув глазом, ответил длинный Леша.

«Однако, аппетиты у этих ребят! Им палец в рот не клади!» – подумал Дубравин и ответил просто:

– Это вряд ли возможно. Мы занимаемся газетами и телевидение нам, по большому счету, ни к чему.

На том и расстались.

Ну а судебное дело тем временем шло своим порядком. И как

ни странно это выглядело, вышестоящая инстанция, не моргнув глазом, подтвердила решение нижестоящей.

VIII

Что-то пошло не так, как мечталось. Розовая иллюзия о сафари-парке для братьев наших меньших начала таять на глазах. Реальная жизнь с ее так называемой рыночной экономикой диктует свои законы. И в ней нет места для сентиментальных мечтаний о единении людей и зверей в духе любви и гармонии. Шурка Дубравин, с которым они изредка виделись, как-то даже пошутил над переживаниями Володьки Озерова:

– У тебя получается, как у Козлевича с его «Антилопой-Гну». Тот тоже мечтал катать добропорядочных мещан с детишками, а в итоге по ночам возил голых «упырей».

Ему, может, и смешно. А Володьке грустно и больно видеть свою загибающуюся мечту о зверином рае.

Сначала вроде бы все было «на мази». Приезжала экскурсия к соседям в заповедник, в музей, на бобровую ферму, а Володька уже поджидал их автобус на площадке. Не желаете ли, товарищи-граждане, побывать, мол, еще и в сафари-парке? Он тут, рядом находится. Народ и рад. На халяву почему бы не порадовать себя и близких. Приезжали. Ходили, смотрели, кивали головами, цокали языками. Ух ты! Как славно все устроено!

Так он заманил несколько автобусов с экскурсантами. Проехался по школам. Договорился с директорами. В общем и целом, как и мнилось ему, дело пошло на лад. Стали даже отдельные высококультурные жители губернии навеваться.

Аксёнтов, тот прямо расцвел. Зауважал товарища за удачную идею. Но когда они начали продавать билеты за деньги, тут-то и обнаружилось, что лицезреть лес и зверюшек за свои кровные охотников нет. Это там, на гнилом Западе, вошло в моду разглядывать птичек в бинокли, фотографировать зайчиков и лисичек. Нам давай чего-нибудь попроще, материальней, что ли.

А людям и зверям тоже надо кормиться.

В общем, потыркались они, помыкались. И решили специализироваться на богатых охотниках.

Таковые не замедлили явиться. Под вечерок, глядишь, подкатывает к воротам парочка больших черных джипов. А в них такие крутые ребята, такие широко известные в узких кругах люди, что только диву даешься...

Ну, соответственно, их встречают и размещают по высшему разряду. И обеспечивают полным набором услуг. От шикарной выпивки и закуски из кабанятинки и лосятинки до «двуногой дичи» из города.

Первый раз бедный Володька ужаснулся, когда заезжие охотники спьяну начали палить во все, что движется, скачет, летает по их парку. Тут, как говорится, дело мастера боится. Зверья покалечили много.

А вот Аксёнтов, как все посчитал, то от радости аж запел. Клиенты этот чудовищный счет оплатили. Хозяева подранков добились, туши разделали, гостей проводили.

И конвейер наконец заработал.

В общем, жизнь распорядилась по-своему. Не так, как мечталось. Но тоже неплохо. И через несколько месяцев никто уже и не вспоминал о школьных экскурсиях в их «зоопарк». Все сосредоточились на добывании денег.

Процесс налачился. Своих животных стало не хватать. Да и клиенты частенько просили чего-нибудь новенького. Какого-то звериного разнообразия. Так что пошла у Володьки Озерова жизнь командировочная. То на Кавказ летит за турами, то на Дальний Восток за оленями, то в Среднюю Азию за муфлонами. Это как пожелают богатенькие буратины.

Только позавчера Озеров в очередной раз вернулся из командировки – привез на скотовозе целое стадо буйволов. Красавцы все, как на подбор. Выпустили их в загородку. А уже завтра должны приехать гости из Москвы. Привезет их сам хозяин – Владимир Федорович Чикунов. То-то будет потеха.

Аксёнтов ликовал. Уж теперь-то касса наполнится. Хозяин предупредил, что гости его дорогие. Охочи не только до свежей дичинки, но любя и «клубничку».

С утра он сидел на телефоне, обзванивал «агентства». Чтобы назавтра подготовили свой лучший «товар». Так сказать, не ударили в грязь лицом.

Володька повертелся в конторе. Сдал финансовый отчет бухгалтеру. И вышел на крылечко, где томились в ожидании егеря. Постоял какое-то время с ними. Перекинулся парой фраз. И как-то так, само собою, невзначай и в сердцах высказался о наболевшем:

– Блин, хотели построить сафари-парк, а получилась настоящая бойня!

Но егеря как-то не поддержали этот разговор. Вяло так, потупившись глазами, забормотали что-то насчет того, что деньги, мол, платят. Так что же еще надо? А то вон в деревнях все уже который год без работы сидят.

Только седобородый огромный Митрич, похожий на дядю Ерошку из «Казакон», крякнул:

– Да-а-а! – и почесал лопатообразной рукой всклокоченный загривок под фирменной зеленой кепкой.

IX

Сегодня у нее несколько встреч. И все важные. Первая в отеле «Националь». Недалеко от Кремля. Клиента зовут Ашотом Аршаковичем. Фамилия Аскандирян.

Кто он? Посредник? Лоббист? Доверенное лицо? Кто его знает!

Ее серый «вольво» с водителем медленно полз в пробке на Тверской в крайнем правом ряду. Припарковаться мешали брошенные на обочине машины. Так что ей пришлось десантироваться почти на ходу.

Водитель Леша притормозил на несколько секунд. И она выскочила на заснеженный тротуар.

Захрустел под лакированными сапожками снежок. По ступенькам, покрытым красной дорожкой, напрямик к стеклянной двери, за которой маячил фирменный швейцар в ливрее. Главное тут – не стесняться. Все мы вышли из советского прошлого. Привыкли к тому, что швейцар – фигура сакральная. Может преградить путь. Не пустить. Но сейчас другие времена. И швейцар, почтительно поклонившись ее шубке из шиншиллы, открыл дверь. Ведь для того он и существует, чтобы открывать ее перед гостями.

Она проскочила мимо. И взгляделась близорукими глазами в глубину холла, заставленного роскошной мебелью. Через секунду увидела самого Ашота Аршаковича, идущего ей навстречу с протянутыми волосатыми руками и сияющими улыбкой и лысиной.

– Бонжур! Тужур! Сис жур!

Они устроились за столиком в необъятных креслах, чтобы спокойно поговорить. Незамедлительно из-за стойки бара появился черно-белый официант. Тихо подошел к ним. Предложил церемонно:

– Чай? Кофе? Господа! Вот наше меню.

Аскандирян заказал себе капучино. Она, с мороза, чай с яблочным штруделем.

Разговор изначально шел о том о сем. О погоде, о природе, о газете и ее возможностях.

– Мы можем разместить вашу статью как в полном тираже, на всю

страну, так и в его части, – Галина ввела в курс дела потенциального клиента. – В том числе отдельно на Москву и столичную область.

– И сколько это будет стоить? – сразу взял быка за рога опытный лоббист, поглядывая на ее тоненькую фигурку с некоторой долей интереса и любопытства.

– А это будет зависеть от многих составляющих. От тиража, скидок, формы оплаты. По счету или наличными. А также от того, о чем будет эта статья.

Аскандирян поерзал в широком кресле, на секунду призадумался, а потом затараторил:

– Мы оплатим это наличными. Но, скажем, в договоре пропишем одну сумму, а на самом деле уйдет совсем другая. Так можно?

Она понимающе молча кивнула. Знакомая схема. Посредник хочет получить свой откат с заказа.

– Статья будет острая, критикующая определенных высокопоставленных лиц. А можно, например, ее поставить так, чтобы видно было, как будто она не коммерческая, а редакционная? Без этих ваших значков «на правах рекламы»?

– Тогда мы применим коэффициент, – заметила она. – За риск. Газета ведь тоже рискует. Могут подать в суд. Оштрафовать. Попытаться включить административный ресурс.

Она говорила, а сама в это время обдумывала: «Жаль. Если бы он кого-нибудь хвалил, можно было бы обойтись и без договора вообще. Взять деньги черным налом. Отдать ему откат. Процентом десять оставить себе. Так сказать, клиентские. Ну а остальные сдать во вторую кассу бухгалтеру. И все были бы довольны. А тут придется все-таки оформлять договор. Жаль. А сумма немаленькая».

Официант принес кофе, чай и ее любимый свежий венский штрудель. Пока он расставлял посуду на столике, обе высокие договаривающиеся стороны молчали. Когда «черно-белый» отошел, она, видя, как переживает клиент, сказала вслух:

– Коэффициент будет не очень большой. Я думаю, мы договоримся.

Попав в этот мир политиков и толстосумов, она ни одной минуты не задумывалась о том, хороши или нет те правила, по которым им всем приходится жить и действовать. «Не нами придумано, не нам и менять», – сразу установила она для себя. В этом ее правда, правда женщины, решившей выжить любой ценой. Это мужики пусть выпендриваются и не поступаются принципами. А она будет подстраиваться и использовать сложившуюся ситуацию. Так что, если не кочевряжиться, то всегда можно

договориться. Особенно сейчас, когда идет очередная, которая по счету, предвыборная кампания. Партии возникают. Платят. Поливают друг друга грязью. Потом исчезают в тумане. А газеты остаются. И им нужны деньги на зарплаты, премии, бумагу, печать.

Так что завтра они встретятся в укромном месте. Например, в ресторане «Якорь» на другом конце Тверской. Она, наверное, получит увесистый, завернутый в газету или в целлофан денежный «кирпич» (странно, почему-то у нас всегда носят деньги в хозяйственных сумках или полиэтиленовых пакетах). Отвезет его в редакцию, точнее, в дирекцию. И все завертится. Запляшет, заиграет.

* * *

Она выскользнула из отеля. И торопливо, похрустывая снегом под ногами, поспешила на стоянку, где ждал автомобиль.

Москву заметало. Машина уже была в белой шапке на крыше.

Но тронулись. У нее сегодня еще одна встреча. А потом еще одна. И попадет она домой поздно вечером, когда Георгий уже будет спать. А Влад досматривать свой футбол. Она быстро примет душ. И плюхнет на кровать. Но не заснет сразу. А еще долго будет ворочаться. Обдумывать то предложение, которое сделал ей вчера Кряков – исполнительный директор холдинга «Молодежной газеты».

Он предложил ей, да и всей их команде перейти на работу в конкурирующую фирму. Ей там светит очередное повышение.

Но это все надо будет хорошо обдумать. Хотя! Это Дубравина и тех первых с молодежкой связывало слишком многое. А они просто наемные менеджеры. Им уже все равно, на кого работать. Лишь бы платили побольше. Но все-таки надо еще подумать. Поторговаться, в конце концов. Она теперь дорого стоит.

Х

Ночью ему приснился сон. Будто он вернулся домой. Открыл дверь. И обнаружил, что в доме полно каких-то странных и одновременно страшных существ. То ли упырей, то ли вурдалаков. Но больше всего там ушастых отвратительномордых гоблинов. Начал он их бить, выгонять. Но никак не мог с ними справиться. Только одних разметет, тут же появляются другие.

В конце концов Дубравин проснулся. И долго лежал в ночи с открытыми глазами. Вспоминал сон. А потом начал молиться. Просить Господа Бога помочь в его непростом деле. Он мысленно говорил: «Люди привыкли, что здесь упыри и вурдалаки и есть власть. И они все решают. Но так быть не должно. Так мы ничего не построим».

Под утро пришла решимость.

Приехав на работу, он собрал свой штаб и произнес короткую речь:

– Вы видите, что законными, нормальными способами с местным правительством мы договориться не можем. Здесь признают только силу. Но даже люди, которые ничего не боятся, хотят, чтобы их уважали и любили. Поэтому им не нравится, когда их делишки выставляют на свет божий. Гласно рассказывают о них всем. Запомните. В любой борьбе побеждает не самый сильный, а тот, кто бьется до конца. Нам теперь терять нечего. Будем выносить нашу историю на страницы молодежи. С Протасовым я договорюсь. Здесь затронуты и их интересы. И пустим заметку через Москву. На всю Россию. Пусть народ любит на этот беспредел. Мы не такие беззубые, как они думают. Знаете, давайте уподобимся скунсам. Зверьки маленькие, но вонючие. Их все боятся – и волки, и шакалы.

На слабые возражения оробевших штабистов ответил:

– Вы просто еще молодые. И не понимаете, что такое сила слова.

Писать убойную заметку Дубравин поручил юристу, человеку по-хорошему упертому и въедливому.

Но когда он ее получил, понял, что, судя по всему, ему самому придется садиться за письменный стол и вспоминать профессию, из которой он вышел.

Пришлось покорпеть. Но зато в конце вышел хороший, жесткий текст под динамичным названием: «Жалует царь...»:

«Представьте себе. Решили вы улучшить свои жилищные условия.

Скопили деньжонок непосильным трудом. Вышли на рынок. Купили квартиру. Оформили. И радостно едете вселяться.

Ан нет. В купленной вами квартире жилец. Нет, не хозяин. Жилец, который у него арендовал квартиру в прошлом году и денег не заплатил. Выезжать не хочет. Мне, говорит, тут нравится. Я на унитаз потратился. Буду здесь жить всегда...

Ну, вы, естественно, в суд. Суд должен приговорить жильца, который ни договора не имеет, ни денег не платит – выселить, а хозяина, то есть вас, вселить.

Но тут в дело вступает друг жильца. И говорит: вообще-то я тоже когда-то хотел эту квартиру купить. Поэтому отдайте ее мне. Без денег.

И тоже в суд подает...

И суд приговаривает – отобрать у вас квартиру и отдать ее другу жильца.

Потому, что он тоже хотел...

Вы считаете, так не бывает. И ошибаетесь. Бывает. Смотря кто жилец и кто его друг. Более того, эта история происходит сегодня на глазах у всей губернии. Только жилец здесь – Главное управление в лице генерала Кутриенко П. С., друг жильца – областная администрация в лице вице-губернатора Хитроева А. В., покупатель – издательский дом “Слово”.

Ну и суд, естественно, наш советский... Прошу прощения, теперь российский, в лице судьи Лакиной.

...Помню ситуацию начала девяностых годов. Сокращение чиновничьего аппарата, смурные лица столоначальников, страх за свою судьбу: “А вдруг придется идти работать?!” И вот прошло десять лет. Как согнанные с деревьев вороны, они, беспокойно каркая, полетали, полетали по стране и снова расселись по местам. Теперь уж в новой России. И если раньше они хоть чуть-чуть да боялись парткомов и райкомов партии, то теперь бояться стало нечего – грабь, бери взятки, воруй...

И пошло, и поехало. Один бизнесмен рассказал, как к нему “делать крышу” приходили. Нет, не бандиты. Функции бандитов взяла на себя родная милиция. Они теперь его за деньги будут “охранять”. Другой – как он с помощью ФСБ конкурентов укрощает. Третий – как его другаишник “мерседес” купил. Это при зарплате две тысячи рублей...

С революцией начала девяностых годов у нас изменился общественный строй. Но вот беда. Люди у власти остались те же самые».

* * *

Первый снаряд улетел. Дубравин с интересом разглядывал вышедший номер со своей заметкой. Сколько лет он не писал? Много. Но получилось вроде неплохо. Будем ждать реакции. Администрация никуда не денется. Она обязана дать ответ. По закону – обязана. Но какой бы ответ они ни дали, в любом случае, газета будет в выигрыше. Многие местные начальники даже не подозревали, в какие проблемы они влезают, начиная спорить с прессой.

В принципе наиболее точна здесь народная мудрость: «Все равно что плевать против ветра!»

А пока, не дожидаясь манны небесной, он подготовил второй «снаряд». Съездил в Москву, отвез туда судебное решение. И попросил знакомых юристов, связанных с администрацией президента, прокомментировать этот опус. В результате доктор юридических наук изумленно давал оценку решениям местных «шабашкиных»:

– Я, конечно, не участвовал в судебном процессе, а просто изучил представленные документы. Судя по ним, мы столкнулись с фактом вопиющего произвола, когда арбитражный суд выполняет чей-то заказ. Вопреки очевидным фактам, которые никем не могут быть оспорены, судья выносит фактически противоправное решение...

И далее по тексту. Со словами о привлечении судьи к ответственности. Дубравин прицепил к заметке звучный заголовок: «Закон, что дышло?» И отправил ее в печать.

Совершив эти действия, он задумался. Впереди вышестоящий, окружной суд. Интересно, дотянутся ли лапы местных судейских туда?

От размышлений его оторвал телефонный звонок. Вбежала изумленная полнотелая, но статная и твердо намеренная секретарша:

– Александр Алексеевич! Вам звонят из приемной... губернатора!

– Да? Как хорошо! – радостно, но с ноткой тревоги ответил Дубравин. Вот, кажется, первый отклик и пришел.

* * *

Приемная у губернатора, в общем и целом, ничего. Выглядит прилично. На полу зеленый ковер, скрадывающий шаги. Мебель такая солидная, подходящая для любого учреждения. Часы с длинным маятником в углу. Плотные шторы. А вот само здание областной администрации давно не ремонтировали. Паркет кое-где покособился, батареи отопления старинно-чугунные. Лифты скрипучие. Видно, от коммунистов досталось генерал-губернатору не слишком завидное наследство. Ведь область входит в так называемый «красный пояс», где у власти прочно

обосновалась старая гвардия. За пару десятилетий со времен «контрреволюционной революции» здесь менялись только поколения коммунистов. На смену одному приходило другое. А все хозяйство тем временем постепенно приходило в упадок под аккомпанемент разговоров о рынке, подъеме, инвестициях. Народ с заводов разбрелся кто куда. И занимался в основном выживанием.

Но настроение постепенно менялось. Если первые годы коммунистам удавалось переводить стрелки на «москвичей» и центральную власть, то теперь делать это становилось все труднее. Тем более, что люди видели – соседние области рванули вперед. Там жизнь лучше и веселее. И вот это недовольство постепенно вылилось в некое движение, некую «фронду» со стороны деловых людей. Но выдвинуть по-настоящему своего, от предпринимателей, кандидата они не смогли. Не нашли. Не рискнули. И пошли проторенным путем. В это время возникла то ли мода, то ли вера в генералов. Они, мол, наведут порядок. Как варяги, прибывшие на Русь. В Красноярске – Лебедь, в Курске – Руцкой, в Ульяновске – Шаманов, в Смоленске – Иванов... В общем, местные элиты подумали и решили обзавестись своим генерал-губернатором.

Послужной список его не изобиловал какими-то прорывами. Так, ровненько, шаг за шагом двигался он по служебной лестнице, пока не вошел в лета и чины.

Ну а в Москве, где уже отчаялись, не зная, как разделаться с «красным поясом», даже обрадовались. Дали зеленый свет. Пусть выбирают между коммунистом и «государевым человеком».

Так вот, бывшего губернатора-коммуниста прокатили на всенародных выборах. И победил Кулик. Не совсем тот кулик, что «свое болото хвалит», а однако ж свой. Удобный. И, в общем-то, неглупый человек.

За ним подтянулись на хлебные места все его заместители. Но так как новый хозяин области слабо разбирался в хозяйственных делах, на экономический и имущественный блок вышли люди из так называемого «бизнеса».

Надо заметить, что Дубравин четко различал тех, кто занимается бизнесом, и предпринимателей.

Себя он относил к последним.

Предприниматели – это те, кто с нуля, своим трудом строят дело. А бизнесмен – это человек, который зарабатывает деньги. Неважно на чем. Так вот, теперь в администрации заправляли как раз бизнесмены – люди, поднявшиеся на «паленой» водке, разделе государственного имущества, ограблении казны, спекуляции и прочих сомнительных операциях.

Приблизительно с таким пониманием расклада Дубравин и пришел сюда по щекотливому делу, в котором «бизнесмены» из администрации заняли тупую и неперспективную позицию.

Дубравина пригласили. И он вошел в просторный, ухоженный кабинет с такой весьма удобной мебелью. Все тут стандартно. Флаги, портреты, большой стол для совещаний. Ковровые дорожки. Все хорошего качества. Из хорошего дерева. Но какое-то светлое, бесцветное. Никаких ярко выраженных тонов. И, что самое главное, округлое. Без острых углов.

Навстречу Дубравину из-за стола поднялся приличный на вид, явно воспитанный и даже в чем-то интеллигентный седовласый мужчина. Хорошо, спортивно сложенный, но ничем особенным, как и все представители его профессии, не выделяющийся. Впечатление дополнял серый, отлично сшитый костюм.

Поручкались. Сели. Кулик спросил:

– Чай? Кофе?

– Лучше чай! – Дубравин так и не научился пить горький кофе.

Как оказалось, Дмитрий Геннадьевич был в курсе всего того, о чем ему начал рассказывать московский гость. Но слушал внимательно. Видимо, оценивал ситуацию.

– Вот, вынудили ваши подчиненные, Дмитрий Геннадьевич, меня вернуться к основной профессии. Взяться за перо, – закончил свое недолгое повествование Александр. – Мы купили это здание. Заплатили деньги. Оформили документы. Все сделали по закону. А теперь вынуждены бегать по судам. Строчить заметки в газете...

– Все, в общем, понятно. Но переселение чрезвычайщиков – дело муторное...

– Да там только сам генерал сидит. А ни служб, ни оборудования нет.

– А может, вам подыскать другое помещение?

Дубравин только представил себе весь ужас прохождения еще по одному кругу. И активно замотал головой:

– Понимаете, мы отказаться от этого здания уже не можем. Завод наши деньги давно истратил. И нам он их не вернет! – И, уже не зная, какой черт его дергает за язык, добавил:

– Нам никакая война не нужна. Мы хотим мирно жить и работать. И, кстати говоря, когда вы шли на выборы, я своим сказал: «Вот человек, который может навести здесь порядок». Мы надеемся на вас...

– Я поручил разобраться в вашей ситуации своему заместителю Хитроеву. И что он вам предложил?

– Мы с ним встречались. Он сказал, что решить вопрос по зданию не в

его компетенции. И предложил мне... Чтобы я уступил ему долю в своем издательстве.

– Что?!

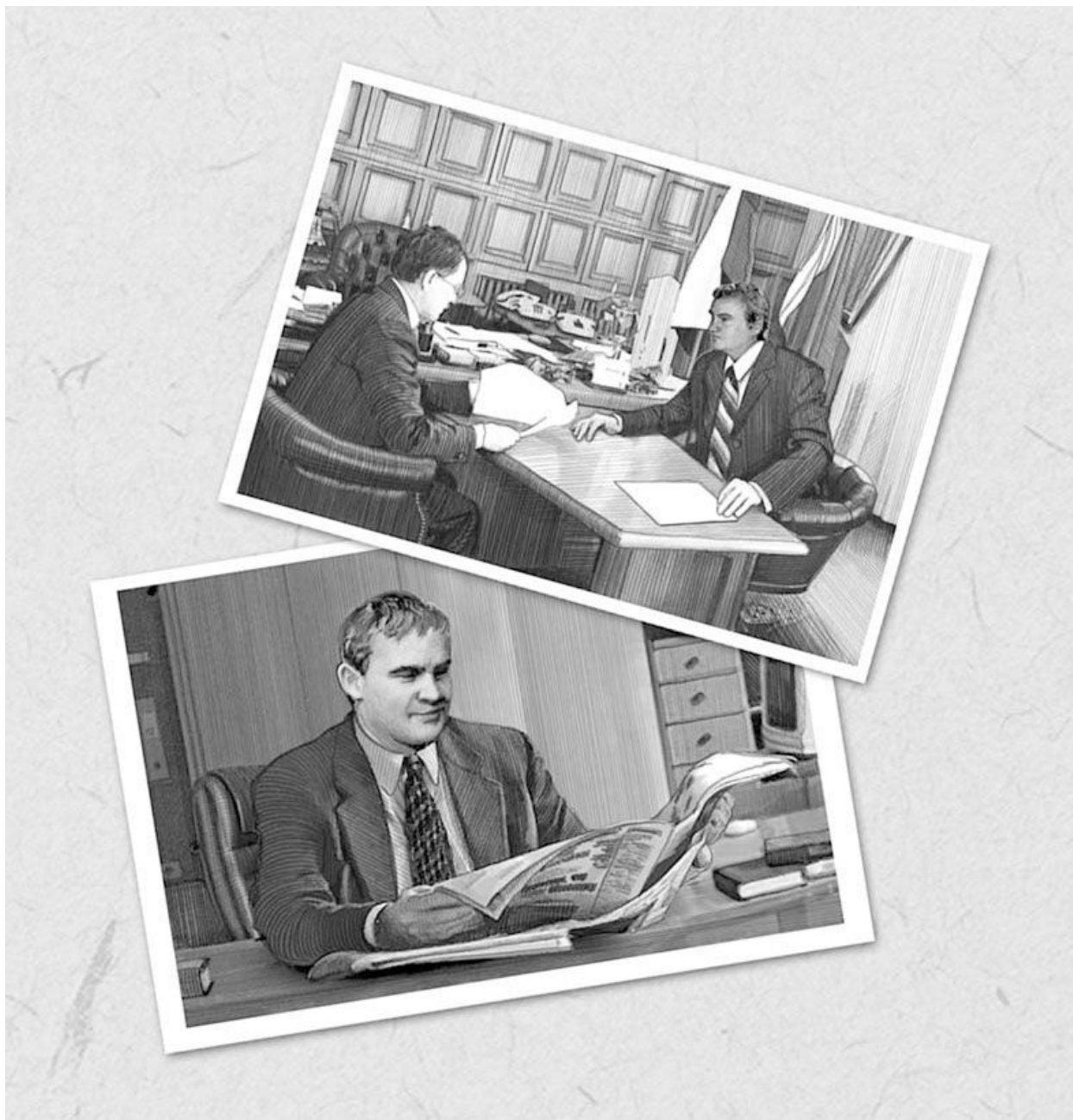
– Да, вот так. Типа того, что у меня, мол, есть время на телевидении, а у вас издание газет. Давайте мы сольемся в экстазе. Можно сказать, предложил скрестить ужа с ежом. С соответствующей долей ему. Я отказался...

И вообще, ситуация эта сегодня никому по большому счету не выгодна, – продолжил говорить о своем больном Дубравин. – Ну, будем мы судиться до посинения. Ну, предположим, в очередной инстанции проиграем. Но я вас уверяю, после каждого судебного заседания в «Молодежной газете» будет появляться очередная заметка. И что бы мне ни говорили – в конечном итоге я буду писать, что суд продажный, что администрация творит беззаконие, нарушает все нормы права. И скандал этот будет тянуться вечно.

Седовласый генерал-губернатор задумался на минуту, внимательно посмотрел на Дубравина. Потом взял трубку. Куда-то позвонил по внутреннему телефону. И сказал:

– Пусть Хитроев зайдет ко мне!

Через пару минут в кабинете нарисовался длинный Леша. На личике у него было написано тревожно-вопросительное выражение.

– Садитесь! – предложил ему губернатор тоном, каким следователь разговаривает с подозреваемым. И продолжил без введения. Сразу в лоб. Как на очной ставке:

– Вот товарищ Дубравин говорит, что ты испрашивал у него долю в бизнесе? Было такое? Или нет?

– Нет! Нет! Ни о чем подобном у нас разговора не было, – с нотками отчаяния в голосе завершал Хит-роев.

– Так было или нет? – теперь губернатор обратил свой строгий взор уже

на Дубравина.

Александр этот взгляд выдержал. И твердо ответил:

– Было! Я уже сказал. Могу повторить здесь. При нем...

– Иди! – строго заявил шеф своему заместителю. – Потом поговорим. – И обратился к Дубравину:

– Я думаю, мы найдем решение к нашему общему взаимному удовольствию.

– Хорошо! – ответил Дубравин. И, поняв, что аудиенция закончена, стал подниматься из кресла...

Он возвращался обратно. В старый офис. И думал о полученном уроке.

«Какие из всей этой истории мне надо сделать выводы? Ясное дело. Сегодня и страна в целом, и наши губернии управляются кланами.

И разгромленная в начале девяностых номенклатура берет реванш. Собирается с силами. Возвращается к власти. И горе одиночкам. Кто ни к одной команде или банде не принадлежит. Горе простым предпринимателям. Им хода не дадут.

Я здесь чужак. И мне надо как-то вписаться в местное сообщество. Иначе будем спотыкаться на каждом шагу. Такие уж времена наступают. Надо, так сказать, учитывать местную специфику».

* * *

Через несколько дней из администрации области поступило письмо с предложением о заключении мирового соглашения в споре за здание. Еще через месяц после улаживания формальностей генералу подыскали новое место. А издательский дом начал процесс переезда в собственный дом.

Часть II

Русский вопрос

I

Встретились как-то двое грузин. Разговаривают:

– Слушай, Гиви! – сказал один другому. – У тебя машина есть. И у меня машина есть. А у Валико нэт. Давай поможем ему!

– Давай! – согласился Гиви.

Собрались. Скинулись. Купили Валико машину.

Встретились как-то двое армян. Говорит один другому:

– Слушай, Армен! У тебя дом есть. И у меня есть. А у Карена нэт. Давай построим ему дом.

– Давай! – сказал Армен.

Собрались. Скинулись. Помогли Карену. Построили ему дом.

Встретились два русских. Говорит один другому:

– Слушай, Иван! Ты сидел. И я сидел. А вот Мишка не сидел.

– Давай посадим! – ответил Иван.

Собрались. Написали, куда следует.

Помогли. Посадили Мишку...

(Анекдот советского времени.)

II

У него день отдыха. И, как положено «настоящему мужчине», он лежал у себя в комнате на диване. Так теперь устроена его жизнь. Разделена на две половинки.

Одна – большая, беспокойная ее часть – это дороги, города и веси, дела большие и маленькие.

Другая – московский дом. Точнее, подмосковный дом, лужайка перед ним, маленькая сауна. И много-много книг.

История появления этого дома одновременно смешна и поучительна. Несколько лет назад, когда топ-менеджеры «Молодежной газеты» стали зарабатывать приличные деньги, всеми овладела страсть к переездам. И люди стали перебираться с окраин и спальных районов столицы в центр. Обозначая тем самым в глазах окружающих свой жизненный успех. Через полгода переселенцы соображали, что полноценно жить в центре невозможно. И начинали выбираться за город.

Первым этот скорбный путь проделал Протасов. Следом – остальные.

Дубравин посмотрел на процесс. Проанализировал ситуацию. И решил

сократить цикл. Сразу из своей «хрущобы» перебраться в загородный поселок. Строиться.

За рекомендациями он, естественно, обратился к самому Владимиру. Как, мол, дорогой товарищ, построиться без особых хлопот и напряжений? Протасов, который как раз в это время завершал мучительный процесс общения с нашими, родными строителями, дал ему бесплатный, но дельный совет. Пояснив в очень эмоциональных выражениях, с кем Дубравину придется иметь дело:

– Наши строители – просто мудаки. Никто, никогда, ничего вовремя и как следует не сдает. Постоянно пьяные. И толку от них не добьешься. Только выгонишь одних халтурщиков, как появляются другие. Каждый вновь появившийся прораб заявляет, что тот, кто работал здесь до него, ничего не соображает в строительстве. И вообще... козел. А вот он сам – крупный специалист. И сейчас все переделает, как надо. Короче, дурдом какой-то! И вот что – учти, Саня, так как в нашей раздолбайской стране последние семьдесят лет эта отрасль, строительство индивидуальных домов, не развивалась, то надо просто найти какую-нибудь иностранную компанию. Их сейчас на рынке пруд пруди. И они тебе сделают современный коттедж. Под ключ...

Обогащенный полезным советом, Дубравин отправился в представительство шведской фирмы. И в конечном итоге ровно через девять месяцев, прямо в канун российского дефолта, они дом поставили. Привезли на трейлерах и собрали. Казалось бы, живи и радуйся.

Но тут всплыла маленькая проблема. Татьяна, русская душой, отказывалась переезжать за город. Якобы она никогда не сможет туда добраться из Москвы. Нет общественного транспорта. А учиться управлять машиной она не будет. Так как на это неспособна. Боится очень. Дубравин несколько месяцев уговаривал ее попытаться счастья за рулем. На что она категорично-истерично отвечала отказом. И тогда он решился на отчаянное заявление:

– Ну вот что, дорогая. Давай сделаем так. Ты живи здесь, в Новокосино. А я буду жить за городом.

Для нее, воспитанной в твердых патриархальных традициях, такая ситуация была неприемлема. И, как это ни странно, права она получила. Причем без взяток и блата.

Началась новая, загородная жизнь. И жизнь эта разительно отличалась от городской. Но ему нравилась. И сейчас он приезжал сюда с простым и ясным желанием – «залечь в берлогу». Тишина и покой царили в этом, как теперь любят выражаться, «элитном поселке». И здесь он с огромным

удовольствием читал в основном религиозную литературу. То великое потрясение, открытие правды Божьей, не прошло бесследно. Дух его пробудился к поиску красоты и истины. И выражалось это в жадном, непреходящем интересе к чтению. В первую очередь Библии и Евангелия. Он впитывал в себя каждое откровение, каждый слог этих вечных книг, начиная с самых первых:

«Вначале было слово! И слово было у Бога! И слово было Богом!»

Иногда, читая Священное Писание христиан, он думал: «Господи! Как же я жил, не зная, не понимая всего этого? Ведь это новый мир. Другой мир. Другая жизнь! Жизнь вечная!»

Несколько раз он пытался поделиться своими радостями и открытиями с женой. Но она понять их не могла. И, судя по всему, изменения в его мировоззрении только пугали ее. И отдаляли их все больше и больше.

Так что он постепенно замкнулся в себе, ушел в новый, только ему понятный божественный мир.

Этот духовный перелом сказался на характере Александра, на его отношении к людям. Он помягчел. Дух его качнулся в сторону добра и милосердия. Он, как и многие неофиты, дошел уже до того, что готов был отдать первому встречному последнюю свою денежку. И эта готовность не осталась незамеченной людьми корыстными, жадными, алчными. Многие из них хотели и пользовались этим.

Дубравину еще только предстояло освоить ту часть правды Христовой, что выражена в притче: «Не мечите бисер перед свиньями!» А пока он как губка впитывал все, что было написано, наслаждался открывшимися ему радостями веры.

Сегодня он с утра читал книгу священника Меня «Сын человеческий». И поражался тому, что такой вот удивительный священник убит неизвестно кем и неизвестно за что. Зарублен топором. Александру казалось, что все верующие люди – особенные, благостные, добрые, всепрощающие. И их не касаются тяготы и злоба мира сего.

Потом Дубравин отложил книгу в сторону и стал просматривать свежую почту. Письма, служебные записки. Тут по ходу дела в руки попал статистический справочник с итогами недавно состоявшейся переписи населения России.

Дубравин заинтересовался. Когда-то в университете он писал дипломную работу под названием: «Демографическая проблема в печати». И поэтому тема не была ему чуждой. Вот и сейчас он углубился в таблицы и графики с очень даже большим интересом.

– Боже ж ты мой милостивый! – воскликнул он, когда, продравшись

сквозь кривые и столбцы цифр, начал понимать скрытые за ними смыслы. – Да мы же вымираем! Вымираем с огромной скоростью. Приблизительно по миллиону в год!

Это что же такое получается? Если другие народы, наши братья – чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы – плодятся и размножаются, то мы, коренная нация этой страны, идем, образно говоря, «на дно червей кормить» со скоростью «Титаника» в Атлантическом океане!

Он завертелся на диване. Ворохнулась тревога под сердцем: «Русский народ вымирает. Вот они, плоды перестройки и революции. Та-ак! И отчего же это происходит? Низкая рождаемость. Один ребенок в семье. Высокая смертность. Алкоголизм. Наркомания. Сердечко болит от такой разрухи. Но если так дальше пойдет, то нам кранты. И народу нашему, и государству.

И никто по этому поводу не горюет, не кричит, не бьет в колокола. Не гудит, не бьет в набат наша самая свободная в мире пресса. Не трещит телевизор. Почему? Да потому, что власть имущим эта правда не нужна, не выгодна. А народ как всегда безмолвствует. Да и не знает он этой ужасающей статистики.

Ну а я? Если понял раньше других. Чего молчать? Я ведь журналист как-никак, хоть и бывший. И у меня целая куча газет, в которых кто-то может рассказать о том, что происходит с нашим русским народом.

Впрочем, а нужно ли это самому народу? Он живет как во сне. Национального самосознания никакого нет. Вытравлено оно коммунистами, а то и вовсе запрещено. Нет теперь русских. Есть, по Ельцину, “россияне”. Вроде и русские, но какие-то они ненастоящие, не доделанные до конца. А сам я какой? Ну, я-то русский. Я после Казахстана быстро стал русским.

Вообще, интересный вопрос. Кто такие русские? Как их определять? Может, по крови? Вон сколько наших доморожденных патриотов в своих книгах требуют отделения зерен от плевел. Вроде ученые люди, академики, доктора наук, а плетут бог весть что. Даже в нашей деревне, Жемчужном, и то все нации перемешались, переженились друг на дружке. А уж в городах, там вообще, небось, сушая ересь получится. И как тут быть? Кто это будет определять человека на русскость? Комиссия? Как немцы арийцев определяли? По черепам?

Огромная страна. И везде люди живут. И говорят по-разному. И одеваются. На севере свои закавыки. На Кавказе – свои. А все считают себя русскими.

И понятное дело, нет человека вне нации. Спроси любого – кто он.

Каждый ответит. А тут всех одним чохом определили в “руссиян”. Не-е, так не будет.

Надо хотя бы для себя разобраться в этом вопросе.

Для начала, наверное, это те, кто считает себя русским.

Правильно!

Если человек считает себя русским, это уже факт, что он хочет им быть.

Ну а если африканец считает себя таковым? Он, что, тоже наш? А по-русски ни бельмеса.

Значит, русский должен быть воспитан в нашей культуре. Знать язык, обычаи. Ну, иметь тот самый культурный код... А еще что?

Наверное, важно, чтобы он любил Россию. И что-то делал для нее. Эка я загнул. Ведь полно таких, которые свою страну ненавидят и называют презрительно “раш-ка”, “эта страна”.

Ну а религия играет роль? Вот иудеи своих считают, признают по религии. Даже из Африки привозят своих единоверцев.

Да, наверное, для полной русскости надо быть православным. Еще Достоевский говорил о том, что русский человек без православия... как же он там выразился? Сильно так... По-моему, “дрянь”!

Ну, и что же получается? Соответствует ли этим критериям то народонаселение, которое я вижу вокруг себя? Как-то не очень! Они не русские. Они, скорее всего, какие-то позднесоветские. Не до конца созревшие».

И Дубравин даже рассмеялся такому вот своему странному открытию.

«И когда же они окончательно поймут, что они русские? Когда им кто-то об этом расскажет? Как бы это не получилось по Шекспиру: “Пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет”.

А что я могу сделать? Сегодня тех, кто отстаивает права русских, власти и либералы числят фашистами и маргиналами. Даже патриотов клеймят разными кличками. Хотя волков бояться – в лес не ходить!

Но я могу, в конце концов, хотя бы объяснить народу. Своему народу, что с ним происходит. Ведь они даже не понимают, не знают вот эту правду».

III

Три трупа лежали прямо у дороги. Лицом вниз. Со связанными сзади руками. В припорошенных белым снежком джинсах и черных куртках. Они уже замерзли до окоченения. Эти убитые в затылок люди. Главный оппозиционер. Его водитель. И охранник. Фотографию с места казни ему показал старый товарищ майор Юлдашев. Он же сегодня и рассказал последнюю новость:

– А ты знаешь, Анатолий, убийц взяли! Нашли.

– И кто это?

– Это наши отличились, – сообщил Серик и отвел глаза.

– Какие наши? – искренне удивился Казаков.

– Из «Арыстана»! Из нашего «Арыстана», где ты сейчас работаешь инструктором.

– Но как же так? Ведь без приказа они с базы ни ногой. Надо оружие получить. Технику. Этого не может быть...

– Значит, был приказ, – майор Юлдашев поднял глаза кверху. – Только никто в этом не признается теперь. Скинут на дураков этих. Мол, сами полезли... – осекшись на полуслове, располневший, в помятом костюме с пятнами Юлдашев вернул разговор к убийцам:

– Дураками они оказались. Полными идиотами.

– То есть?

– Взяли с убитых телефоны. И не догадались, что можно отследить человека не только по номеру, но и по тому сигналу, который издает сама трубка. А полиция, которая расследует это дело, вычислила телефон. Один из них его любовнице подарил. Его арестовали. Он сдал остальных.

Помолчал и добавил:

– Дело это грязное, темное, но громкое. Сейчас начнут всех шмонать. У нас же знаешь, как бывает. Виноватых будут искать среди невиновных...

Ошеломленный Казаков долго не мог прийти в себя от услышанного. «Вот тебе и спокойная страна! – думал он. – Вроде бы все устаканилось в моей жизни. А тут такое. Такое!»

Значит, правду поговаривали некоторые особо осведомленные людишки о неблагоприятных делах. О бессудных расстрелах бандитов. В частности, такого плохого человека, как Баха-Фестиваль. Несколько лет назад этого парня выследили в частном доме на окраине Алма-Аты. И ликвидировали без долгих разговоров. Большая была операция. Шумная.

С перестрелкой. Потом под топор попал еще один «чудик» со звучной кликухой «Рыжий Алмаз». Собирал он дань на рынках. Много дани с торговцев. И создал целую бандитско-рэкетирскую империю.

Но и он не смог противостоять государственной машине. В общем, был Алмаз. И нет Алмаза. Решение о ликвидации этих умельцев принималось на самом верху. И, как он подозревал, участвовали в этом его подопечные.

А потом пошли вообще страшные вещи. Вдруг «покончил жизнь самоубийством» видный оппозиционер. Бывший мэр бывшей столицы. И завершил он свой жизненный путь очень необычно.

Раньше он дружил с властью. Очень дружил. Помогал травить неугодного Кажегельдина. А потом переругался со всеми. И застрелился. Сначала два раза выстрелил себе в грудь. А потом, тяжело раненный, добил себя в голову.

И положил пистолет на столик рядом.

Много тогда ходило версий и догадок. И вот теперь одна из них получила подтверждение.

Не здорово!

И ниточка эта может далеко привести. Ведь подчиняется «Арыстан» только самому высшему руководству.

«Черт бы их всех побрал».

Из комитетского офиса Анатолий пошел на базар. Надо было прикупить продуктов.

Шел он себе, очень даже задумчивый, по улице. И тут вдруг наткнулся (вот уж действительно вдруг)... на прапорщика ВДВ Витька Палахова. Еле узнал. Вроде он все такой же, похожий на гриб-боровик. Но с поношенной, изъеденной шляпкою. А главное, без усов.

Шел по зеленой улице в гражданке, которая сидит на нем как на корове седло.

– Палахов! ё-моё! Ты откуда здесь? Какими ветрами? Когда же мы с тобой виделись в последний раз?

Раньше они не особо братались. А тут, в Казахстане, прямо прорвало.

Обрадовался Витек:

– Мама, дорогая! Майор! Да в первую чеченскую! Под Бечиком. А потом в Хасавюрте!

Обнялись. Постояли. Побазарили о том о сем. По старой доброй армейской привычке решили зайти выпить. Слово-то какое славное – «выпить». Для Казакова оно теперь много значило. Потому, что у него уже была привычка. Каждый день принимать на ремень.

Зашли в столовую самообслуживания рядом с Зеленым базаром. Они, столовые то есть, теперь не то что в советское время. Возродились на новой основе. Чистенькие, с пластмассовой мебелью. Столики накрыты клееночками. В основе – длинная витрина-морозильник. А в ней всего полно. От гуляша до креветок.

Взяли подносы. Стали самообслуживаться.

Взяли борщичка украинского с помидорами. И мясо по-казахски с тончайшим тестом и тонко нарезанными ломтиками конины.

Цены соответствующие. Не то что в ресторане.

Присели. Открыли взятую тут же бутылочку. Вот он – культур-мультир.

Вздروгнули. Закусили. И пошел разговор. В общем, «служили два товарища в одном и том полке».

– Ты во второй чеченской поучаствовал? – спросил прапорщик.

– Не-а! Я сразу рапорт подал. После Хасавюрта. Погодил годок. И ушел. Решил – такой номер мне ни к чему. Сюда перебрался. Как раз наши генералы сюда собрались. Ну и меня прихватили. Офицером-инструктором. Так что я в Казахстане уже несколько лет. Работаю.

Но где работает – Анатолий предпочел не распространяться. Ни к чему это. Да Витьку это и не надо. Ему, видно, хотелось рассказать о наболевшем:

– Во-во. Ну а я еще и во вторую отметился. Мне нравилось служить. Все привычно. Кругом свои. Помню...

– А что там, собственно, произошло тогда в Дагестане? Ни с того ни с сего Шамиль в поход собрался... Великую Ичкерия создавать...

– Да чушь это все. Заманили мы их в ловушку. Наша разведка разыграла шикарную комбинацию. Не могла Россия терпеть рядом с собою такое разбойничье государство, как Чечня. Ну и стали их обрабатывать. Мол, надо вам расширяться. Они, дураки, клюнули. Ну а наша агентура сработала. Все время подавала дезу о том, что в Дагестане ваххабиты ждут не дождутся всех этих стариков Хоттабычей, одноногих пиратов Шамилей и прочих сброд... Короче, провели их, как детей. Вот они и двинулись на Дагестан.

А мы их в Дагестане уже ждали. Смотрели, как они втягиваются все больше и больше. Но не вмешивались. Только наблюдали, как дагестанские ополченцы отстреливались. Ну а когда весь этот сброд, разбойный люд втянулся в нужные места, их и накрыли огнем...

Белобрысый Витек даже зарозовел от воспоминаний:

– Как мы их раздолбали, разделали под орех. Мама не горюй. Гнали,

жали и жали... Драпанули они. Да поздно уж было.

Там, брат, подошли сформированные части постоянной готовности. Ну а дальше сам знаешь. Или сдаетесь, складываете оружие. Или смерть. Это уже была не первая чеченская... Лупили изо всех стволов, не оглядываясь ни на кого и ни на что... Замочили всех, и в сортирах тоже... Так вот...

– Н-да! – Казаков задумчиво покачал головою. – Считаю, хирургическая спецоперация. Ликвидировали опухоль на теле России.

Помолчал.

– Раковую опухоль! Я уже и не думал, когда уезжал, что такое удастся сделать. Думал, все, кранты. Пропала страна.

– Россия не пропадет. Хотя кто его знает. Как еще все там повернется. Но мне насрать! – ожесточенно ответил Витек. – Мне там ничего не надо.

– А что так? – спросил с участием Казаков.

– Обидели нас! Ох как обидели!

– И чего так?

– Ну, после войны началась какая-то херь. Стали такие структуры – спецотряды и всякие такие прочие спецназы – расформировывать, раскидывать. Кого куда. Мы воевали. Нас определили на границу. Вроде мы стали заместо пограничников. Пресекать наркотрафик, ловить всякого разного рода сучьих детей с наркотиками. Контрабандой.

Определили нашему отряду кусок, участок границы с Украиной. Представляешь, участочек восемьдесят километров.

Первый раз. Как в первый класс. Выезжаем на задание в гражданке. Вся группа – пять человек. Доезжаем до Воронежа в гражданке, заметь. Конспирация, понимаешь. Там переодеваемся в форму. Вещмешки, оружие. И на неделю на границу. С Украиной. А границы-то никакой и нетути. Осталось только что-то похожее на нейтральную полосу. Знаешь, такие заброшенные сады, перелески. Заросли. Тут тебе и дичь даже начала размножаться. Короче, одичало все. Вот мы в этих садах да лесополосах выставляем, бродим. Ну, агентура из местных. В общем, цирк, да и только. Но настоящий цирк начинается к ночи.

Помню, засаду мы на дороге устроили. Сидим. Ждем. Ночью. Видим свет фар. Едут. Ну, делов-то. Остановили. Идет цементовоз, загруженный по самую горловину цементом. Останавливаем, задерживаем. Начинаем шмонать. И что ты думаешь? Находим в цементе пакеты. С чем? С героином. Что-то около сотни килограммов зелья. А сопровождает груз, кто по-твоему? Подполковник милиции. Скандалище до небес. Короче. Ну а мы че? Простые исполнители. В общем, в верхах драчка. Головы

то ли летят, то ли нет. А нас начальник зовет. И объявляет: отправляю вас ловить рыбу. Это он нас так поощрил за хорошую службу! Сволочь!

Едем на Азовское море. Садимся на торпедные катера. Гоняемся за браконьерами со страшной силой. Останавливаем чью-то яхту. А там стерляди. И как ловят? Полный трюм стерляди с распоротым брюхом. И среди ловцов начальник. Пьяный в задницу. Выхватил пистолет. И на нас. Выбил я у него пистолетик. Повалил на палубу. Оклемаля. Орет: «Там мои документы! Я заместитель прокурора! Не имеете права!» Опять скандал. Идем в порт. А там уже весь причал пестрит синими мундирами прокурорскими...

Да! Вот такая сегодня на Руси жизнь. Сама власть нарушает все, что только можно и нельзя.

Ну, побегал я, побегал по лесам. Решил перейти на работу в таможню. Там заработки. А тут одна мая-та. А результата нет. Мы ловим, а начальство отпускает. Мента того, что наркоту сопровождал, даже повесили.

Потому пошел я к таможенникам. Подал заявление. Все чин чинарем. И вот мурыжат меня, мурыжат. То должности нет. То бумажка какая-то не готова. Крутят, крутят. А потом начальник ихний зазывает к себе. Дверь закрывает и говорит: «Должность эта стоит семьдесят тысяч рублей». Для меня деньги огромные. А он утешает: «Да ты не бойся! Плати. За месяц отобьешь эти деньги». На взятках, значит. Буду вымогать. Это он мне, боевому разведчику, предлагает! Подмога!

Вот так вот сегодня на Руси дела делаются. В общем, покрутился я. А тут начали наши части расформировывать. Представляешь, музвзвод остается, а боевые группы спецназа выводят за штат и людей увольняют. И меня за полгода до выслуги, чтоб, значит, пенсию не платить, уволили. Подонки! Пять месяцев не дали дослужить до пенсии! Государство, считай, предало меня! Вышвырнуло на улицу, как ненужного пса! Давай выпьем, майор!

Казаков молча слушал нехитрую историю товарища по несчастью. И понимал, что то же самое, наверное, было бы с ним, если бы он вовремя не перебрался в Казахстан. А сколько их сейчас по России, таких лихих ребят, которые отдали стране все, а теперь оказались ни с чем...

– Ну, может, вас потому и увольняют, – тихо сказал он, – что боятся. Такие, как мы, теперь, когда войны нет, опасны для государства.

– И кто этой стране служить после такого будет? А? Подляну такую сделали. Ну а ты, майор, как?

– Да! – неохотно хмыкнул Казаков. – Почти как из огня да в полымя.

– А что так? Тут вроде все стабильно.

– Так-то оно так. Да только не совсем, – ушел от разговора Анатолий.

– Ну, не хочешь говорить, и не надо! Правильно. Чего болтать-то, попусту. Давай лучше выпьем еще.

– Давай! – пьяно согласился Анатолий.

Они взяли еще один флакон. И потихоньку уговорили и его.

– Поверишь, хрен редьки не слаще! Я тоже так думаю, – буровил о своем Витек. – Сюда вот в гости приехал. К родне. К отцу с матерью. Но видно, все равно придется возвращаться в Россию. Здесь уже корни отсохли. Кореша – кто спился, кто сидит. А кто и морду воротит. Назад дороги нет.

– Да, да! – кивал черной головой с прорезавшимися седыми прядями майор.

– А скажи мне, Витек, как там поживает наш нохча, наш чеченский брат. Ну, этот Вахид, который Сулбанов.

– Хе! – пьяно ухмыльнулся Витек. – Видел его. Раздобрел. Он к кадыровцам примкнул. Теперь опять начальник. Только у него одна проблема. Сеструха его младшая, Фатимка, в лес подалась. За одним ваххабитом. И никто ее не смог остановить.

Анатолий вспомнил: лицо как маска, прорезь рта. Закутанная в платок. Эта может.

– Да! Дела! – произнес он. Но относились эти слова вовсе не к Чечне. А к тому, что произошло здесь, в Казахстане. Но Витьку об этом знать вовсе не обязательно.

* * *

Случилось это через две недели. Неожиданно и страшно. После убийства главы оппозиции Алтынбека Сарсенбаева закружилась канитель. В «Арыстан» нагрянули следователи, комиссии, начальство.

Начался разбор полетов по полной программе.

Их держали в лагере, на казарменном положении. И все докапывались. К нему тоже. Чему учил? О чем говорили? С кем советовались убийцы?

Дай характеристику тому! Расскажи об этом!

В общем, дни прошли в суете и тревогах. И он как-то выпал из привычного ритма жизни. Даже пить перестал.

Это его и сгубило.

Когда наконец удалось вырваться в город, он первым делом заскочил в магазин, взял бутылочку трехзвездочного пойла. И поехал к подруге, чтобы оторваться, отдохнуть от суеты. Не знал он тогда, что в его

положении делать это категорически запрещено.

Несвелля уже ждала его. Нажарила картошки, дочку отправила к соседям.

Он протянул стакашек. И стал ждать привычного расслабляющего действия спиртного. Но неожиданно все поплыло, а потом крутанулось перед глазами – стены, окна, двери.

Он упал на спину всем телом. Грохнулся головой об пол. И забился, выгибаясь и стуча ногами. Из рта пошла кровавая пена.

Несколько минут тело содрогалось в конвульсиях. Из горла рвался хрип. В обезумевших застывших глазах мольба и ужас.

– Толя! Толя! – вглядываясь в его остекленевшие зрачки кричала перепугавшаяся подруга. – Очнись! Что с тобой?

Но он не реагировал. Видно, пошел заморок.

Кое-как дотащила она его до кровати. И к телефону...

«Скорая» приехала нескоро. Но все-таки приехала. Молодой косоглазый врач-казах в застиранном халате помыл волосатые руки. Посмотрел в зрачки лежащего с отсутствующим видом больного, осмотрел язык, послушал сердце и спросил печально и просто:

– Давно он пьет?

Несвелля, как умела, разъяснила:

– Да он вроде последние дни и не пил вовсе. На службе был.

– «Белочка» пришла к нему.

– Какая «белочка»? – удивилась она.

– Белая горячка!

– Ой, бай! – пробормотала она.

– Если человек пьет каждый день много лет, то перерыва делать нельзя. Печень его после перерыва не смогла нейтрализовать алкоголь. И он напрямую ударил в мозг. Разрушил клетки коры. Отсюда и припадок, – как неразумному ребенку, круглолицый и косоглазый доктор объяснял ей простые истины. – Много сейчас народу такого. Алкоголизм.

Помолчав с минуту, спросил:

– Он работает?

– В КНБ!

– А-а! – видимо, до сей минуты врач еще не принял решение, что делать. Но сообщение о месте работы Анатолия сподвигло его на действия:

– Ну, давай собирать его в стационар. А то как бы чего не вышло. Попробуем вытащить...

А бравый майор сидел в это время на стареньком одеяле. Смотрел

круглыми безумными глазами. Руки шарили, шарили по одеялу. И он бормотал быстро-быстро:

– Здесь! Здесь! Конфетка здесь была!

– Где была? – участливо спросил доктор.

– Да вот здесь, в одеяле, лежала. Карамелька, – и опять судорожно ищет.

Стали собираться в дорогу. В больницу. Два санитары помогали одеваться. Кое-как надели башмаки, нахлобучили головной убор. Повели, поддерживая сбоку, не давая сорваться, убежать.

Когда доставили в палату и положили на кровать, вдруг сорвался, забегал, размахивая, как мельница, руками в пижаме, и, толкаясь, стал кричать:

– Не имеете права! Мои права! Где мои права? По какому праву вы меня сюда привезли? Я буду жаловаться!

Пытался убежать. Ломился в дверь. Но дюжие санитары спеленали его, связали. И привязали к панцирной кровати. Сестра сделала кое-как успокаивающий укол. Поставили капельницу.

Уснул. Но потом среди ночи проснулся. И давай бредить. Покажет на веревку на шторах. И спрашивает:

– Это что? Рыба? Почему на окне висит рыба?

Видно, пошли новые глюки. Дежурная сестра ему ответила:

– Это не рыба, это веревка!

А он уже и не слышит. Бормочет про себя, гудит:

– У-у-у-у-у! Я поехал. На паровозе.

Через пару дней, после капельниц, уколов, промываний и процедур пришел в себя. В памяти остались мелькающие столбы. Поезд, на котором он куда-то ехал.

Пришел врач. Другой. Русский. Старый. С бородкой. Посмотрел на его небритое, опухшее лицо с красными глазами. Спросил:

– Ну как самочувствие, товарищ больной?

Анатолий, глядя остановившимся, как будто смотрящим не на мир, а внутрь себя взглядом, ответил:

– Доктор, я в Мексике был! Был! Туфли там купил! Хорошие туфли. В сеточку. Летние. Чтоб не жарко было.

– Нет! В Мексике вы не были. Это галлюцинации.

– Как же не был? Все так ярко, выпукло. Я был и на Тихом океане. Стоял прямо на берегу. А волны так бьются, бьются. У ног. Шипят. И женщина эта была. Лена ее зовут. Белокурая. Снайпер? – и он с надеждой посмотрел в лицо врача. Подтверди!

– Эх-хе-хе! – врач по-стариковски прокашлялся. Сколько он их таких видел...

– Голубчик, это вам все в бреду картинки привиделись. Это всегда так.

И уже напористо добавил:

– Вам теперь пить нельзя. Ни в коем случае.

– Ничего не пойму! – опустил круглые, страшные глаза майор. – Все так ярко-ярко. Ну, прямо въявь было...

– Мы вам под кожу ампулу зашьем. С лекарством. Вот здесь, на боку. Она будет препятствовать развитию болезни. Но вы должны знать. Если вы еще раз выпьете, то сразу умрете. Вам больше пить нельзя!

Эх, доктор, доктор! Как же не пить? Как же тогда со всем этим жить?

IV

Ах, Копенгаген, Копенгаген! И такой маленький дом короля Кристиана. А Гамлет совсем не Гамлет, а Хам-лет. И, оказывается, существует на свете такой замок Эльсинор, в котором и происходит все действие трагедии Шекспира. И тетенька-экскурсовод с ученым видом знатока показывает, где на зеленом от травы валу происходило действие:

– Вот здесь ходила тень отца и жаловалась.

А еще гвардейцы в медвежьих шапках на площади в центре. И дворец королевы Дании, где денно и ночью стерегут пустые ворота молодые, совсем зеленые ребята в голубых мундирах и с разряженными карабинами в руках.

Ну и, конечно, многострадальная Русалочка на камне в бухте, куда то и дело подъезжают экскурсионные автобусы.

Европа отдыхает. Отдыхает и она. Вырвалась на несколько дней из душной Москвы. Одна.

Позвала ее к себе в этот город подруга Вика. Да, та самая Викуля, с которой они зажигали в «Распутине». Молдаваночка с распущенными и черными как смоль жесткими волосами, черноглазая, смуглая. Фигурка точеная, попка круглая, аппетитная.

Вот на это все и попал добрый сказочник Ханс Кристиан. Так зовут ее мужа.

Исполнилась мечта миллионов девушек из СНГ. Выйти замуж за иностранца.

Вике и впрямь повезло. Такой цивильный чувачок. Датчанин. И вовсе даже не бедный студент. В общем, человек без предрассудков. Одно слово – европеец.

Позвал он ее после приватного танца «в отпуск». И пошло-поехало. Видно, от такого фейерверка бедный датчанин из своей пресной Европы совсем ошалел.

Позвал замуж. Так она оказалась с ним в Дании. Еще точнее, в Копенгагене. Еще точнее, в квартирке на улице... Впрочем, это уже не имеет значения.

Вот Вика и пригласила свою подружку по «Распутину» к себе. Встретила. Поселила в уютном хостеле – так у них здесь дешевая гостиница называется. Для тех, кто путешествует налегке.

И стала катать Людмилу по достопримечательностям на своем

маленьком красном «рено». Хвастаться. Вот сейчас они только отъехали от замка отца Хамлета и двигаются туда, где хранятся сокровища датских королей. Бриллиантовые короны. Золотая посуда. И разные прочие штуки.

По пути остановились у маленькой кафешки. Кофе попить. Поболтать о том о сем. О жизни.

– Ну и как у тебя с Владиленом? – задала Виктория подруге каверзный вопрос.

– Да все по-старому. Ходит в гости. Раз в неделю, – лениво ответила уставшая от такого количества нахлынувших впечатлений Людка, помешивая горячий черный кофе изящной ложечкой изящными с маникюром пальчиками. – Тебе-то повезло. Не просто так, а сразу в законные жены. Машинка вон у тебя уже, – вздохнула Людка. – А мой Владилен никуда не торопится. Скачет от одной бабы к другой.

– А-а. Ты на это не завидуй. Не смотри, – ответила Вика, взмахнув шикарными волосами (это чтоб официант – длинный, сублильный, прыщавый юноша – оценил). – Машину я сама купила. На свои.

– На какие «свои»? – удивилась Людка.

– На такие. На заработанные. А то с моего все как с гуся вода. Такой оказался скупердьяй! Над каждой копейкой трясется. И талдычит: «Надо экономить. Вот здесь можно сэкономить». У него прямо болезнь какая-то. На всем пытаться выгадать. У меня такое ощущение, что он с утра до вечера только и делает, что считает, где и сколько можно недоплатить, получить скидку. В Москве он таким не был.

– Ну, в Москве он расслаблялся. Пускал пыль в глаза. И потом, по их понятиям все там невероятно дешево.

– Вот я на это и купилась. А как сюда приехала, так и пошло. Недавно купила мяса, приготовила шашлычок. Дай, думаю, угощу дорогого мужа и его друзей. Так он мне такой скандалище закатил! Три дня дулся. Я, оказывается, потратила недельный бюджет на питание.

– Разница в менталитете! – меланхолично вздохнула Людка. – Он так воспитан с детства. И его не переделаешь.

– Ну, просила я у него денег, просила. А потом надоело. И решила – буду сама зарабатывать.

– Хм! – Людка хмыкнула. – Как тут без профессии и без языка можно зарабатывать? Я вот сейчас хожу на курсы английского. Он теперь и у нас востребован.

Вика хитро зыркнула черными глазами и засмеялась:

– Так я языком и зарабатываю, – с тонким намеком сказала она.

– Ты что? – вскинулась Людка. – Во все тяжкие ударились? Пошла

по рукам?

– Что, подруга, сейчас клеймить меня начнешь? Здесь все по-другому. Не то, что у нас. Тут тебе не сауны и подворотни. Тут это бизнес, легальный и уважаемый. Я даже налоги плачу...

– Чего? С этого – налоги?

– Ну да! Мы же числимся сферой услуг.

– Врешь!

– Да ты ничего не понимаешь. Хочешь, я тебе покажу, где работаю? Это очень солидный оздоровительный клуб. У него филиалы по всей Европе. Хочешь? Может, увидишь, тебе и самой понравится.

– Поехали! – с вызовом ответила она на предложение подруги.

– Поехали! – Вика заплатила за кофе. И, кинув призывный взгляд на сублильного юношу-официанта в коричневом фартуке с названием кафе, двинулась к выходу.

Уселись в ее маленький красный «рено». И... нет, не помчались. Тут реально никто не мчится. Четко, соблюдая все правила движения, двинулись по чистенькому асфальту в сторону от центра города. Полчаса такой езды, и их автомобиль въехал в широкий двор.

«Артемиды» – прочитала Людка красочную вывеску, неоновым огнем горевшую над высоким четырехэтажным корпусом, похожим то ли на больницу, то ли на спортивный клуб. Но ниже светилась надпись на английском: «Центр красоты и здоровья».

– Ну и что это? – спросила Крылова, вылезая из уютного автомобильчика на улицу и разглядывая широкий, обнесенный забором двор-автостоянку.

– Пойдем, посмотришь!

Автоматические двери услужливо распахнулись перед красивыми подругами. Они оказались в просторном холле прямо перед стойкой, за которой стояла симпатичная, совсем домашняя женщина. Увидев их, она дежурно заулыбалась:

– Хэллоу!

– Хэллоу!

Вика сказала несколько слов по-датски. Женщина понимающе кивнула и достала розовенькие пластмассовые браслетки.

– Может, тут форма спортивная нужна? Или купальник? – спросила Людка, надевая браслет.

– Какая форма? – насмешливо ответила подруга, увлекая ее вверх по лестнице на второй этаж.

Тут они оказались в раздевалке, полной пронумерованных шкафчиков.

Вика открыла один:

– Раздевайся! – и принялась снимать с себя джинсы.

Людка, слегка недоумевая, тоже стянула с себя предметы гардероба. Краем глаза она видела, как в метрах в пяти от них оголялась шикарная блондинка с идеальными формами.

Потом по коридору продефилировала то ли японка, то ли казашка – косоглазая, нагая и тонкая, как тростинка. Но не смуглая, а белая-белая.

– Куда это она голая пошла? – спросила Людка, укладывая волосы, словно собираясь в ванную.

Вика остановила этот процесс и начала рассказывать:

– Людка! Это, как бы тебе сказать... это не баня. И не бордель в обычном понимании этого слова. С мамками, сутенерами и охраной. Это дом свиданий, что ли. Сюда приходят женщины и мужчины по собственной доброй воле. Платят за вход. Мужчины, по-моему, восемьдесят. Женщины – больше. Ну и если им хочется, то они налаживают отношения.

– А почему мы не заплатили? – спросила въедливая Крылова.

– Да я мымре на входе сказала, что мы не работать идем, а осматриваться.

– Так здесь все-таки работают?

– Ну да! Кто хочет из девушек, тот работает. Здесь и тарифы установлены. У них тут везде порядок.

– То есть это все-таки бордель?

– Не совсем. Как бы тебе объяснить... Все приходят сами. Мужчины – за удовольствиями. Женщины – кто как.

– Кто просто заработать, а кто развлечься с понравившимися мужчинами и заработать?

– Ну, так, наверное, не бесплатно же... Лучше давай я тебе все покажу. И ты сама увидишь.

– Давай! – еще раз рискнула Крылова.

– Не боишься?

– А стриптиз помнишь? – рассмеялась Людка. И победно шагнула на каблуках к выходу из раздевалки.

Обход начали с первого этажа. Цокая каблучками, блондинка и брюнетка прошли в левое крыло. И обнаружили здесь классическую качалку, в которой разместились снаряды для работы с разными мышцами. Штанги, гантели, беговые дорожки, разного рода скамейки, турники и прочие приспособления, необходимые для накачки мускулатуры.

Рядом раздавались эротичные стоны и крики. Девушки заглянули в открытое полутемное помещение, оказавшееся кинозалом. Людка только и успела разглядеть, как огромный черный афроамериканец разворачивал свое орудие по направлению ко рту красотки с выдающимися формами.

Они быстро проскользнули по этому «оздоровительному этажу» и попали в зону бара, вернее, не бара, а бассейна. Тут расположились турецкий хаммам, горячая парная, раскаленная финская сауна и бассейн.

А чуть дальше, в полумраке, – зона отдыха с баром.

Массажист, расположивший у воды орудия своего ремесла – кушетку, полотенца, масла, – заинтересованным взглядом проводил девчонок,

устремившихся в темноту бара.

Здесь по обширному черно-красному помещению были расставлены мягкие кушетки, турецкие диваны и диванчики. В общем и целом – достаточно фантазмагоричная картина, если учесть еще и сверкание красных фонарей.

Женщины подошли к стойке, за которой орудовала особа с изможденным то ли с перепоя, то ли от бессонницы лицом. Вика попросила налить им соку. На непонятной смеси языков они объяснялись пару минут. Из их щебетания Людка поняла только одно. Что с утра гостей мало. Видно, к вечеру подвоят.

– Ну что, пойдём дальше? – спросила Вика. – Здесь мужчины отдыхают. А на втором этаже знакомятся.

– Пошли! – согласно кивнула Людка. Ей было и страшно, и интересно путешествовать с подругой по этому гнезду порока и разврата.

Второй этаж представлял собой большой зал, посередине которого стоял огромный круглый бар.

«Как в стриптизе!» – отметила Людка. Вокруг бара, непрерывно дымя, сидели «девушки» всех цветов кожи, наций и народностей. Тут были и белокожие северянки с формами, которым позавидовала бы Мерилин Монро. И темные, как статуэтки эбенового дерева, негритянки, мулатки, тайки с загадочными прорезями глаз. Безупречные фигуры, груди, ноги. Все обнажены. Но каждая ухитряется сделать свой товар индивидуальным, примечательным.

Одна надела интеллигентные очки на золотой тоненькой дужке и выглядит, как пай-девочка из приличной семьи. Другая заплела афрокосички, торчащие во все стороны в невообразимой причёске. Третья оставила на пышных бедрах пояс. Четвертая... Людка только успевала примечать все эти детали и детальки, милые мелочи, с помощью которых женщины испокон веков украшают себя. Цепочки и заколки, перстни и кольца, туфельки на высоких алых каблучках и ниточки на запястьях. Мужики же были все одинаковые. В белых банных халатах и резиновых тапках.

«Вот оно, классическое неравноправие, которое видно невооруженным глазом даже здесь, – думала Крылова, проходя за подругой по залу. – Девчонки стараются изо всех сил. Пытаются сбыть свой товар. А эти сидят как петухи на насестах. Да еще и морды воротят».

Так они обошли весь зал и в его конце за не приметной дверью наткнулись на столовую.

После всех утренних гуляний Людке страшно хотелось есть. Но она

боялась сказать об этом подруге по двум причинам. Во-первых, потому, что за еду, возможно, надо будет дополнительно платить. Во-вторых, вдруг к ним подсядут мужики. И что тогда делать?

Экскурсия между тем продолжалась.

На открытой винтовой лестнице, которая пронизывала все четыре этажа, они наткнулись на какого-то гладко выбритого, красивого и хорошо подстриженного восточного мужчину в белой рубашке и черных брюках с накинутым поверх белым халатом. Вика поздоровалась с ним почтительно и тихо. Людке поняла, что это не клиент.

– Кто он? – спросила она.

– Наш доктор! – почему-то шепотом ответила Вика. И спросила:

– На третий и четвертый пойдём?

– А что там?

– Там номера и еще гостиница, где живут приезжие девушки.

– И что?

– Номера, где работают, а гостиница, где живут и отсыпаются. Кстати говоря, там полно наших. Из СНГ. Особенно украинок, молдованок. Но почему-то совсем нет казашек, киргизок.

– Может, потому, что мусульманки?

– Да нет! Вон турчанок полно!

– Слушай, Викуль, давай отсюда сваливать, – наконец решила Людка. – Мне показалось, что доктор на меня не очень одобрительно посмотрел.

– Ну, давай! – согласилась Вика, почему-то вздохнув.

* * *

В тихой кафешке на берегу залива, куда привезла ее Вика, они проговорили, попивая кофе со сливками, до самого вечера. Тут Людка, слушая излияния своей подруги по жизни, поняла простую и нехитрую истину о том, что не в деньгах и даже не в комфорте и сытости счастье.

– И как ты не боишься чего-нибудь подцепить? – с беспокойным женским любопытством выясняла подробности Людка.

– Ты что! У нас с этим строго! Каждые две недели обследования. Справки приносим. Кровь сдаем.

– Ну а мужики? Мало ли какие попадутся.

– Во-первых, секс только защищенный. А остальное – строго по тарифу. И если заметишь, что с партнером что-нибудь не так, сразу можешь отказаться. Это тебе не девятнадцатый век. И не купринская «Яма».

Людка удивилась. Оказывается, ее такая сельская поговору подруга читала Куприна! «Да, видно, еще остались какие-то смутные обрывки образования и знаний, полученных в советской школе».

– Ну а расчеты как производятся?

– По тарифу. Закончил мужичок. Сразу идете к сейфу с ценными вещами. И там он с тобой рассчитывается. Все расписано. Сколько стоит минет. Сколько анал. До копеечки...

– И сколько можно заработать? – в Людке проснулся интерес профессиональной телевизионщицы. «Вот бы сделать отсюда репортаж. То-то была бы бомба».

– Мне хватает. По контракту, а мы подписываем с клубом договор, они нас не ограничивают. Плати за вход, а все остальное твое. Запрещено только клиентов обслуживать в других местах. Переманивать...

– А как же твой мужик? Что он скажет, если узнает? Он же убьет тебя!

– Это вряд ли! Я думаю, ничего он не скажет. Здесь все свободно. Ты думаешь, я одна такая? Тут кого только ни встретишь! И домохозяйки, и учительницы. Я знаю даже одну балерину, которая сюда ходит по средам. Здесь ведь не только совокупаются. Тут знакомятся. Разговаривают. Тут, можно сказать, все в одном флаконе. И оздоровительный центр, и досуговый клуб, и бордель.

Людка неожиданно вспомнила свою первую поездку за границу, в Египет. Храм царицы Хатшепсут. Статую женской богини Иштар, покровительницы гетер, проституток, свободных женщин. Как это похоже на храмовую проституцию допотопных времен! Оказывается, ничто не исчезает просто так. И древнейшая из профессий тоже меняется, приобретает новые формы. Но все равно живет. Если уж она базируется на вечных потребностях.

– Я же тебе говорила, – продолжала рассказывать веселая подруга, – здесь это все узаконено. И наша работа тоже считается профессией. Мы даже налоги платим. Исправно. Вот я вчера перечислила очередную порцию.

– И сколько платишь?

– А это уж решаешь сама. Если платишь налоги, то к тебе никто не будет придирааться. А потом и пенсию дадут.

«Вот оно как! Любой труд почетен. У нас раньше был такой лозунг! Но как же эти жрицы любви ухитряются совмещать семейную жизнь со своим ремеслом?» – Людмила опять вернулась к интересующей ее теме.

– А все-таки, как же ты мужу объясняешь, когда по ночам уходишь?

– Так и объясняю. На работу. Да и он тоже, как у нас говорят,

не слишком чист.

– Что так?

– Он у меня состоит в партии педофилов!

– Что?!

– Есть такая партия! Они хотят узаконить секс с малолетками. Провести своих людей в парламент. И принять закон...

– Во как!

– Да, тут вообще по этой части полная свобода. Знаешь, что сейчас активно обсуждают?

– Что?

– Надо ли принимать закон о запрещении скотоложества. Ну, зоофилии. В соседних странах такой закон приняли. И все любители коз, ишаков, коров поехали сюда, в Данию. Ну, вот местная общественность и возбудилась. «Зеленые» забили тревогу. Скотоложество нарушает права животных или все-таки нет? Вот дискутируют. Так что за мужа я не беспокоюсь.

Здесь главное – твои права. Права человека. Так что можно делать все, что хочешь. Свободные нравы.

Людка, слегка ошеломленная, слушала разглагольствования подруги и никак не могла понять, серьезно она говорит или хохмит.

«Другой мир. Другие нравы и порядки. Конечно, женщины наши – народ пластичный. Могут приспособиться к любому образу жизни. К любому уроду. Вон сколько их на мусульманский Восток рвануло. За мужиками. И паранджу носят. И веру принимают. Готовы ноги мыть и воду пить. Лишь бы хоть кто-то их подобрал. Но все-таки это уж совсем перебор, – думала Крылова. – В России хоть какие-то рамки есть. Конечно, здесь жизнь посытнее нашей, но все ж. Одно дело делить мужичка с другими бабами. И совсем другое – с коровами, козами и ишаками.

Видно, скучно им здесь. Вот они и извращаются».

– В каждой избушке свои игрушки! – произнесла она наконец. – Перепуталось тут все. Что в голове, что в жизни. А мы гоняемся за миражами. А потом бегаем то ли в бордель, то ли в храм свободной любви. А кто держит это заведение?

– По всей Европе имеется целая сеть таких клубов. Это турецкий бизнес. Управляют им два брата. Кстати говоря, жутко интеллигентные и образованные люди. С фантазией. Не зря же они вспомнили эту Афродиту. Или не Афродиту?

– Артемиду! – подсказала Крылова.

– Во-во. Ее самую! – Вика помолчала. Потом спросила: – А ты, Люд,

не хочешь найти себе какого-нибудь иностранца? Я бы могла поговорить.

Людка задумалась на мгновение. Конечно, такая мысль уже посещала ее совсем не глупую, красивую голову. Ведь годы-то идут. И даже не идут, а прямо летят. Но тут она даже испугалась:

– Нет! Нет! Я как-нибудь сама!

V

На прием пришел бывший директор его школы, Александр Дмитриевич Тобиков. Амантай его прекрасно помнил. Так что помощнику не надо подсказывать шефу, как зовут посетителя. И вот что удивительно. Все меняются, стареют. А «Феодал» каким был, таким и остался. Невысокого роста. С совершенно лысой головой. С прищуренными выцветшими голубыми глазами.

Когда он, опираясь на палочку и поскрипывая при каждом шаге своим вечным протезом, вошел в большой кабинет вице-премьера правительства, то Амантай, видно, по вьевшейся школьной привычке, даже встал из черного кожаного кресла.

Директор пришел жаловаться. Его незаконно уволили с должности. С «волчьим билетом». И дело тут не в том, что место понадобилось национальному кадру, а в том, что он влез в историю. Вернее, влип в политику.

Дело было так. Тобикова назначили председателем избирательной комиссии. На выборах президента. С уверенностью, что в их Жемчужном выборы пройдут как положено.

Это он рассказал после того, как они поговорили о деревенских новостях. И вспомнили учителей.

– Мне в облизбиркоме сказали, что на нашем участке необходимо набрать девяносто процентов голосов за президента, – противным, сильным голосом вещал Тобиков, даже приподнимаясь на стуле, чтобы лучше донести до вице-премьера свою мысль. – Надо, значит надо. Я же не против. И мы работали не покладая рук. Старались изо всех сил. Но когда опрос показал, что девяносто не получится и мне предложили подменить бюллетени, я отказался. Это же подсудное дело...

Амантай делал вид, что внимательно слушает директора, а сам в это время размышлял о происшедшем: «Он же не знает, что это повсеместная практика. Выборы в классическом понимании давно уже не существуют. Они существуют, как механизм фальсификации. Это да. Издательство,

которое принадлежит племяннику президента, печатает бюллетени. Однако их не ровно столько, сколько нужно для избирателей. А в два раза больше. Половина отправляется на места. Люди заполняют их. Бросают в урны для голосования. Когда голосование заканчивается, эти бюллетени достаются из урн. И... сжигаются. Образно говоря, летят в мусор, обращаются в пепел. А те, которые будут считаться, заранее заполненные, развезены по областям и проверены под руководством службы безопасности.

Расчет несложный. В избиркомах работают бюджетники – люди, полностью зависящие от власти. Точнее, от акимов – мэрий, городов, районов, областей. Что их ждет, если они откажутся подписывать спущенный сверху, заранее сфабрикованный, отпечатанный КНБ протокол голосования?»

– Меня уволили с работы! – продолжал свой грустный монолог Тобилов. – Сфабриковали уголовное дело. Якобы я совращал школьников...

«Хорошо, что он не мусульманин, – думал Турекулов. – А то бы у его сына или внука нашли листовки “Хизбут-Тахрир”. И обвинили бы в экстремизме».

– А вы об этой истории кому-нибудь рассказывали? – наконец задал вопрос вице-премьер.

– Нет! К вам, Амантай Турекулович, решил сначала съездить.

– Это хорошо. Советую никому об этом не говорить. А я постараюсь помочь. Чем смогу. На все сто не обещаю. Но постараюсь.

– Вот спасибо! А то я уже и не знал, что делать, – с облегчением вздохнул Александр Дмитриевич.

«Это хорошо, что он не успел никому ничего рассказать. А то бы упекли в психушку. Или устроили автомобильную аварию».

Когда Тобилов, поминутно кланяясь и униженно хватаясь за руку бывшего ученика, ушел, Амантай взял трубку и позвонил знакомому заместителю председателя комитета.

– Абеке, понимаешь, он в новую жизнь уже не впишется! Если можно, пусть оставят его доживать, как есть. Вздуть надо того, кто назначил его председателем комиссии. Не видел, что ли, кого назначал?!

В эту минуту Амантай вспомнил своего старого отца-коммуниста. Тот был таким же принципиальным.

– Ну, договорились? Я тебе должен.

– Ладно, дело закроем, – наконец, ответил визави.

Амантай положил трубку правительственной связи.

И снова задумался: «Лягушки в кипятке. Как так получилось, что они

не заметили, как повышается градус? И незаметно уснули, убаюканные речами о свободе, демократии, толерантности. Ну а теперь, после убийства Алтынбека Сарсенбаева, времена окончательно переменились. Пройден тот рубеж, за которым беззаконие стало нормой.

А ведь все начиналось с малого. Потихоньку, полегоньку, шаг за шагом, день за днем отбирали у них свободу. И глупый народ сам этого требовал. Настаивал. Все просто. Когда надо ужесточить какой-нибудь закон или норму, запускается отработанный механизм. Так было, в частности, с законом об оружии. Какой-то отморозок купил охотничье ружье. Вышел на улицу. И кого-то убил. Тут подключилась пресса. Поднялся хай. Случай этот раздули до небес. Вот, мол, любому продают! Порядка нет! Глупая общественность возмущена. Требует принятия жестоких мер. Власти надо реагировать. Депутаты принимают соответствующий закон. Или поправки. Ужесточить. Обязать. Не пущать.

Результат известен.

Законопослушные граждане лишаются возможности иметь ствол в своем распоряжении. И оказываются беззащитными. Их свобода урезается. Ну а отморозкам в принципе наплевать на любые законы. Они их обходят с легкостью.

Чиновники получают возможность брать взятки от таких вот отморозков. А власть умывает руки. И говорит: “Вы же хотели драконовских мер. Мы их приняли. До свидания!” И так по каждому поводу.

Прошло совсем немного времени по историческим меркам. А как быстро прогрессирует эта болезнь под названием “диктатура”.

Взять некоторые соседние республики. Они уже доходят до маразма. Туркменбаши написал гениальный труд “Рухнама” и поставил себе золотую статую. Каримов отстроил свою систему.

У нас-то еще цветочки. Хотя Кажегельдин предупреждал в своей книжке “Оппозиция Средневековью” о том, что так будет. Теперь вот мыкается по границам. И время стирает его следы.

А наш “Феодал”, как мы его звали, даже не понимает того, что прикоснулся к самой опасной, самой жгучей тайне современной республики. К легитимности власти.

А что мешает нашему “папе” не ломать комедию, а просто объявить себя, например, ханом? Наверное, все-таки смесь народов. Много здесь еще русских, немцев, татар, уйгуров. И хотя они все молчат, остерегаться приходится. Ну и еще желание быть принятым в международных кругах. Вот и нужно лавировать, держать лицо.

В конце концов, каждый народ имеет тех правителей, которых достоин. Система власти складывается исходя из менталитета народа, его политической и общественной зрелости. Понимания происходящего. И если она сложилась сегодня такой, значит, мы еще не созрели до настоящей, а не декоративной, фасадной демократии».

В этот момент зашла его как всегда красивая секретарша:

– Амантай Турекулович, вас вызывают в Ак-Орду. К президенту!

– Бегу! Бегу! – торопливо ответил он, вскакивая с кресла.

VI

Обстановка располагала. Кафе находилось на бывшей Большой Дворянской улице, в жилом доме. Предприимчивый хозяин, кстати говоря, знакомый Чернозёмова, отремонтировал полуподвальчик, обставил его простенькой мебелью и запустил производство стандартных блюд. Вот сюда, к русской кухне, и прилачился ходить обедать их дружный коллектив. Дубравин – потому, что живет в городе один. А остальные – с шефом за компанию.

Сегодня они втроем. Медлительный, осторожный Чернозёмов и напористый, «лихой рубака» Тимашов. На столе, как всегда, одно и то же. Лапша домашняя, салатик и какой-нибудь кусок мяса с гречкой. И вроде все благостно и тихо. Разговор о делах:

– Вы нам задолжали за прошлый месяц триста тысяч рублей. Просрочили уже две недели, – напомнил Алексею Тимашову Чернозёмов.

Тимашов сразу перестал есть и, не раздумывая ни одной минуты, ушел в несознанку:

– Да ничего мы вам не должны.

– Как не должны?! Поставка дополнительная была! Забыл?

– Та поставка нами оплачена прямо сразу, в тот же день! – начал повышать тон Алексей. – Все до копейки отдали. И, вообще, нам с посторонними работать проще. Там у нас наценка шестьдесят процентов. А с вами хрен чего зарабатываешь!

– Да вы на нас наживаетесь! И отсрочку платежей получили аж на два месяца, и платите нерегулярно! – тоже перешел на повышенные тона Чернозёмов.

«Ну, пошла писать губерния!» – подумал Дубравин, сидя между рьяными спорщиками, которые уже почти перешли на крик.

«И так каждый раз. Как только сойдутся, давай давить друг друга.

Вроде все свои, а такая нетерпимость.

То ли это по молодости. То ли это в крови. У всех русских людей».

Через пару минут, когда обстановка за столом накалилась до точки кипения, он попытался остановить эту схватку:

– Да кончайте вы орать! – грозно возвысил он начальственный голос.

Ребята замолкли. Сидят оба красные, как из бани. Но, видно, не до конца выпустили пар. И через минуту-другую Чернозёмов сквозь зубы процедил:

– Я в суд подам на вас за долги...

Незамедлительно последовала ответная реплика.

И... все началось сначала. По второму кругу.

«Странный мы народ, – думал Шурка. – Какой-то прямо нетерпимый, недружный. Посмотришь на других, тех же казахов, уйгуров, армян – все как-то держатся друг за друга. Одни мы такие равнодушные. С чем это связано? История у нас, что ли, такая, полная междоусобиц? Князья-то наши дрались между собою, ходили походами друг на друга почитай каждый год. Даже татар приводили. А смуты какие были, восстания. Гражданская война. Но, видно, наша разрозненность чем-то компенсировалась. Может, числом. Всех готовы шапками закидать. Ну и нашим индивидуализмом. Мы уже вышли из родоплеменных отношений. Усвоили западные ценности. А там тоже каждый сам по себе. Один Бог за всех!

А может, мы просто привыкли надеяться на государство? В случае чего оно спасет, поможет. Только сегодня никакого русского государства у нас нет. Наша недружность позволила изгонять и вытеснять русских отовсюду.

Вон у нас на факультете. Пока был деканом Дмитроцкий Василий Иванович – все преподаватели грызлись между собой. Подсиживали друг друга. А потом пришел Конжакеев и выпер их всех. Вот и довыясняли отношения.

И так везде. Пока мы грыземся, они теснят нашего брата!» – с горечью додумал он свою мысль. А потом рявкнул:

– Да замолчите вы! Достали! Совсем с ума сошли! Потом, поняв, что переборщил, добавил:

– Давайте о деле лучше поговорим. Есть у меня одно предложение. Попробуем его обсудить.

– Какое? – изобразил на лице стопроцентную готовность Чернозёмов.

– Думаю я, что мне надо идти на выборы. В Государственную думу.

Директора переглянулись. И сделали внимательные лица.

Дубравин уже давно размышлял о сложившемся положении.

Вспоминал историю с покупкой здания: «Это все потому, что я здесь чужой. И меня никто не знает. Со своими они все же считаются. Значит, надо вращаться в местную жизнь. Надо заявить о себе. Но как?»

Второй проблемой, беспокоившей его, была обстановка для занятий бизнесом в стране. Она стремительно менялась. Если в девяностые чиновники, деморализованные крахом системы, еще не очухались и можно было смело браться за любой проект, то теперь они консолидировались и дружно выстраивали коррупционные схемы для отъема денег и бизнеса.

– В девяностые, – шевеля усами, рассказывал ему как-то Алексей Тимашов, – можно было получить разрешение на установку киоска за коробку конфет. А сейчас уже требуют долю в бизнесе.

Да, Дубравин и сам видел, что хорошо дела идут только у тех предпринимателей, кто трется у власти. Независимые либо загибались, либо еле дышали. На всех навалился чиновничий беспредел.

Государство Александру, как и каждому русскому человеку, кажется темной враждебной силой, которая непредсказуема и страшна в своей жажде подчинить себе все и вся. Поэтому каждый русский в глубине души боится власти. И одновременно ненавидит ее. Никто в нашей стране не знает, что может выкинуть эта власть. Какой фортель, какой закон. Куда повернет.

И выходов тут немного. Либо бежать, удаляться от власти, от государства, как делали многие наши предки испокон веков. Либо постараться понять механизм действий этой слепой, бездушной машины и попробовать оседлать ее.

Размышляя обо всем этом, Дубравин постепенно шел к своему решению.

Ну и главное. Как журналист, хоть и бывший, он понимал, что надо бить в набат. Народ вымирает. И «русский крест», образованный пересечением линий смертности и рождаемости на демографическом графике, рискует превратиться в большой деревянный.

Выборы как раз дают повод для того, чтобы начать писать и говорить об этой страшной проблеме, которая нависла над страной.

А по опыту он знал, что надо бросить в пространство, в массы идею. И если идея здравая, то она не исчезнет. Ее подхватят и донесут до самых верхов. И, может быть, власть хоть что-то сделает для людей.

Но говорить обо всем этом сейчас не стоило. Не время. Да и неважно это. Решение принято. Надо действовать. Так что он спросил просто:

– Ну и какие на сей счет имеются предложения?

– Надо собирать штаб! – ответил Чернозёмов.

– Будем готовиться, – поддержал его Тимашов.

VII

На работу ему теперь ходить ох как не хотелось. А надо! Семью кормить. Детей поднимать. Дочки у него уже заневестились: «Папа, шубку давай! Новые туфельки на выпускной!» Нет денег? Бери кредит. Потом отдашь. С ростовщическими процентами.

Невеселые эти мысли терзали его и сейчас, когда короткая в базе белая «Нива», шустро ныряя из сугроба в сугроб, везла его по зимней, непроезжей после ночного снегопада дороге в Коргово.

Снег кругом. На деревьях и кустарниках, на воротах сафари-парка, на крыше финского дома и льду озера. Зима вступила в свои полные права. И по-хозяйски распорядилась. Хочет – укутает, как сейчас, землю в белую шубку. Хочет – прижмет морозищем.

Всем в лесу хорошо. А вот ему, Володьке Озерову, плохо. Чувствовал он себя виноватым. И перед людьми. И перед зверьем, братьями нашими меньшими. Не получилось у них то, что хотелось. Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Трудно сказать, что пошло не так. Может, все дело в нашем менталитете. Может, и не в нем, а в простой человеческой алчности. Впрочем, сейчас это неважно. Факт оставался фактом. Вместо сафари-парка стало Коргово большой бойней.

И чем дальше в лес, тем больше дров. Теперь у хозяина – Виктора Федоровича Шекунова – новые проблемы. Поговаривали, что он кинул московских инвесторов. Украл их акции. Ну а те, естественно, начали разборки. Подали на него заявление в органы. Дело дошло до суда. Так что «неандерталец» вынужден был теперь умасливать ментов и судейских. На это нужны немаленькие деньги. И охотничье колесо вертелось.

Что ни день – наезжали гости. Выходили на охоту. И палили в белый свет как в копеечку. Оставляли в кассе десятки и сотни тысяч рублей. Некоторых, особенно важных, сопровождал сам хозяин. Эти обслуживались за счет фирмы. На прошлой неделе так гулял у них генерал. Начальник областной милиции. Вот уж гулял, так гулял. Молодой, здоровенный, как бык. Он и пил соответствующе. С двумя своими то ли адъютантами, то ли заместителями выжрал два ящика водки и ящик коньяку. Охотился тоже по-особенному. Мараться об какую-то, как он сам выразился, «пукалку» не стал. Вышел в лес с автоматом Калашникова. И давай шмалять по всему, что движется. Зверье бедное не знало, куда бежать.

Итог был таким. Завалил генерал пяток свиной и кабанчиков. Да бычка из тех, что Володька привез с Кавказа. И накрошил, покалечил десяток коз и оленей.

А потом завис в доме на целую неделю. Ушел в запой. Сам Шекунов подвозил для него «горючее». Так его, сердешного, и увезли без сознания порученцы.

А вчера прибыл Шабашкин. Главный судья. Этот совсем другой. Такой маленький, тихий, зажатый, похожий физиономией на грустного пони. Но властненький.

Володька оставил машину на стоянке возле конторы. И по заснеженной тропинке побрел к ребятам – егерям, которые празднично сидели и смолили, ожидая клиентов, в ажурной деревенской беседке. Все на мес те.

Бородатый Митрич, похожий на старый дуб. Длинный, хороший такой деревенский парень Николай. С ними новенький, скромный хлопец с Украины Петро.

Володька Озеров, лесной кудесник, человек, в голове которого сплошь навьи, русалки, лешие, а еще наука, подсел к ним. Покалякать. Узнать, что да как. Работа у них сейчас разная: Володьке – заниматься пополнением звериного стада, организовывать процесс восполнения потерь, ребятам – расходовать этот фонд. Но все равно они команда.

Настроение у всех схожее. Критическое. Озеров так, без особого нажима спросил:

– Ну как гости? В порядке?

– Приехали гости, гложут кости, – скаламбурил и усмехнулся в седую пышную бороду Митрич.

– Ну и козел же этот судейский. Он и не охотился вчера вечером. И сегодня непонятно, будет ли выходить, – заметил Николай.

– А что так?

– Да им Серега девок привез из города. Вот они вчера с ними и куролесили. Этот их главный такие чудеса творил...

– Какие? – Володька даже привстал от удивления.

– Девчонок этих вчера голыми выгнал на мороз. И сам с ружьем выскочил за ними. Тоже голый. И давай за ними бегать по кустам. Еле уgomонили его. Сам Шекунов уламывал.

– Сегодня утром, – как бы жалуясь на что-то, стал гутарить Петро, – я тех дивок отвозил у город. Так вони мне, горемычные, жаловались на него. Он их там не то шобы силовал. Не-е. Он их щипал, сиськи кусал, кожу крутил. Они усе в синяках, а у одной глаз весь подбитый. Вони мне говорить, що мы сюды больше не поедимо. Ни за яки гроши. Лучше, мол,

у ментов десять субботников отработать, чем у лапы такому обмылку поганому попасть... И шо вон его сюда приволок?

– Ну, нашему надо отмазаться. Вот он сюда их и таскает, – резонно заметил Николай.

– У такого Шабашкина отмажешься! – задумчиво произнес Митрич.

– Ну, суд у нас, как говорится, самый гуманный в мире, – поддержал разговор Володька. – Так что отмажется.

– А вчера наша Настасьевна накрывала на стол гостям и слышала, как этот судья хвастался спьяну: «Я так построил систему, что теперь мне за любое решение несут».

– Что значит «несут за любое»?

– Раньше, мол, как было – взятки давали, если ты виноват и тебе надо отмазаться. А теперь, прав ты или не прав – все равно неси деньги. А то засудят, – закончил Николай.

– Да! – почесал затылок Митрич. – Вона как стало. В советское время о таком и не слыхали.

– Демократия у их, – вступил снова в разговор Петро. – У меня шуряк бабу свою так отметелил! И шо? Штраф ему присудили... Вона жаловаться. А ей у суде говорить – смотри, шоб саму не посадили... Во, как нын судят.

– При чем тут демократия? – заметил Озеров. – Наоборот. Судей теперь назначает президент. Навсегда. И они ничего не боятся. И никто их с должности снять не может. Неприкосновенные они. Думали, что это поможет им честнее быть. А получилось совсем наоборот. Они теперь обнаглели до того, что без взятки к ним не подходит.

– А все пример с Америки берем. Там, мол, так устроено.

– В Америке как раз все наоборот. Там судей выбирают, – заметил Озеров.

– Там люди другие. Там судья – это... – Митрич поднял толстый, грязноватый палец вверх, – это! А у нас – тьфу, – и он сплюнул густой, желтой от курева слюной на снег. – Сами видели!

– Ну, люди разные. Есть и среди них порядочные, – примирительно заметил Озеров.

– Они думают, что народ не видит, – буровил в бороду Митрич, шевеля белыми бровями. – Спрятались тут у нас. За забором. А народ все видит. Даст Бог, придет время. На вилы их поднимуть...

– Ладно тебе, горе-революционер, – заметил Озеров. – Вон, смотри, Серега несется на всех парах. Что-то озабоченный он. Видно, ему Шекунов пистон вставил.

Все быстро бросили в снег бычки. Затаптали. Замерли в ожидании. Подлетел по снегу Аксёнтов. Такой же упертый, лобастый. С усиками. И с ходу начал накручивать:

– Чего расселись? Все лясы точите? Давайте, выходите на участки! Может, сейчас охотники пойдут, а вы и не знаете, где зверь затаился.

Спорить с ним, чертом, никто не стал. Злой он стал в последнее время. Видно, жал его Шекунов, требовал отдачи.

Все разошлись. А Серега остановил Озерова:

– Слушай, тут дело такое. Вчера в местной газете «Про наше» какой-то хер расписал наше хозяйство. Это не ты случайно слил корреспондентам информацию, что у нас тут краснокнижных зверушек отстреливают? Шекунов в ярости. У него и так проблем выше крыши.

– Ты что, Серега! Я что, похож на стукача? – и Володька честно посмотрел в глаза Аксёнтову.

– Вижу, не ты. Но кто же, сука, это сделал? Я бы ему кадык вырвал! Начали мусолить. Теперь проблем не оберешься...

– Проблемы не в этом! – осмелился наконец высказаться о наболевшем Володька.

– А в чем? – с вызовом спросил Аксёнтов.

– Да ты посмотри, что творится! Разве об этом мы мечтали? Бляди, пьянки, оргии. Того и гляди кого-нибудь по пьянке застрелят.

– Это не твое дело! Не лезь! Нам деньги нужны!

– Такие деньги нам на хрен не нужны, – Володька хоть и интеллигентный малый, но всегда готов акцентировать внимание на главном.

– А как иначе выжить? Не с твоих же школьных экскурсий.

– Да мы еще толком не разворачивались, рекламу не вели. Может, что-то и получилось бы. Может, и была бы отдача, если бы не эти гости...

– Ты на святое, на хозяина, голос не возвышай. Он деньги дал. Имеет право. Гости его.

– А ну вас! – махнул рукой Озеров. И пошел к себе. К вольерам, где у него вот-вот должен начаться отел ланей и косуль.

А Аксёнтов долго смотрел ему вслед и шевелил пальцами, то разгибая, то сгибая их в кулаки.

– Чистоплюй е... – наконец выругался он.

* * *

Озеров шел по висячему мостику, перекинутому через овражек, и с грустью думал:

«Все не так. И я становлюсь не таким, как раньше. Перестал слышать голоса леса, чувствовать мысли зверя. Куда-то от меня уходит дух леса. Не могу, как раньше, взлетать над просторами земли. Не могу войти в состояние. Отвергает меня природа. А почему? Похоже, предаю я ее. Вот и отворачиваются от меня те, кто вершат судьбу...»

Невеселые его размышления прервались, когда навстречу выскочила из гостевого дома ядреная горничная.

Она бежала по дорожке, потрясая всем своим роскошным бюстом, спрятым под форменным фартуком. И орала как оглашенная:

– Повесился! Повесился!

– Кто?! – остановил ее Озеров.

– Шабашкин повесился!

– Какой Шабашкин? – удивленно застыл на тропе Володька. И вдруг вспомнил: «Шабашкин – это один из приставов повести Пушкина “Дубровский”. Там мужики деревни Кистеневка, охваченные возмущением, сожгли заживо банду судейских во главе с Шабашкиным. Надо же – опять те же лица. Все идет по кругу».

Подбежал и Аксёнтов. Вместе они залетели в строение. И увидели, что на выложенном голубой плиткой полу, у теплого бассейна лежало в трусах маленькое, скрюченное тельце судьи. Рядом суетились два его компаньона. Но это был не труп. Шабашкин подавал признаки жизни. Вот заморгал глазами. Зашевелил волосатыми руками, перебирая надетый на шею длинный расписной галстук.

Один из прихлебателей, чуть не плача, хлопотал вокруг шефа. И приговаривал:

– Говорил ему, Василич, не пей столько! Плохо будет. А он меня послал. Вот и допился. Сначала с утра хвастался, как он всех оберет до нитки. А потом что-то ему в голову ударило. И он как заорет: «Сука я продажная! Гнида!» Видно, что-то в нем замкнуло. Взял галстук. И пошел сюда. Мы минут через десять забеспокоились. И за ним. Из петли вытащили.

«Да», – подумал Озеров, помогая перетащить легкое тельце главного судьи в номер на втором этаже гостиницы. И там, укладывая его на кровать: «И на старуху бывает проруха. То ли совесть, то ли дурь заиграла».

VIII

Наконец-то у него появился свой кабинет на работе. Те, кто привык к стабильному существованию в рамках госструктур, скажут: «Эка невидаль! Подумаешь, достижение! Собственный кабинет». И только те, кто, как Дубравин, сами делают себя и свою жизнь, знают, что это значит. Собственный, заработанный своими руками, вырванный буквально из глотки у чинуш офис.

Хорошее здание. Неказистое снаружи, внутри после ремонта оно преобразилось.

На втором этаже он и разместился. В приемной сидит секретарь (один на двоих с Чернозёмовым).

Рабочее место, оно очень многое говорит о человеке. У Дубравина все строго. И аскетично. Мебель светлая, белорусская. Два окна. На столе только то, что нужно. Никаких лишних бумаг. В шкафах толстенные книги. Только иконка с ликом Сергия Радонежского и портрет Путина в майке молодежи хоть что-то говорили о хозяине.

И вот в этот самый кабинет с утраца залетела миловидная, слегка заполошная заместитель директора издательского дома «Свободное слово» и по совместительству депутат городского собрания Марина Сорокаумова. И начала быстро-быстро говорить:

– Ксан Ксеич! Такая новость! Такая новость! Я сейчас была на заседании в думе и там встретила Ивана Петровича. Он мне сказал, что у нас в области московский олигарх Хоторковский открыл отделение своего «Открытого мира». Они готовятся к выборам. Будут создавать партию. Туда уже все побежали. С такими деньгами он точно купит весь наш парламент. Надо и нам срочно к ним ехать...

– Марин! Подожди. Не тараторь так сразу. Сядь! Выпей чайку. И по порядку мне все расскажи. До выборов еще далеко. Больше года. И торопиться не надо.

После недолгого, но обстоятельного разговора с девушкой выяснилось, что один из новоявленных хозяев жизни, так называемых олигархов, решил приступить к приватизации государства. И для этого будет собирать свой собственный парламент.

Дубравин сказал:

– Ну что ж, давай посмотрим! Повстречаемся с представителем этого новоявленного российского Боунопарте!

Представитель олигархических структур в славном городе «Ч» молод, обаятелен, модно одет и чрезвычайно самонадеян. Дубравин определил его для себя как менеджера нового, недавно выросшего поколения. Шустрые ребята с дипломами об иностранном образовании и начисто лишенные

индивидуальности. При встрече с такими Дубравин всегда задавался вопросом: «Их что, по одной форме отливают? Как пластмассовых кукол?»

Молодец поправил аккуратный галстучек и поведал прибывшим, что господин Хоторковский очень даже продвинутый бизнесмен и жертвует весьма крупные суммы на образование через «Открытый мир». А теперь он регистрирует партию, которая возьмется переустроить Россию на основе принципов свободы, равенства и братства по западноевропейскому образцу.

Дубравину, кстати говоря, очень даже импонировали эти принципы. Однако его смущали люди, которые взялись за такое отчаянное дело. Поэтому он слушал эффективного менеджера в некоей задумчивости: «Может, и получится у него. Ведь московские мои кореша рассказывают, что Хотор уже купил “Союз мощных сил”, надкусил “Грушу” и выкладывает немаленькие деньги, приманивая неподкупных лидеров коммунистов. Мало того, он подбирается с мешками денег и к “Главной партии России”. А теперь решил поработать с одномандатниками. И для этого при “Нукосе” создано политическое управление, которое и формирует в регионах “мобильные группы»”.

Технология продвижения людей уже отработана. Суть ее проста, как колумбово яйцо. Голоса избирателей покупаются. Для этого с ними заключаются индивидуальные договоры «на оказание помощи», с выплатой вознаграждения прямо на участке. И с точки зрения юридической тут комар носа не подточит. Абсолютно законная схема.

Пока юный посланец бога Меркурия разливался соловьем, он решил: «Такие люди, как я, независимые и самодостаточные, для них, в общем-то, подходящий контингент. Но хочу ли я сам участвовать в такой игре?»

Олигархи будут сами управлять страной. Им не нужны надстройки и промежуточные звенья в виде администрации президента. И его самого. С помощью купленных депутатов они перейдут от президентской к парламентской форме правления и, таким образом, “приватизируют и государство”.

Но весьма сомнительно, что в Кремле будут молча наблюдать за этим процессом. Так что прежде чем соглашаться на эту авантюру, надо хорошенько подумать, а нужно ли оно мне?»

После визита он рассказал о своих сомнениях миловидной депутатке. И добавил:

– Похоже, нам с этими ребятами не по пути. Разной мы с ними крови. А нам нужны единомышленники.

* * *

Прошло какое-то время. И вот как-то с утра снова залетела к нему в кабинет Марина Сорокаумова. И быстро-быстро заговорила:

– Ксан Ксеич! Включайте телевизор! Такая новость! Такая новость!

– Какая, Марин?

– Хоторковского арестовали. Прямо в самолете взяли. В аэропорту...

– Угу, – заметил Дубравин.

IX

Вдруг откуда ни возьмись появился... новый бренд.

Дубравин ехал в своем автомобиле с загородной дачи и не торопясь прокручивал в голове предстоящий рабочий день. Неожиданно для себя он заметил, что сегодня весь длинный главный проспект заклеен большими синими баннерами с патриотическими лозунгами и новым партийным брендом.

«“Русь” поднимет дух нации!» – прочитал он лозунг на очередном плакате. И отметил про себя: «Надо присмотреться к этой партии. Вдруг это те самые люди, которые мне нужны?»

Поиски были долгими. Никто из бомонда не мог понять, откуда растут ноги у внезапно появившейся «Руси». Но в конце концов Дубравин получил заветный телефончик, по которому ему сообщили некий московский адрес, где и базировалась великая и независимая партия.

И вот как-то осенью, оказавшись по делам в столице нашей Родины – городе-герое Москве, он решил посетить штаб «Руси», дабы лично убедиться в ее намерениях и, может быть, даже обрести единомышленников.

Долго ходил он по запутанным переулкам Китай-города. Тыкался в разнообразные двери офисов. Пока наконец не набрел на небольшой особнячок, на двери которого висела табличка с соответствующей надписью. Открыв эту дверь, Дубравин зашел внутрь длинного коридора. У столика сидел пожилой хмурый дядя в черной робе. Привратник. Дубравин спросил его:

– Скажи-ка, дядя! Не здесь ли находится штаб знаменитой на всю Россию партии «Русь»?

На что дядя ему и ответил прямым текстом:

– А бог его знает, что здесь находится. Какое-то рекламное агентство. Это точно. А насчет партии я сильно сомневаюсь. Находится ли

в наличии – не могу сказать.

В эту минуту двери осторожно открылись и на пороге помещения появился старый знакомец Дубравина еще по «Молодежной газете». Тонкий, звонкий и прозрачный Сашка Киселёв. Оба обрадовано вскинули глаза друг на друга. Счастливо обнялись, похлопывая ладонями по спинам. И разговорились:

– Санек, здорово! Какими судьбами? Ты все такой же юный и счастливый!

– Здравствуй, Александр Алексеевич! Это вы какими судьбами в наши края?

– Помнишь фермера Онегина?

– Конечно, помню брата Петю.

– А ты как здесь? Ты же в Африке был, галоши и шляпы туземским вождям продавал. И когда мы с тобой последний раз разговаривали, ты был страшно доволен африканской жизнью. И африканскими женщинами...

– Да, было времечко золотое, – ясный взор голубых глаз Сашки слегка затуманился. – Но там мода переменялась. Я потом торговал еще серпами, косами, тямками. Капиталец сколотил. И решил вернуться на Родину. К родным березкам. Понимаешь, домой потянуло.

– Ну, понятно. Может, ты мне объяснишь, где здесь имеется в наличии такая великая и знаменитая партия?

Засмеялся, показывая сахарные зубы, Киселёв. И открыл великую тайну:

– Здесь, вообще-то, находится пиар-агентство, которому поручено продвигать этот бренд. И я в нем работаю. Мы всем занимаемся. В любой стране СНГ готовы обеспечить и организовать выборную или пиар-кампанию. Вот попутно трудимся и на этом направлении.

– Кто ж вам такие деньги отваливает?

– Меня особо в эти игры не посвящают. Но, как я понимаю, просто Кремль решил таким образом оторвать на предстоящих выборах голоса патриотически настроенных сограждан у коммунистов. И для этого финансируют создание такой вот национально ориентированной партии. Ну что ж, как говорится, дело мастера боится!

– То есть, как я понимаю, партия создается только в сознании людей? А на самом деле ее не существует?

– Ну, почему? Есть номинальный лидер партии. Господин Котов. А сама она зарегистрирована в Минюсте.

– А он откуда появился на горизонте? Среди наших записных

патриотов я что-то его не замечал. И интереса к русской тематике до последнего времени у него, как я понимаю, не было.

Сашка даже не замялся:

– Раньше он был во фракции «Россия – наш общий дом». Участвовал в выборах.

– То есть партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!

– Угу!

– Ловко!

– Ну, люди работают. Думают. Чувствуют, откуда ветер дует.

– Ладно. Веди меня к своим шефам. Поговорим.

В заваленном планами, графиками, выборными плакатами кабинете его принял небольшой лысый человечек с бородкой. Быстрый, верткий, он посадил Дубравина в шаткое одноногое креслице, а сам, стремительно двигаясь перед ним по комнате туда-сюда, как маятник, принялся объяснять ему грандиозность замысла:

– Я сам в Кремле не бываю! Но думаю, что это их идея. Тем более, что в платформе «Руси» имеются цитаты из книги ВВП. И шефы частенько говорят, что «его мысли совпадают с нашими целями». А основной общественно-политической миссией партии названо «возрождение духа нации для построения в России справедливого и безопасного общества».

– Аккуратно сказано, – усмехнулся Дубравин. – Не Россия для русских, а возрождение духа нации.

– Да! Да! Вы быстро схватываете, товарищ!

– Ну а в экономике что получается?

– Тут, как я понимаю, нет духа коммунизма. Призрака коммунизма, как его представлял Карл Маркс. Помните манифест «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»? Здесь никаких призраков нет. Есть только здравый смысл. И программа называется «Русский экономический прорыв». В ней отмена налогов. Снижение подоходного. Короче, экономический либерализм с примесью популизма.

И так этот маленький картавый человечек в костюме-тройке заворачивал, что через полчаса Дубравин уже думал: «А почему бы и нет? Пусть они идут своим путем. Сначала раскручивают структуру партии, а уж потом направляют, наполняют ее кадрами. Почему бы не и “Русь”? У меня одиннадцать предприятий по всем регионам. В каждом регионе имеются свои собственные газеты.

Может, мне взять на себя эту партию? Развернуть ее до настоящей партии и двигаться дальше? Вперед и вперед. К новым высотам».

В общем, выехал Дубравин из столицы нашей Родины города-героя

Москвы уже с удостоверением в красной бордовой обложке, что он, Дубравин А. А., является уполномоченным по субъектам ЦФО объединенной российской партии «Русь».

* * *

Радовался Дубравин такому своему приобретению. Носился с ним. Оказалось, как дурак с писаной торбой. Прошло три месяца. Позвонил он как-то в штаб партии, чтобы доложить о сделанном. А голос знакомого привратника ему ответил:

– Съехали они все отсюда.

– Куда?

– Они всем агентством полетели в Казахстан. Организовывать выборы президента этой страны.

– А когда будут?

– Ну, через месяцев восемь вернутся. Денег заработают. И вернутся. Так что ждите.

И гудки, гудки, гудки...

Х

На ловца и зверь бежит. Пока Дубравин безуспешно пытался разобраться в хитросплетениях российской политики и искал идейных соратников по борьбе за благо русского народа, за ним, оказывается, тоже пристально наблюдали местные функционеры. И вот однажды, прямо после очередной встречи с казачьими активистами к нему подошел не старый еще, но очень худой человек с явно офицерской выправкой. Поношенный штатский костюм и хорошо поставленный командирский голос окончательно убедили Дубравина в его догадке. Подполковник в отставке Андрей Петрович Певунов сразу взял быка за рога:

– Я читал ваши статьи по русскому вопросу. Полностью согласен во всем! – глядя прямо в глаза своему визави, чеканил он фразу за фразой. – Вам надо идти вместе с нами.

Дубравину понравился такой подход:

– А с кем это – с вами?

– С партией «Патриоты всей Руси»!

– Это которая откололась от КПСС?

– От КПРФ! – поправил его отставник.

– Интересно! – задумчиво произнес Александр. – И какова ваша

платформа?

– Я давно наблюдаю за вами. И вижу, что по большому счету вы наш человек. Вы под нашу программу так и стелете! – И Певунов, не давая Дубравину вставить ни слова, принялся рекламировать свой товар. Пока его собеседник вспоминал то ли скандал, то ли историю, которая не так давно случилась с российскими наследниками коммунистов, Андрей Петрович обрисовывал грандиозные перспективы:

– Это такая могучая партия! А каким человеком она возглавляется!

И дальше у него выходило, что Сипягин прямо ух! Как Чапаев! И смелый, и сильный, настоящий вождь партийный!

А главное, у этого батьки есть «золотой запас».

Тут наконец Дубравин вспомнил историю с так называемым «кошельком коммунистов». И то, как, громко хлопнув дверью, ушел от «папы Зю» этот его верный адепт.

Андрей Петрович, пропев свой дифирамб очередному вождю, продолжал искусно вязать узлы и петли:

– У нас через две недели будет съезд. И пройдет это мероприятие не где-нибудь, а на самой Поклонной горе. В здании музея, рассказывающего о подвиге защитников столицы. Я вас настойчиво приглашаю на этот съезд в качестве гостя. Чтобы вы лично убедились в нашей мощи и правильности идеи. Поняли дух партии. И там я вас постараюсь познакомить с великим человеком.

Ну и как такому откажешь?

Строго в назначенное время прибыл товарищ Дубравин к месту съезда. Машину пришлось оставить далеко-далеко, а самому пешочком прогуляться через парк к величественному, типично советскому зданию мемориала. Путь его пролегал по длинной аллее среди цветов и зелени, мимо притаившейся в парке синагоги. Наконец он вышел на огромную площадь, из центра которой вырастал гигантский штык.

У подножия монумента происходило какое-то действие. Судя по всему, возложение цветов и венков. Там стучали барабаны пионеров, кучка важных пиджачных людей стояла по стойке смирно.

Церемония закончилась. И съезд – а это и был он – устремился в сторону музея Великой Отечественной войны. Дубравин, увидев в последних рядах Певунова, немедленно присоединился к нему.

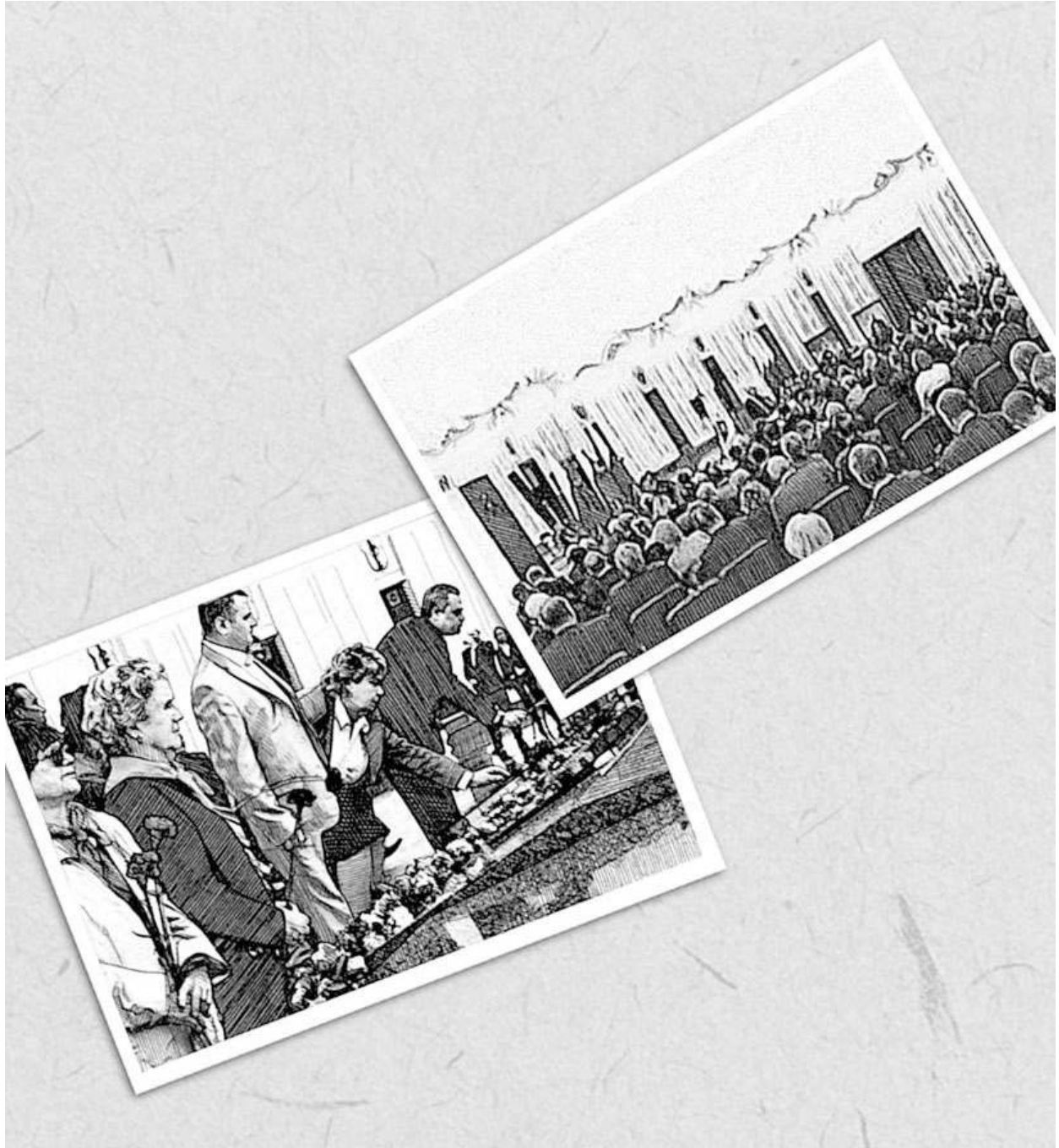
Все прошли в небольшой зал. В президиуме по-хозяйски разместился Сипягин. Вокруг него – соратники. Участники, как куры на насесте, расселись в амфитеатре.

Действо началось. Сначала выступал «вождь». За ним на трибуну один

за другим поднимались академики, доктора исторических наук, профессора, функционеры. В ходе съезда выяснилось, что фирменной фишкой партии является так называемое «народное правительство». Видно, кто-то шибко умный по части пиара придумал такой технологичный ход. Создать, как это делают на Западе, этакое теневое правительство. И как бы в засаде ждать смены власти. Случись что, а у нас уже есть готовые министры.

Сидевший на самой верхотуре Дубравин слушал пояснения своего чичероне Андрея Петровича, кто есть кто в этом народном правительстве.

– Вот этот, с краешку сидит, это наш министр культуры, – говорил он, указывая на знакомое по телевизионным боевикам лицо актера. – А вот тот, рядом с товарищем председателем, – премьер-министр.

Глядя на черноволосого, гладкого, с блестящими глазами, ухоженного «вождя», Дубравин без объяснений понял, что перед ним – сам президент.

Народ что-то бубнил в микрофон. И Дубравин по мертвящему духу съезда понял, что здесь собрались в основном «бывшие». Те, кто были элитой при советской власти, а теперь, потерпев вместе с нею фиаско, пытаются взять реванш.

Речи функционеров невнятные, вялые, народ больше тусклый, скучный.

Как побитый моллю. Весь регламент съезда, похоже, был скопирован с советского. Отсюда выбор места и состав участников. В зале былой славы. Среди бронзовых бюстов полководцев.

Съезд чуть-чуть оживился, когда в президиуме появились почетные гости. Среди них Дубравин с радостью увидел знакомое еще по советскому времени лицо редактора «Молодежной газеты». Теперь, под конец своей блестящей карьеры на высших государственных постах, он тоже завел себе мини-партию. И, как ее глава, торжественно и важно поприветствовал коллег.

Из его речи Дубравин понял, что басня Крылова «Кукушка и петух» до сих пор весьма актуальна.

Гости покинули зал. И съезд продолжился в том же режиме. Из полных меда речей становилось окончательно ясно, кто в доме хозяин. И на чьи деньги содержится эта теплая компания.

Слушая идущее по накатанной колее пустословие, разглядывая построенный «демократом» Лужковым мемориальный комплекс, Александр думал: «Что я здесь потерял, в этом советском прошлом? Какие тут жаркие дебаты? Какие прения? Всем и так все ясно. Как хозяин скажет, так и будет. А мне надо сваливать отсюда подобру-поздорову».

Андрей Петрович, видимо, тоже пришибленный атмосферой партийного праздника, приуныл и приумолк.

Не дождавшись окончания заседания, не удостоившись встречи с «великим человеком», Дубравин отправился восвояси. «Пришел я на съезд – кто больше съест! – саркастически думал он про себя. – А ухажу несолоно хлебавши».

Проходя к автомобилю тем же путем, мимо синагоги, он машинально отметил: «Как похоже! Стоит большой памятник победе всего народа в великой войне, но хочется иметь хоть и маленький, но свой. Так и здесь. Есть одна большая партия коммунистов, но хочется иметь свою. Карманную!»

XI

Некуда идти. Его сегодня выписали из клиники. И ему некуда идти. Страшное дело. Еще в прошлом месяце все у него было хорошо. Была работа, крыша над головой, женщина, с которой он мог встретить вечер за рюмкой чая, а потом разделить постель. А сегодня ничего этого нет.

Час тому назад он постучался в знакомую дверь. А она не открылась.

Вернее, Несвелля открыла. И даже вышла на лестничную площадку. Но старательно притворила дверь за собой. Хотя это не помогло. Потому что оттуда послышался молодой мужской голос, который спросил:

– Неля, кто там пришел?

На что она с досадою ответила:

– Я сейчас! Это сосед пришел.

«Сосед! – подумал с грустью он. – Теперь я стал просто соседом».

– Брат двоюродный приехал! – с вызовом сказала она. – В гости приехал!

По ее черным глазам, скользнувшим в сторону, стало ясно, что это ложь. То есть, пока он гонял по палате «белочку», Неля времени зря не теряла.

Впрочем, кто он ей? Ну, иногда встречались. Вместе просиживали вечера за бутылочкой. Он оставался у нее ночевать. И тут уж она показывала все свое мастерство и продвинутость по части секса. Но никогда ни о чем серьезном у них и речи не заходило. Он считал ее слишком любящей богемный образ жизни. Да и вообще, после всего пережитого как-то не расположен он был заводить семью. Так что она ему ничего не должна. Хотя слегка обидно, что так быстро появился у нее «племянник». Или «двоюродный брат»?

«Что-то с памятью моей стало». Не зря доктор, выписывая его, объяснил, что в острой фазе, во время приступа, у него отмерли некоторые клетки мозга. И пока не произойдет некая замена, могут случаться сбои. Провалы в памяти. Но мозг восстановит функции. Потому что миллионы лет эволюции не прошли даром. И человек, кстати говоря, очень прочная биологическая система. Если ее, конечно, не разрушать систематически и планомерно.

И вот сейчас он шел дворами от Нелиного дома к центру и отчетливо понимал, что идти ему больше некуда. На службу? Там, конечно, его ждет приказ об увольнении. Кто же оставит в спецназе КНБ леченого

алкоголика с психозом? Да еще когда раскручивается это дело об убийстве главного оппозиционера. И власти старательно заматают следы.

На съемную квартиру, где он оставил свои вещи? Но хозяйка уже наверняка кого-то поселила там, так как он не оплатил последние три месяца. Да еще и пропал надолго. И денег у него сейчас нет.

Он собрался с духом и побрел к Зеленому базару. Крытый рынок – гордость алма-атинских властей советского периода.

Обветшавшее здание, полное специфических запахов, встретило его бодрой, суетливой разноязыкой толпой. Здесь по-прежнему царило изобилие. На прилавках горками лежали арбузы, дыни, виноград, урюк, хурма, помидоры, огурцы. Стояли в ряду корейцы со своими умопомрачительными закусками – рыбное хе, фунчоза, корейская капуста, чеснок, грибы.

От запахов изобилия у Казакова закружилась голова, рот наполнился слюной. На последнюю сотню тенге с портретом какого-то древнего степного владыки он купил пару беляшей. И с жадностью съел их, стоя в уголке, за колонною.

Потом вспомнил, что недалеко от базара жила племянница Дубравина – Лена. И решил зайти. Поговорить.

Пробравшись мимо гор алых помидоров, желтых дынных развалов, холмиков коричневой кураги, он оказался у бокового выхода. И остановился в растерянности. Потому, что забыл номер дома, в котором жили Шуркины родственники.

Второй раз за день подвела его профессиональная, натренированная память. Пришлось положиться на интуицию, вспоминая по ходу движения какие-то полузабытые детали и мелкие подробности пути.

«Вот здесь должна быть водяная колонка, а тут лавочка...»

Кое-как добрался до дверей подъезда. Поднялся на второй этаж по пахнущей кошачьей мочой лестнице. Позвонил несколько раз в обшарпанную дверь. Уже хотел уходить, когда в прихожей слышались легкие, крадущиеся шаги. И осторожный голос произнес сакраментальные слова:

– Кто там?

«Это я, почтальон Печкин, принес посылку для вашего мальчика», – захотел пошутить Анатолий, но вовремя передумал. Понял, что шутка тут будет не к месту. И может напугать ту, что стоит, прислушиваясь, за дверь. И он просто сказал:

– Мне Ткаченко нужны!

Дверь слегка приоткрылась. Из-за нее выглянула молоденькая казашка

с круглым беленьким, милым личиком. «Городская, – мелькнуло в голове у Казакова. – Приезжие все обычно смуглые».

– Да, здесь жили такие, – объяснила она, – но уже с полгода как уехали в Россию.

– И куда? Не подскажите?

– Адреса я не знаю. Говорили, что в Подмосковье. А мы купили эту квартиру.

Круг замкнулся. Анатолий вежливо сказал:

– Спасибо!

И потихоньку начал спускаться вниз. К выходу из подъезда.

Чувствовал он себя смертельно усталым, никому не нужным и изношенным до дыр. Как старый армейский сапог.

Он брел по аллеям парка, мимо гранитных кубов с землей из городов-героев, мимо взметнувшегося взрывом памятника героям-панфиловцам. Брел без цели. И смысла. Пока не наткнулся на разноцветный, уютно вписанный в парковую зелень храм.

«Боже ж мой! Как давно это было!» Американская выставка в Алма-Ате. Агент ЦРУ Дэвид Кларк. Его московская подружка. И он, молодой курсант. Вот здесь, на этой скамеечке он сидел тогда, изображая бомжа. Вел наружное наблюдение за этой парочкой.

Постоял. И решил зайти в храм. Просто так. Делать-то нечего. А мысли все лезли. Нехорошие мысли.

«Здесь начинался мой путь в органах. Каких надежд я был полон! И здесь же мой путь заканчивается. Все пошло прахом. И ничего хорошего я не совершил. Слежка. Война! Преследование этих “декабристов” после алма-атинских беспорядков. Пожалуй, только за девяносто третий у Белого дома мне стыдиться нечего. А так... Выполнял приказы. Был игрушкой в чужих руках. И сижу у разбитого корыта. А может, того – закружиться? Способы есть. Не зря столько лет проработал в органах. И все закончится...»

У входа на паперти сидела такая крепенькая, красномордая, видно от пьянки, тетенька в сбитом набок платке, из-под которого торчали растрепанные седые волосы. Рядом на табуреточке стояла кружка с наклеенной надписью: «Помогите, чем можете, Христа ради!»

Проходя, он привычно похлопал себя по карманам. Потом вспомнил, что денег нет. И сам он леченый, запойный, не имеющий ни ясных перспектив на будущее, ни работы, ни крыши. Усмехнулся, когда тетка осуждающе поджала губы, поняв, что с него ей ничего не перепадет.

В храме был полумрак. Горели свечи. Пахло ладаном. С икон сурово

и назидательно смотрели на него лики святых. Людей оказалось немного. Несколько бедно одетых старушек. Мужичок в поношенной, выгоревшей на солнце рясе. И еще один какой-то чудной жидковолосый, бледный до синевы паломник с рыжей бороденкой. Этот стоял на коленях в углу. Истово крестился. И кланялся на образа.

Казаков разглядывал диковинное для него убранство храма. Это снаружи, на солнце он казался таким по-азиатски пестрым, ярким, с узорчатыми куполами, словно сложенными из цветных кубиков. Внутри убранство было очень даже аскетичным. Иконостас с распятым на кресте Христом в центре. Несколько подставок с горящими свечами. Стены, расписанные сценами из Священного Писания. Впереди, у амвона, стоял молодой, но заросший бородою по самые живые черные глаза батюшка в полном служебном облачении со спускающимся по груди и животу орарем. Он скороговоркой читал глухим простуженным голосом какую-то молитву на не совсем понятном языке.

Шла литургия. Главное богослужение дня. По-простому – обедня.

Анатолий попытался вспомнить что-то давно забытое: «Мать, кажется, говорила мне, что я крещеный. Но когда? Дубравин – тот помнит. Его крестили большим мальчиком. А меня, наверное, в младенчестве. Значит, могу быть здесь, с ними».

В эту минуту священник воскликнул:

– Аминь! – что в переводе с греческого значит «истинно». И все прихожане вокруг начали торопливо креститься. Все. Кроме него. Чувствуя неловкость, Казаков, оглянувшись по сторонам, робко, стесняясь, повторил за ними. Приложил три пальца, сложенных щепотью, ко лбу, животу, плечам.

Священник снова начал напевать свое убаюкивающее:

– Господи, помилуй. Господи, помилуй нас, грешных... Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

По тому, как все зашевелились, стало ясно, что богослужение заканчивается.

Начался новый обряд. Народ выстроился в небольшую очередь. Рядом с батюшкой появился могучий дьякон-молодец. Вместе они поднесли каждому подходящему просфору и ложечку с красным церковным вином. Причащая паству.

Поколебавшись, Анатолий встал в хвост очереди. Аккурат за странным то ли юродивым, то ли больным бледнолицым, что всю обедню простоял на коленях, а теперь вместе со всеми причащался.

Подошла его очередь. Чернобородый молодой священник

с вопрошающим видом посмотрел на него.

Анатолий робко произнес:

– Мне бы хотелось с вами поговорить! Священник внимательно оглядел его. И кивнул головой в сторону притвора:

– Подождите вон там! Я сейчас освобожусь.

Ждать пришлось долго. Священник сначала что-то собирал с дьяконом в храме. Потом зашел за иконостас. Наконец вышел уже без стихаря и ораря. Сказал просто:

– Я вас слушаю!

Долгая жизнь и опыт сотрудника спецслужб не слишком располагали Казакова к откровенности. Он твердо знал, где надо держать язык за зубами. Но сейчас в отчаянии человек в нем боролся с профессионалом. И он хотел, но никак не мог начать.

– Так что же вы хотели спросить, сын мой?

– Гм, товарищ... – неловко мыча, не зная, как обратиться, начал майор.

– Батюшка! Обращайтесь ко мне «батюшка»! Или «отец Александр», – подсказал ему священнослужитель, понимающе глядя на его усталое, изможденное лицо.

– Батюшка! – выбрал форму Казаков. – Погибаю я! Всю жизнь служил. Верил. Старался. Все распалось. Нет. Не знаю, как жить дальше. Во что верить... Куда идти...

И речь его, бессвязная, горячая, полная мольбы и надежды, словно река, прорвавшая плотину, хлынула из глубины зачерствевшего сердца:

– Разбитое корыто... Нет места на земле...

– Успокойтесь! Успокойтесь, сын мой! Расскажите по порядку. Что случилось? Что гнетет вас? Доверьтесь Господу. Он все видит. Все знает. Все устраивает. И каждому воздает по заслугам его.

Монолог Казакова был долгим. Он говорил и говорил. И его горячая исповедь впервые в жизни дала ему возможность почувствовать облегчение.

Батюшка был хоть и молодой, но понятливый. Много людей, видно, стояло перед ним. Вот так. С мятущейся и погибающей душой. Но исповедь этого, похоже, окончательно потерявшего веру человека тронула его.

– Господь все видит! И все знает! – сказал он еще раз, когда речь Казакова стала спокойнее.

– Не знаю. Меня он покинул.

– Не говорите так. Вам надо разобраться в самом себе. Подумать. Осмыслить. Покаяться. А главное – успокоиться. И только потом

принимать какое-то решение. Вы, кстати говоря, где живете?

– Теперь, наверное, нигде! – грустно ответил майор. – Не знаю. Честно говорю. Не знаю! Надо будет что-то искать...

– Я вам вот что предложу, – с неожиданной решительностью сказал бородатый молодой батюшка. – У нас тут есть комната привратника. Не особо, конечно, комфортно. Но жить можно. Если хотите, оставайтесь. Поживете. Поможете нам, чем сможете. Подумаете обо всем, что случилось. И как сейчас говорят – оклемаетесь. А уж потом решите, что делать. Как жить. Куда идти. Согласны?

– Согласен! – утвердительно кивнул Анатолий.

– Пойдемте! Я вас размещу. Вещей-то у вас, я вижу, нет с собой.

– Я съезжу потом на бывшую квартиру. Заберу!

– Ну, ну! Сюда проходите.

«Видно, правду говорят, – размышлял майор, – что мир не без добрых людей».

XII

Один знакомый отставной генерал, работающий в администрации страшно сказать кого, прослышал о хождениях по партиям нашего героя и решил ему помочь. Через Марину Сорокаумову он предложил познакомить Дубравина с серьезными людьми из «Главной партии России».

И вот в назначенный день и час Дубравин появился в прихожей Государственной думы, где стоят на входе рамки металлоискателей и строгие прапорщики в красивой форме.

Он протянул паспорт с полученным в окошке розовым пропуском и поставил на транспортер сканера свой черный кожаный портфель. Цепкий, профессиональный взгляд фсошника сличил фотографию с оригиналом. И Дубравин прошел в огромное фойе первого этажа. Здесь он оказался в окружении разноцветных картин какого-то приличного художника, разместившего свою выставку в этом политическом муравейнике. Вокруг стояли магазинчики, торгующие сувенирами с государственной символикой, книжками и портретами.

Но ему надо выше. И Дубравин по широкой лестнице, устланной красными ковровыми дорожками, поднялся к лифтам.

«Вот я и в Думе!» – с легкой иронией и некоторым страхом подумал он, шагая по коврам длинных коридоров с дубовыми дверями и панелями.

Попутно приглядываясь к табличкам и местным нравам. Судя по всему, жили здесь строго по ранжиру. Рядовые депутаты ютились вместе с помощниками в небольших кабинетах. Заместители председателей комитетов уже имели предбанники для секретарей и помощников. Ну а председатели – те полноценные начальники со всеми необходимыми атрибутами власти.

«Все, как в советское время, – сообразил Александр, вчитываясь в таблички. – Номенклатурные привычки неискоренимы. Они въелись в плоть и кровь людей руководящего слоя. Небось, здесь и в столовых идет деление на категории. Залы для технического народа, для рядовых депутатов и для начальства. А главным бонзам подают еду прямо в кабинеты. Все, как было и при коммунистах».

Наконец он добрался до входа в отсек, где расположилась «Главная партия». Тут он увидел большой холл, завешанный портретами вождей. И широкую дверь в приемную очередного великого человека. Заместителя председателя фракции.

В приемной сидела уже достаточно пожилая, много чего повидавшая на своем веку добродушная полная тетенька. С ее слов оказалось, что начальника на месте нет. Он на заседании.

Пришлось Дубравину приземлиться на стул рядом с еще двумя посетителями. Одна из них – женщина с угнетенным лицом и заплаканными красными глазами. А вот второй интереснее. Это отправленный в отставку боевой генерал, прославившийся во время второй чеченской войны. Он в штатском костюме, мешковато сидящем на нем. Лицо нервное, хмурое, опухшее. Генерал пытался читать какой-то промышленный журнал, неизвестно как попавший сюда. Это ему плохо удавалось. Он бросил его на столик. И через несколько минут вышел в фойе. Покурить.

«Наверное, он злится от того, что ему приходится ждать. Чувствует себя униженным!» – догадался Дубравин, принимая чашку душистого чая из рук секретарши. Он попил чай и читал брошенный генералом-десантником журнал «Металлообработка».

Продолжалось это достаточно долго. Пока наконец в холле не послышался оживленный разговор и не появился сам хозяин вместе с генералом.

Александр Адамович Короткевич тоже из военных. Этаким располневший атлет-физкультурник. У него круглое лунообразное лицо со вторым подбородком и пингвинья фигура. Она чаще всего появляется у людей, которые долго занимались спортом с большими физическими

нагрузками. А потом одновременно бросили это дело.

Короткевич оглядел присутствующих быстрым взглядом, видимо, определяя важность посетителей, и проводил генерала-десантника к себе в кабинет.

В полуоткрытую дверь Дубравину услышал их разговор:

– Меня тут поставили председателем комиссии, которая занимается делами ветеранов боевых действий и пенсионеров. Давай я тебя введу в состав этой комиссии. Будем работать... А, Володя?

«Видно, война для десантника была звездным часом. А теперь вот он, чтобы не помереть от тоски и скуки в отставке, ищет себе хоть какое-то занятие», – решил Дубравин.

Дверь в кабинет закрылась. И оставшуюся часть беседы двух отставников он уже не слышал.

Провожая на выход своего товарища, Короткевич сказал, словно продолжая разговор:

– Приняли сырой закон о льготах. Народ недоволен страшно. Будем на комиссии обсуждать.

Возвращаясь от двери, он приостановил уже нацелившегося Дубравина:

– Минуту подожди! Мы с тобой подробно все обсудим. А я по быстрому человека отпущу.

И кивнул заплаканной просительнице:

– Заходите!

Быстро растянулось на полчаса. Но в конце концов Дубравин все-таки добрался до кабинета.

Дальше действие происходило по обычному сценарию.

Судя по тому, как заблестели глаза под белесыми ресницами общественника, рассказ Дубравина очень даже заинтересовал его. Он, видимо, понял, что пришедший посетитель – человек не только с амбициями, но и большими медиа-ресурсами. И упускать такой вариант не собирался.

– Все понятно! – выслушав рассказ Александра, сказал Короткевич. – Беру тебя на заметку. И в работу...

Поговорили, как родниковой воды напились. Окрыленный такой перспективой Дубравин уже собирался уходить, но Короткевич добавил и кое-что от себя:

– Сейчас в партии большие перемены. Но они закончатся. И тогда твой ресурс будет востребован по полной. А пока я тебя включу в состав комиссии по работе с ветеранами и пенсионерами. Приезжай. Первое заседание скоро.

«Видно, он туда всех своих знакомых и друзей собирает. Ну что ж, это хорошо!» – думал Александр, покидая величественное здание на Охотном ряду.

* * *

Однако, как говорится, и здесь недолго музыка играла. Прошло несколько недель, а Короткевич на связь не выходил... Дубравин звонил по заветному номеру сам. Но представитель главной политической силы был то на вечном совещании, которое плавно перетекало в вызов к вышестоящему руководству, то в бессрочной командировке на краю света.

А потом по телевизору сообщили, что его перевели с должности. И теперь он, как простой депутат, сам изо всех сил бьется за то, чтобы попасть в заветный список на новых выборах.

Так, ничем, завершился для Дубравина и этот поход в столицу «за зипунами».

Но он не унывал. И судьба в лице знакомого генерала подбросила ему еще одну встречу. С олигархом.

– На самом деле, – объяснил ему диспозицию генерал из администрации страшно сказать кого, – не партийные функционеры определяют политику. А те, кто ими руководит. Давай я познакомлю тебя с Иваном Петровичем Дубовским, миллиардером, олигархом, бывшей большой советской шишкой. Он и рулит политикой в славном городе «Ч».

* * *

Московский офис олигарха располагался в красивом уютном синем-белом особняке с башенками как раз напротив храма Христа Спасителя. Дубравин приехал заранее. И несколько минут они с генералом перетирали повестку дня.

– Ты прямо говори ему: «Я готов завалить на выборах этого вредного коммуниста! Делайте ставку на меня!»

И товарищ повел его длинными переходами. В личную столовую Дубовского.

Невысокого роста, седой, краснолицый, в хорошо сшитом синем костюме и ослепительно белой рубашке, он встретил гостя тепло и добродушно.

Пригласил пообедать. Стол застелен такой же ослепительно белой скатертью. На столе – вазы с цветами и краснобокими яблоками. Обед вегетарианский. Но с коньячком. Пропустили пару рюмок. И Дубравин,

как ни странно, почувствовавший в этом энергичном дедушке родственную душу, с юмором рассказал о походе в Думу. И о том, как Короткевич быстро и эффектно исчез с политического горизонта.

– Да, этот народ такой, скользкий, – заметил Иван Петрович, – с ними трудно работать. Но приходится. Вот и сейчас выборы приближаются, а подходящего кандидата на один из участков у них нет.

Он поглядел задумчиво на купола храма Христа Спасителя, видимые из окна столовой. И продолжил:

– В деревнях у нас проблемы решены. Там все схвачено. А вот в самом городе вряд ли удастся победить. Народ у нас своенравный. И очень даже может прокатить нашего кандидата. Боюсь, что нам этого коммуниста не победить. И не знаю, кто это сможет сделать!

На что Дубравин ему самонадеянно заявил:

– Я смогу! Сто пудов! Команда у меня имеется. Опыт у ребят какой-никакой есть. Да и сам я – вполне, – он ввертывает модное словечко, – креативный человек!

Старому олигарху такая его речь пришлась по нраву. Видно, он сам вспомнил горячую комсомольскую молодость. И расстались они вполне довольные друг другом.

ХІІІ

Вот неделя-другая прошла. И из губернской администрации раздался звонок:

– Здравствуйте! С вами говорит заместитель губернатора Максим Артурович Кучинов. Александр Алексеевич, не могли бы вы заехать ко мне?

– Конечно! В какое время?

– Да хоть сейчас! Я буду вас ждать. Выпишу вам пропуск.

Дубравин взял ноги в руки. И через городские пробки и заторы помчался в центр.

Кабинет у этого заместителя большой и красивый. Мебель новая. Блестящая. И сам он весь благообразный, гладкий. Бывший заместитель по кадрам, переехавший из областного ФСБ в областную администрацию. Человек команды.

«Умеют же люди жить», – подумал Дубравин при виде этого великолепия.

– Мы хотим пригласить вас в качестве кандидата от партии власти

на выборы в Государственную думу, – объявил ему Кучинов волю олигарха. – И надеемся на плодотворную работу.

«Ну наконец-то, – сообразил Дубравин. – Дело двинулось. Вот оно – счастье!»

– Что надо делать? – с готовностью спросил он.

– Скоро начинаются внутрипартийные праймериз. И мы бы хотели, чтобы вы в них поучаствовали.

– Ну что ж, я готов!

* * *

Как когда-то слова из старой советской песенки о любви, где парня звали «по-грузински Айванес, а по-русски Ваня», вошли в быт, так и сейчас английские слова типа «праймериз», а по-русски – «пробы», быстро вошли в политический обиход.

Собрали в обеденный перерыв народ в зале для конференций большого родильного дома. В креслах – сплошь женщины в белых халатах. Рассадили по местам. И пустили на трибуну будущих кандидатов. Дубравин выступал вторым. И, судя по реакции зала, выступал здорово. Своим рассказом, что называется, «зацепил» врачей, акушеров, медсестер, нянечек:

– Все вы прекрасно знаете, что у нас в стране именно женщины решают, сколько детей будет в семье. Это их выбор. И сейчас у нас на семью в среднем приходится одна целая две десятых ребенка. Почему? А потому, что наши женщины решили: зачем плодить нищету? И ограничиваются чаще всего одним ребенком. А должно быть хотя бы двое. Так вот, моя программа как раз и нацелена на то, чтобы у нас в молодых семьях, где только начинают жить совместно, поменялась установка.

В общем, чрезвычайно довольный собой, он с интересом выслушал вялое бормотание остальных кандидатов. И думал, что победил.

Каково же было его удивление, когда на следующий день появились результаты. Черным по белому в сводке было написано, что он занял последнее место.

Он возмутился. И вместе с тем ему стало интересно. Поехал в Москву к пиар-менеджеру и старому товарищу Сашке Киселёву. Бывший африканский торговец шляпами и блестящими галошами уделил, несмотря на занятость, время своему товарищу. И популярно объяснил законы политической борьбы нового периода.

Разговор получился откровенный:

– Здравствуй, Александр! Хочу у тебя проконсультироваться. Тут такое дело. Ввязался я в выборную кампанию. Пошел на праймериз. И в результате пролетел. Открой тайну. Разъясни мне, тупому, что я делаю не так?

Сашка смеялся так долго, что в конце даже закашлялся.

– А деньги где?

– Какие деньги?

– Наивный вы человек, Александр Алексеевич! На каждом этапе нужно платить.

– Но я же договорился с олигархом!

– Ха! Жалует царь, да не жалует псарь. Знаете такую поговорку? Надо было миллиона два отстегнуть организатору этой комедии под названием «праймериз». И все бы прошло без сучка и задоринки.

– Так, ты давай мне, Саня, все расскажи по порядку. Что? Как? Кому? А то я как слепой бьюсь. Хорошо?

– Помните, Александр Алексеевич, товарищ Сталин когда-то говорил: «Неважно, как голосуют. Важно, как посчитают». Так вот и сегодня на наших выборах это – аксиома.

Наши чиновники из всего хотят извлекать выгоду. Вот и ввели праймериз. Как на Западе. Вроде хорошее дело. Но во что оно превратилось у нас? В средство сбора денег. И отсеивание неудобных власти кандидатов. Поэтому для вашего олигарха вы, может, и хороши. Но исполнителям, организаторам этих самых выборов вы чем полезны? Ничем! Вот они вас и бортуют. Им не до высокой политики. Их интерес прост. На выборах все хотят заработать. Так что надо внести. И все пойдет как по маслу.

– Ну ты даешь стране угля!

Сашка засмеялся и ответил присказкой:

– Хоть и мелкого, но много!

– Ну а вообще, как это организуется? Давай выкладывай! Как списки возникают?

– Есть три составляющих. Главная – деньги. Парламентские партии – те, которые могут обеспечить стопроцентное прохождение в Думу, продают места за несколько миллионов долларов.

Кроме того, они бесплатно приглашают медийных персон, которые должны обеспечивать интерес электората. Отсюда в списке появляются также разного рода спортсмены, артисты, ведущие телеканалов.

Кроме того, партии должны показать свою демократичность и народность. Для этого в список вводится несколько учителей, врачей,

рабочих. Впрочем, рабочих давно нет. Был один у коммунистов. Да и того поперли.

Есть еще и квота от Москвы. Кремль спускает разрядку для всей России на регионы. Чтобы, значит, продвинуть своих людей.

Ну вот так и формируется партийный список. Да, совсем забыл! В нем обязательно должны быть те, кто организовал партию. Они, конечно, в начале списка. Идут так называемыми паровозами.

– Да, сложненько!

– Чего тут сложного? Плати – и получишь депутатский мандат. Это такой беспроектный партийный бизнес. Хотя иногда бывает так – заплатят и все равно пролетают. Это когда партия вдруг не добывает голоса. Редко. Но бывает.

– Ну а деньги-то куда идут? На выборы? – углубился в вопрос Дубравин.

– Не-ет! Не совсем так. Платные кандидаты – богатые буратины – должны обеспечить все. Оплатить весь банкет. И за себя. И за того парня. Если есть очень большие деньги, можно купить партию целиком. Вот Хоторковский пытался купить всех оптом. Кремль не дал. А так, пожалуйста. За ваши деньги – любую прихоть.

– Ну ладно. Я понял расклад. В партиях, похоже, мне делать нечего. У меня таких денег нет.

– Если нет денег, можно оплатить взнос медиа-ресурсом.

– Ну, это как-то не совсем честно. Журналисты будут ворчать.

– Тогда платите. По моим прикидкам, собранные с «буратин» деньги распределяются так. Процентом пятьдесят здесь же, не отходя от кассы, откатывают себе на нужды лидеры и создатели партий. Сколько из этого они заносят на самый верх, я не знаю. От оставшейся половины отпиливают непосредственные исполнители. Организаторы и руководители выборной кампании. Разного рода маркетологи, креативщики, пиарщики. Ну и процентов двадцать – двадцать пять от собранных денег идут собственно на выборы. Печатание листовок, буклетов, закупку площадей в газетах, времени на телевидении. И, естественно, на подкуп избирателей с использованием так называемых «грязных технологий».

– Понятно! – заметил Дубравин. – Это те партии, которые имеют твердую уверенность, что их список пройдет. А остальные? Мелочевка эта как?

– Маленькие партии, не имеющие возможности торговать местами, существуют на средства владельцев этих партий. Или ищут спонсоров.

Возможны также варианты с популярными людьми. За ними охотятся. Приглашают в список бесплатно. А вдруг они выведут партию на Олимп?

– Ну, спасибо, Саня, что просветил.

– Не за что! Хочешь, я тебе сделаю свеженькую, зарегистрированную партию. Под ключ! А? Или занесем, кому надо? – перешел на «ты» Киселёв.

– Спасибо. Я подумаю.

Дубравин вернулся в город «Ч». И стал думать.

Надумал только одно: «Ни одному слову наших политиков верить нельзя!»

XIV

Штаб собрался. Вопрос всего один. Что делать? Действительно, Дубравин обошел все возможные на данный момент партии и властные коридоры. Побывал на приеме у бывшего редактора молодежи, ныне трудящегося спикером. И везде облом. Потому, что нет у него главного – «золотого запаса». А без него будь ты хоть семи пядей во лбу или хоть лоб расшиби, а в список любой стоящей партии не попадешь. Понял он и то, что политика – дело хитрое. И очень специфическое. Люди тут скользкие. Лживые. И двуличные.

Долго слушал Дубравин предложения трудящихся – пойти туда – не знаю куда, встретиться с тем – не знаю с кем. А потом выразил свою волю:

– Пойду на выборы независимым одномандатником!

Все приободрились. Наполнились легким энтузиазмом.

А почему бы и нет? Они молоды. Шишек не набили. Почему бы не попробовать?

Особенно рвался в бой Серега Чернозёмов:

– А что, небольшой опыт у нас есть. Люди есть. Газеты тоже. Да мы их шапками закидаем!

Но более продвинутая Марина Сорокаумова все-таки предложила подстелить соломки:

– В наше время без поддержки верховной власти никуда идти нельзя. Отношения с Дмитрием Геннадьевичем у нас неплохие. Нас уважают. Надо идти к нему. Договариваться!

Что ж, все согласились с тем, что такой визит лишним не будет.

Сорокаумова пошла договариваться. А народ принялся работать

над планом выборной кампании.

* * *

Знакомой дорогой явились они на прием. Ждать пришлось недолго. Генерал-губернатор встретил Дубравина ласково, как старого знакомого. И то дело. После той истории с отвоеванным зданием он с треском выгнал из администрации длинного Лешу Хитроева. А Дубравин – человек порядочный и благодарный.

– Здравствуйте, Александр Алексеевич!

– Здравствуйте, Дмитрий Геннадьевич!

– С чем пожаловали к нам?

– Да вот решил я попробовать пойти на будущие выборы.

– Ну что ж, дело хорошее!

Дальше все пошло как у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях». Дубравин сидел «как отец русской демократии и особа, приближенная к императору», а Сорокаумова, словно «великий комбинатор», все плела и плела словесные кружева.

– Дмитрий Геннадьевич! Александр Алексеевич – наш человек. Будет вам помогать в Москве. Там у него большие связи во всех средствах массовой информации. Так что наша губерния в высших кругах может быть очень даже хорошо представлена. Он может стать там крупным лоббистом...

И так она ловко все поворачивала, дуя губернатору в уши, что Дубравин прямо-таки одним местом чувствовал, как повышается настроение хозяина кабинета.

«Видно, ему приятно, что московский гость почтил. Пришел, подтвердил свою лояльность, – думал Александр. – С другой стороны – для него хорошо, что я не примкнул к коммунистам. Ведь он, как губернатор, якобы “разорвал” этот самый “красный пояс”. Но выборы покажут, так ли это. А то может оказаться, что это бабка надвое сказала».

– Я вас поддержу! – провожая посетителей, обнадежил их седой человек со спортивной выправкой и в хорошо сидящем сером костюме.

– Ну, теперь вперед! – усаживаясь в машину, возбужденно сказала Сорокаумова. – Можно не бояться, что административный ресурс кинут против нас. И не дадут работать.

«Да! – подумал Дубравин. – Слово – не воробей. Сам губернатор обещал...»

XV

С утра он взялся за метлу. Собрал опавшие за ночь желтые листья, сходил в кладовую за дровами. Дрова попались сырые, и печь долго чадила. Наконец робкий язык пламени охватил ржавый бок крупного дубового полена, и Анатолий вытер полую рясу заслезившиеся глаза.

Затем он, не торопясь, полез на колокольню, и деревянные ступеньки глухо поскрипывали под его тяжелыми шагами.

Кто бы узнал сегодня в этом бородатом, длинноволосом, облаченном в поношенную рясу с чужого плеча человеку бывшего майора спецназа Анатолия Казакова? Наверное, никто.

Сегодня праздничный день. В храме торжественная литургия, поэтому у него забот полон рот. Слово «пономарь» означает «помощник по храму», а на самом деле он и дворник, и ризничий, и истопник, и звонарь.

Наверху прохладно. Большой колокол даже слегка заиндевел от утреннего морозца. Анатолий похлопал его по медному боку, как старого боевого товарища, взялся за веревку, привязанную к языку, и начал раскачивать. Взмах. Еще. И легкое касание металла о металл.

– Бум! Бум! Бум! – ровный, басовитый густой звон потек над пробуждающимся городом. «Пора вставать, молиться Господу Богу!» – звал колокол.

Уже несколько недель находился он здесь. Жил при храме, помогал делать всякую работу, приглядывался, усваивал правила и истины, на которые раньше как-то не обращал внимания. Теперь-то он понял, что жизнь священников – вечный труд.

У отца Александра, например, церковный день начинался с вечера, когда он приходил в храм, служил короткую вечерню и готовился к главному действию завтрашнего дня – литургии.

Отзвонив, Анатолий спустился вниз. Вместе с другими прихожанами стал ждать батюшку. Сегодня народу много: как стадо овец, стоит у входа группа женщин, среди платков, шалей, накидок, шляпок изредка виднеются лысины, кудри, седины мужчин. Все в нарядной, праздничной одежде.

Вот у входа началось легкое шевеление. Это отец Александр – уже в рясе, статный, чернобородый – шел на службу. И народ двигался к нему, желая получить пастырское благословение.

Женщины подходили одна за другою. Сложив ладони перед собою, ждали:

– Здравствуйте, батюшка! Благословите!

Отец Александр крестил, благословлял. Прихожане целовали благословляющую руку священника, которая в данный момент олицетворяла десницу Господа. Так, от одного прихожанину к другому, двигался по храму пастырь, подходил к иконам, прикладывался и наконец зашел в алтарь.

В этот момент Казакова окликнул дьякон. Если отца Александра пономарь даже чуть побаивается, то с Василием – высоким, нескладным (стихарь висит на нем, как на вешалке), но чрезвычайно добрым и приятным человеком ему спокойно и уютно.

Началась подготовка к праздничной литургии.

– Анатолий, будь ласка! – сказал дьякон. – Иди сюда. Начнем, помолясь!

У Василия реденькая бороденка в несколько волосков, она смешно топорщится, когда он, запевая, поднимает подбородок кверху.

– Поставь, пожалуйста, угли! – попросил Василий.

Анатолий включил электрическую плитку. Наложил угли, необходимые для каждения. Потом разжег кадило.

Отец Александр торопливо одевался в богослужебные одежды. На черный подрясник надел поручи, потом епитрахиль, подпоясался поясом, приладил набедренник. И сверху – фелонь.

Затем Анатолий поднес ему воду с полотенцем. Священник умыл руки и произнес молитву омовения «Мои руки чисты».

Казаков уже знал тайные смыслы всех этих ритуальных действий. Они пришли из тех самых ветхозаветных библейских времен, когда только зарождалось христианство.

Началась проскомидия – в переводе с греческого «принесение», потому что первые христиане приносили с собой хлеб, вино и все, необходимое для службы.

Совершив входные молитвы перед закрытыми Царскими вратами, священник с диаконом вошли в алтарь и подошли к жертвеннику. На нем лежали пять просфор в память о пяти хлебах, которыми Христос насытил пять тысяч человек.

Отец Александр с молитвой на устах остро отточенным копием вырезал середину из первой и трижды сотворил над ней знамение креста. Положив середину на дискос, он крестообразно надрезал просфору с нижней части и проткнул ее правую сторону копием.

В чашу налил вино, смешанное с водой. Затем вынул частицы из остальных просфор и, разложив их на дискосе, покрыл его и чашу большим платом – «воздухом».

Дьякон вышел из алтаря и громко провозгласил:

– Благослови, владыко!

Отец Александр произнес:

– Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков.

Вступили певчие:

– Аминь!

Все шло свои чередом. Впереди было причастие, которое сопровождает великое чудо превращения вина и хлеба в Тело и Кровь Христову.

Открылись наконец Царские врата. Святые Дары вынесли через боковые двери из алтаря и внесли в алтарь через Царские врата. Так совершается Великий Вход – в память о добровольном шествии Христа на крестные страдания и смерть. Хор запел Херувимскую песнь и «Милость мира, жертву хваления».

Батюшка начал читать евхаристический канон. Анатолий различил только некоторые слова:

– Сие есть Тело Мое... Сие Кровь Моя Новаго Завета...

Все! Чудо свершилось! По молитвам их обратились Дары в Тело и Кровь Спасителя.

Отец Александр вышел из алтаря, положил крест и Евангелие на аналой. Произнес:

– Кто хочет исповедаться – подходите.

Толпа прихожан разделилась: меньшая часть выстроилась на исповедь, Анатолий решил к ним присоединиться.

Заметив среди исповедников детей, отец Александр произнес:

– Дети до пяти лет не исповедаются, ибо они как ангелы Божии.

Сначала исповедь носила общий характер.

– Дорогие братья и сестры! Покаемся в тех грехах, которые являются для нас общими. Первый из них – неблагодарность к Богу. Мы все таковы. Просим у Бога прощения за это.

Народ начал шептать.

– Отпускаю вам этот грех! Еще один общий грех известен мне – грех чревоугодия!

Народ смущенно вздохнул. Многие перекрестились.

– И этот грех отпускаю вам! Теперь грех гневливости...

Наконец отец Александр сказал:

– Кто хочет исповедаться отдельно, подойдите ко мне!

Казаков понял – настал его черед.

Подошел к батюшке. Трудно, но, видно, придется рассказать о том,

что терзает его душу.

– Страшно грешен я, батюшка! Большой грех на мне!

– Какой?

– Убийства! – и, помолчав, добавил: – На войне убил я женщину молодую. И любовника ее...

– Да, это тяжкий грех! Ты, Анатолий, тогда к причастию не подходи. Подожди в сторонке.

И добавил торопливо, словно извиняясь:

– Тебе предстоит пройти дорогу очищения. Я только тогда могу отпустить тебе этот грех, когда пойму, что больше ты никогда никого не убьешь.

XVI

Из прокуратуры областного города «К», что расположен в двухстах километрах от города «Ч», пришло письмо. Суть его проста и понятна. В нем сообщалось, что на него поступил донос из областной администрации. «Однако, рассмотрев заявление, прокуратура проверила публикации в прессе и не обнаружила в них никакого экстремизма». Но на всякий случай она, то есть прокуратура, предупредила, что писать о проблемах русского народа следует взвешенно и осторожно. И лучше всего «во избежание негативных последствий» заменить слово «русский» на «россиянин».

«Что ж они, гады, уже и национальности нас решили лишить?! Чтоб в нашей же стране русскими и не пахло? – подумал Дубравин, дочитывая сей опус, сочиненный неким помощником прокурора. – Отправлю я это письмо в печать. Пусть народ ознакомится с мнением защитников его прав».

* * *

Никто не знает, как слово наше отзовется. Вот и Дубравин не представлял, какой отклик вызовет его «Русский вопрос». Он просто решил для себя – делай, что должен, и будь, что будет.

Но, увидев отзывы, он понял, что статьи его попали в самую точку, в самый нерв, в душу, настроение этого особенного, ни на кого не похожего народа. Да и как не попасть, если он чувствовал, переживал то же, что и миллионы его соотечественников. Сам являлся неотделимой частичкой русского мира.

Так что кроме трусливых чинуш откликнулись и люди.

В один осенний прохладный денек прибыл местный писатель.

Лицо его, грубо сработанное, красно и нахмуренно. Давно нечесанные черные волосы длинны и спутаны. От него несло табаком и водкой. И сам он был весь на нервах. Горяч и порывист.

Он крепко пожал руку Дубравина. Огненным взглядом окинул его кабинет. И начал нервно, порывисто говорить. Из речи его, сумбурной и путаной, вытекали следующие выводы. Что он, так же как и Дубравин, радеет за русский народ. И все отделение Союза писателей тоже его поддерживает. Все это звучало хорошо... Но по некоторым выражениям и тону Дубравин ощутил, что писатели ревнуют к тому, что он, чужак

и пришелец, ступил на заповедную поляну!

Дубравин успокоил его, предложив работать совместно. И в паре двигаться вперед, по непаханным просторам русской темы.

Обнадеженный писатель покинул кабинет, оставив Александру несколько своих книг.

Вечером, после работы наш герой расположился с его книгой на диване. И обнаружил, что парень действительно чертовски талантлив. И такой человек, искренний, живой, горящий, да еще владеющий словом, действительно будет полезен.

Еще через несколько дней раздался звонок из далекой северной области. В трубке слышался хорошо знакомый, но давно забытый голос Володьки Панцырева, представителя славной плеяды собственных корреспондентов «Молодежной газеты».

– Саня, здорово!

– Володька! Ты, что ли? Какими ветрами? Здорово! Чем занимаешься?

– Да тем, что только и умею делать в этой жизни. Делаю, как всегда, газету.

– И какую?

– Городскую!

– А я тебе зачем понадобился? – почему-то Дубравин догадался, что Панцырев просто так звонить не будет. – Колись!

– Да я тут обнаружил в одном месте твою заметку на тему «Почему мы такие недружные?» Ну и понравилась она мне.

– Понравилась так понравилась, – заметил польщенный Дубравин. И не преминул похвастаться:

– У меня их много!

– Я хочу ее поставить у себя! В газете! Разрешешь?

– Бога ради. Я буду только рад. Можешь и другие ставить. Бери, брат. Пользуйся!

– А как с гонораром?

– Оставь себе!

Поговорили. Душевно так. Как-никак им есть, что вспомнить.

И, видно, действительно панцыревское старание увенчалось успехом. Через некоторое время получил Дубравин письмо в аккуратно запечатанном конвертике со штемпелем. И письмо это было не от абы кого, а от самого Василия Белова. Того самого – из когорты великих русских писателей, представителя так называемой деревенской прозы. Открыл его Дубравин и не просто обрадовался – можно сказать, возликовал. Потому что Василий Иванович его искренне поддержал:

«Здравствуйте, Александр Алексеевич!

Пишет, быть может, известный Вам прозаик Белов В.И.

Не знаю, имею ли я право обращаться к Вам напрямую, без всяких посредников. Мне кажется, имею. Но кто знает. В любом случае сообщаю, что Ваш адрес я получил через моего друга Александра Цыганова у известного Вам В. Панцырева. Они же снабдили меня газетой с Вашей статьей “Почему мы такие недружные?” Я весьма был обрадован этой статьей и буду рад познакомиться с Вами поближе.

Дело в том, что я готов подписаться под каждой строкой Вашего материала...»

Дубравин читал письмо, и волна радости постепенно поднималась в его душе: «Значит, прав я. Значит, веду правильную линию, если такой человек нашел меня, не поленился. Написал ободряющее письмо».

«...Александр Алексеевич, я, как бывший депутат, целиком на Вашей стороне и готов дать Вам любой совет, поскольку вы хотите прыгнуть в космическую бездну, которая называется политикой! Позвольте дать только один совет – не спешите, не раскрывайте свои карты до тех пор, пока не получите пропуск в Думу. Игра опасна, будьте бдительны. В этой игре жизнь подвергается опасности.

Я знаю это по своему опыту. Да и сами Вы знаете, сколько т. н. народных избранников отправлены на тот свет.

В этой игре присутствует все: обман, подкуп, угрозы, как говорит поэт, “кинжал и яд”».

Дубравин прочитал письмо до конца, особенно задумавшись над последней частью, в которой Василий Иванович спрашивал, чем бы он мог ему помочь.

«Эх, Василий Иванович, товарищ Белов, кабы я знал, что ждет впереди, тогда бы и попросил помощи. А тут один туман. И никакого просвета. Но надо отписать ему, рассказать о своих делах. О русском вопросе».

Дубравин отложил письмо прозаика в отдельную стопку с надписью «В работу». И принялся читать другие вести.

* * *

Вечером в самом большом кабинете издательского дома собрался выборный штаб. Дубравин окинул взглядом своих соратников.

Начальник штаба – надежный, как кремень, Серега Чернозёмов. Сидит, возвышается незыблемой скалой.

За ним – консультант штаба, специалист по взаимодействию с органами власти Юрий Зарубский. По образованию он психолог. Его взгляд из-под

очков сосредоточен, а интеллигентская бородка аккуратно подстрижена. В руках папочка. Серая.

Рядом – упертый знаток наших зыбких и одновременно незыблемых законов юрист Уриварт. Он, несмотря ни на что, верит в то, во что абсолютно не верит сам Дубравин. Считает, что с помощью закона или суда можно чего-то добиться от власть имущих.

Строго по центру расположился главный бухгалтер – «финансовый гений» товарищ Петков – небольшой человек с морщинистым и простым лицом. В поношенном костюме, но совсем не бедный.

Напротив него восседает огромная улыбчивая женщина с настоящими русскими формами – мадам Булкина. Она занимается планированием пиар-акций, созданием сетевых графиков.

Почетное место на другом конце стола занимает начальник службы безопасности, крепкий молодой человек по имени Александр. Его псевдоним «Бес» – сокращение от фамилии.

В конце стола расположилась группа борзописцев.

В уголке, чтобы особо не светиться, пристроилась миловидная и слегка заполошная Марина Сорокаумова. Она, как все действующие депутаты, сидит тихо.

Вел заседание Чернозёмов. Вопросов много. А времени, как всегда, мало.

– Первый вопрос, – сказал он. – Противники нашего кандидата. Сильные и слабые стороны. Докладчик Юрий Зарубский.

Консультант достал из папочки стопочку разноцветных листочков и разложил их на столе.

– Ну что можно сказать о ваших противниках на этих выборах? Их пока шестеро. Наиболее сильный из них – Людмила Ивановна Бойкова. Она политик известный. Ее роль – такой народный заступник, трибун. Два срока является депутатом городской думы. Один из руководителей оппозиции нынешнему главе города. Выиграла суд у мэрии по возврату населению средств с коммунальных платежей, увеличенных в марте месяце. Вообще, она человек конфликтный. Сильные стороны: публичность, крепкий характер. Слабые: скандалистка, склочный человек.

Второй претендент – фермер-спецназовец. Некто Степан Бубликов. Такой связанный с властями фермер. В одной руке винтовка, в другой плуг... Он имеет хорошие связи в верхах. Легендарная личность.

– Пожалуйста, огласите весь список! – попросил Чернозёмов.

Кабинет оживился. Все засмеялись.

– Пожалуйста! – ответил крупный специалист. И зачитал список,

стараясь коротко охарактеризовать людей. – Женщина-вамп, хозяйка большого магазина сантехники, претенциозно названного «Империя дома» или что-то в этом роде. Герой России. Еще один спецназовец. Главный врач одной больницы. Преподаватель мединститута – судя по всему, технический кандидат.

Он взял паузу. Поднял еще один листочек:

– Но есть и серьезный человек. Коммунист старой закалки. Некто Сипунин. Этот из «бывших». Они у нас еще не вывелись до конца.

В разговор влетела Сорокаумова:

– Даже сами коммунисты долго сомневались, стоит ли его выдвигать. Он два срока отсидел. И ничего не делал.

– Я думаю, в ближайшее время мы получим еще немало желающих влиться в ряды депутатов, – заметил Зарубский. – Список пока не закрыт. Готовятся «грушовцы», «Союз мощных сил». Может вылезти на сцену и кое-кто из бывшей администрации.

– Переходим ко второму вопросу повестки дня, – поторопил всех начальник штаба. – Газеты – это, конечно, прекрасно. Но сегодняшние выборы без телевизора не проходят. Нужно, чтобы наш кандидат светился на экране.

– А как это сделать? – заметила начальник службы медиапланирования госпожа Булкина. – У нас ведь нет никаких специалистов в области телевидения. Ни операторов, ни режиссеров.

– Будем делать сами! – самонадеянно ответил Дубравин.

– У меня есть еще одно интересное предложение, – вступил в диалог Бес. – Тут нашему кандидату надо бы, как и другим, стать покровителем и спонсором какого-либо спортивного общества и учредить боевой турнир, на котором, собственно говоря, и выступить.

Я знаю такую организацию. У нас тут образовалось общество традиционного каратэ «Фудокай», что значит «прямой путь». И оно очень даже неплохо себя проявляет. Хотелось бы, чтобы наш кандидат его поддержал.

– Рассмотрим этот вопрос! – смело заметил Чернозёмов. И добавил:

– Хотелось бы перейти к следующей теме нашего совещания. Это анализ исследований и опросов, проведенных независимой фирмой относительно предпочтений и известности нашего кандидата.

– Подожди! – заспорил юрист. – Есть тут еще один очень острый вопрос, и по нему надо тоже посоветоваться. Он касается доверенных лиц нашего кандидата...

– А у меня вот отчет по цветовому тесту. Мы провели опрос среди

населения. И сделали анализ того, с какими цветами ассоциируются разные кандидаты в депутаты! – вклинилась Булкина.

– Ну и с какими цветами ассоциируюсь я? – поинтересовался Дубравин.

– Вы – с синим! Это цвет надежности, – заметила она. – А вот Бойкова – с красным.

Тут в кабинете поднялся гвалт.

– У меня важный вопрос! – завопил Петков. – Вот письмо от администрации Семипольского района.

– В чем проблема? – спросил Чернозёмов.

– Они просят.

– Что просят?

– Зачитываю: «В ночь с шестого на седьмое ноября в районном Доме культуры произошла крупная кража. Утрачена часть звукопроизводящей аппаратуры. И весь банк музыкальных записей...»

– Короче, Склифосовский!

– Просят десять тысяч материальной помощи.

– Так бы сразу и сказал, – заметил Дубравин. – Дадим!

– Так, что еще?

– Нам надо утвердить список доверенных лиц кандидата.

– И смету надо утвердить! – заметил главный финансист штаба Петков. – Я не могу просто выдавать деньги на разные мероприятия. Вы же потом с меня спросите. Почему, мол, давал. Смета – это очень важное дело.

– Стойте! Я зачитаю вам письмо от Союза писателей России, они тоже поддерживают Александра Алексеевича. Вот оно, – влезла Сорокаумова.

...Решая все эти вопросы, штабисты просидели до глубокой ночи.

* * *

На следующий день Чернозёмов пришел к Дубравину с хитрой улыбкой на лице.

– Вот, Александр Алексеевич, я привел к вам известного знатока русского языка профессора Ершова.

Дубравин, естественно, удивился. Косноязычием вроде не страдает. А тут ему предлагают научиться говорить. Что ж, пусть будет так.

И старый профессор не замедлил явиться. Галстучек селедкой. Седой ежик волос. Палочка. Хроает. Но человек юркий, пронырливый и свою работу, судя по всему, знающий:

– Нам надо научиться трем вещам, – сказал он, поставив костылик в угол и присев на стул. – Первое – говорить короткие речи, занимающие не более одной минуты.

Второе – доступно и ясно излагать свою программу. Причем излагать ее надо ровно за двадцать минут. На большее время вы не рассчитывайте.

И третье важное дело. У вас будут встречи с народом, на которых придется отвечать на вопросы. Причем вопросы могут быть самые разные. В том числе и провокационные. Отвечать надо будет быстро. Поэтому, я думаю, мы проведем с вами несколько занятий по разной тематике...

Дубравин был весьма заинтересован и заинтригован. Он вспомнил своих университетских преподавателей русского языка. Оба были личностями. Фамилия одного была Нелисов, другого – Барчунов.

«Спасибо вам», – подумал он об этих абсолютно разных людях, попивших, честно говоря, немало его кровушки. Теперь их уроки пригодились. В таком вот неожиданном деле.

Глядя на задумавшегося Дубравина, профессор Ершов заметил:

– Вы не бойтесь, я учил говорить даже такого тупого парня, как Андрей Серов. Правда, повозиться с ним пришлось немало. Ох, как немало! – и старый профессор с редкой бороденкой тяжело вздохнул.

– Кроме того, я оставлю вам свою книгу. Вы ее на досуге почитайте, – он протянул Дубравину книгу под названием «Русское общественное поведение».

Александр пролистал ее. Она была посвящена общению русских людей.

– Ну, давайте попробуем! – начал Ершов. – Формулировать надо в короткой – именно в короткой, как выстрел, форме некоторые основные мысли из вашей программы. Кстати говоря, у многих так и остался синдром красных и белых. И многие продолжают делить на них сограждан. Вот вы за кого? За красных или за белых? Отвечайте!

– Я не за белых и не за красных. Я за русских! – отчеканил Дубравин.

– Отлично! – удивленно поднял седые брови профессор. – А кто такие русские?

– Русский – тот, кто считает себя русским! Воспитан в нашей культуре. Работает для России. И, желательно, православный.

– Ну, может быть. Хотя бывает, что русских начинают делить с другими народами по крови, – поморщился профессор.

– У нас столько всего намешано! – вступил в полемику Александр. – Сам черт ногу сломает, если начать разбираться. Поэтому я русских отличаю не по крови, а по духу...

– Это, наверное, правильно! – согласился Ершов. – Так, теперь вам надо четко представить, чем вы лучше других кандидатов.

– Ну, я грамотнее, образованнее...

– Нет, так не пойдет. Вы должны бить не в бровь, а в глаз. Вот, например, вас спрашивают о них. А вы должны им резко и четко дать характеристику. И такую, которая бы сразу прилипла. Давайте попробуем. Как, например, можно охарактеризовать Сушкова?

– Ну, не очень порядочный предприниматель. Его инвестиционная компания многим не платит. Деньги собрала, а отдачи нет...

– Нет, нет, нет! – энергично запротестовал преподаватель. – Длинно и не запоминается. Надо так: «Суш-ков – это Чувайс и его люди!» Такая ассоциация его сразу убьет.

– А та женщина с ее магазином?

– Торговка унитазами!

– Ну, вы даете! – восхитился Александр. – А коммунист?

– Просидел в Думе пятнадцать лет. Ничего для области не сделал, – поставил точку над «і» профессор. И добавил:

– Теперь попробуйте вы. Как бы вы охарактеризовали кандидата от партии власти? Бывшего главу правительства.

– Не знаю! – развел руками Дубравин.

– Ладно, вы его действительно не знаете. Но я вам бесплатно дарю его характеристику. При нем область перестала платить детские пособия. Долг – пятьсот шестьдесят миллионов рублей.

– А вот что делать с героем России, который вместе со мною идет?

– Контуженный человек. Одно дело стрелять. И совсем другое – законы формулировать! – отчеканил профессор. И добавил: – Ну, ладно, на сегодня хватит. Встретимся завтра. И попробуем тезисно изложить вашу программу. Вам надо себя позиционировать, как личность независимую, самодостаточную, самодеятельную. Что-то вроде человека, который сам себя создал. Сильного, надежного, уверенного в правоте своего дела.

На следующий день профессор предъявил ему огромный список возможных вопросов к кандидату. Судя по всему, он их готовил не один, а подключил к работе целую команду. Когда Дубравин на них глянул, у него прямо-таки засосало под ложечкой. Тут было все, что изощренный ум способен выдумать, дабы посадить в лужу человека:

«1. Как вы относитесь к Ельцину? 2. Считаете ли вы Россию демократическим государством? 3. Последнее время все бизнесмены стремятся стать депутатами. На самом деле они просто хотят проворачивать через органы власти свои бизнес-планы. Вы тоже собираетесь в Думу, чтобы добиться привилегий для своего бизнеса? 4. За кого вы голосовали на выборах президента? 5. Почему у нас зимой в домах всегда холодно? Часто нет света, воды. А платим за все исправно. Как решить проблему ЖКХ? 6. Считаете ли вы Россию цивилизованным государством? 7. Почему у нас так много аварий самолетов, вертолетов, подводных лодок? 8. Вы считаете, что богатые россияне должны вкладывать деньги в российскую промышленность. Почему же вы тогда ездите на иномарке, а не на отечественном автомобиле? 9. Вы были в больнице и делали богатые подарки врачам. Разве этим вы не способствуете коррупции? 10. Почему летом в городе всегда нет горячей воды? В других странах мира такого нет. 11. Как вы относитесь к Чувайсу? 12. Надо ли сегодня пересматривать результаты приватизации? 13. Можно ли искоренить в России пьянство? Как это сделать? 14. Сколько

вы зарабатываете? 15. Могут ли все в стране жить богато?»

И так до бесконечности.

Апофеозом деятельности Ершова стало неожиданное предложение:

– Вам надо сменить внешность. На более интеллигентную, что ли.

Действительно, Дубравин – русский богатырь, по мнению Ершова, и выглядит несколько грубовато. Он продолжил:

– Я думаю, вам обязательно надо носить на выступлениях перед народом очки. И отпустить бородку.

И он тут же с ловкостью фокусника продемонстрировал портреты Александра с разными подрисованными типами бород.

Дубравин глянул на себя. И не узнал. На него смотрело широкое лицо такого среднерусского интеллигента в изгнании.

«Господи! – подумал он. – Так ради выборов они превратят меня черт знает во что! А ведь я – это я. Зачем себя уродовать? Рядиться клоуном. И только для того, чтобы понравиться электорату?!»

Поэтому он с ходу отверг это предложение профессора. И решил обойтись без бороды. А вот идею с очками поприветствовал, посчитав, что они придадут его грубому мужскому, начавшему уже округляться лицу некую долю интеллигентности и шарма.

...Очки подбирали долго. Его консультанты сразу отвергли оправы хороших зарубежных марок с тоненькой позолоченной дужкой. Посчитали, что наше бедноватое население они будут только раздражать. Выбрали в простой роговой коричневой оправе. Такие, как носят рядовые учителя, бухгалтеры, менеджеры...

XVII

На Западе есть две вещи, которых человек не может избежать. Смерти. И уплаты налогов. Это знают все. И он, Андрей Франк. И налоговый инспектор, придирчивый герр Хайнц.

Круглый, пузатенький немец с морщинистым, как печеное яблоко, личиком старался. Изучал доставленный в налоговую ноутбук Андрея.

Непыльная работенка у герра. И считать он умеет, так как знает все расценки.

Вот он проверил количество переведенных текстов. И выписал Франку счет.

Андрей сидел напротив инспектора. Ждал. Наконец процедура закончилась. Можно забирать свой компьютер.

Герр Хайнц одобрительно похлопал его по плечу. И проводил напутственным:

– Гут! Зер гут!

«Что бы он сказал, – подумал Андрей, – если бы узнал, что прежде чем везти в налоговую свой комп, я вытащил из него жесткий диск и поставил дубликат, в котором объем переведенного в два раза меньше? Но чтобы это сообразить, у него ума не хватит. Для этого надо всю жизнь прожить в Союзе».

Франк положил ноутбук на сиденье своего новенького зеленого «фольксвагена». И отбыл восвояси. Он уже вполне приспособился жить на немецкой земле. Мало того, даже начал активничать. Искать новые сферы применения своих талантов. Сейчас устроился судебным переводчиком с «великого и могучего» русского на не менее великий и могучий немецкий язык.

Он долго не мог привыкнуть к тому, что с каждого заработанного тобой пфеннига или марки надо половину отдать государству. Но выход нашелся.

Хотя с налогами здесь строго. Могут и посадить. Но где наша не пропадала? Тем более, что переводы – не единственное, чем он занимается. И занимался. Пробовал все. Пытался даже торговать нефтью.

Вспомнив этот опыт, Андрей рассмеялся. Сейчас ему смешно. А тогда? Дело было так. Прослышал он, что в бывшем Союзе полно желающих продавать на Запад «черное золото». И решил. Чем черт не шутит?

Стал искать связи. Нашел. Списался с некими товарищами из Украины, которые позиционировали себя как крутых и деловых. Договорились встретиться. И в один прекрасный день пан Гусяк и пан Микита нарисовались на тихой улочке чудесного баварского городка Меммингена, чтобы совершить сделку. Поставить несколько десятков тысяч тонн мазута. Хлопцы оказались очень даже не простые, «распальцованные». Стали они обещать Андрею «молочные реки и кисельные берега». И, как говорили в родном Жемчужном, делать «аля-улю и гнать гусей». Поселил он будущих компаньонов в самой лучшей городской гостинице. А вечером закатил шикарный, по его немецким понятиям, ужин. И на банкете было сказано немало самых разных слов о том, «как хороши, как свежи были розы».

Новоиспеченный коммерсант воспрял тогда духом: «Ну, теперь дело в шляпе! Завтра подпишем договор. В конце месяца будет поставка. Осталось найти, куда эту нефть перепродать. И по какой цене!»

Всю ночь он не спал, подсчитывая будущие барыши.

Но рано утром его поднял с кровати звонок из гостиницы.

Взволнованный портье сообщил, что «русские гости», которых он вчера поселил, всю ночь пили у себя в номере. При этом орали песни и били посуду. А на заре собрали вещички и хотели сбежать из отеля, не заплатив никаких денег за веселую жизнь.

Андрей немедленно собрался. Приехал. И застал весьма безобразную картину скандала в самом разгаре. По ходу дела он окончательно убедился, что прибыли к нему не серьезные партнеры, а хитрые халявщики, пожелавшие «оттопыриться» бесплатно.

В общем и целом конфликт он уладил, понеся, конечно, как моральные, так и материальные убытки.

Потом у него родилась идея создания собственной языковой школы.

В Германию, как на землю обетованную, ломанулись сотни тысяч переселенцев со всего Восточного блока. Все «немые и безъязыкие». Помочь им обрести новую родину было святым делом.

На торжественное открытие школы прибыли даже «отцы» их маленького городка. Сидели за столом такие важные и пузатые. Пили, ели хорошо. И хвалили его, «русского немца».

Со школой у него тоже было немало мороки. Молодые оболтусы ну никак не хотели становиться новыми законопослушными немцами. Так и норовили где-нибудь подрасться. Или набедокурить. Например, украсть в магазине.

Но школа работала. И приносила прибыль. Пока не схлынул и этот людской поток.

А сейчас он в основном занимался переводами. Работал штатным «толмачом» в городском суде. И вольным преподавателем в гимназии. Фокус с двумя винчестерами в компьютере пока удавался на все сто. И налогов он платил в три раза меньше, чем раньше, когда еще трепетал и уважал немецкий закон.

В общем, все складывалось по Грибоедову: «Где ж лучше? – Где нас нет». Поэтому он, как и многие, начал ностальгировать. Вспоминать Казахстан, как лучшее место на земле.

Такова уж наша человеческая природа. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем!»

Франк аккуратно припарковал свой «фольксваген» на стоянке у городского суда. Положил компьютер в сумку. И отправился в строгое краснокирпичное здание. Сегодня у него процесс. Предстояло попотеть в синхронном переводе, чтобы донести до немецких судей все тонкости переживаний загадочных «русско-немецких» душ.

XVIII

На сцену маленького захудалого сельского клуба поднялся глава поселения Николай Болгов. Он одет в теплую куртку и войлочные ботинки. Только лысина голая. В помещении, где стоят рядами несколько десятков старых, потертых рыжих кресел, давно не топят. И народ, собравшийся «на встречу с депутатом», тоже хорошо утеплен. Сидят бабушки, дедушки, молодухи и прочие селяне в пальто и полушубках, валенках и сапогах.

Поздняя осень. Урожай убран. Заготовки сделаны. Так почему же не пойти в клуб, не послушать заезжих агитаторов? Тем более, что потом обещали концерт.

– Дорогие товарищи! – начал свою речь хороший мужик Николай Болгов. – Скоро выборы в Государственную думу. И мы должны выбрать туда самых достойных. Тех, кто сможет представлять наши интересы. Сегодня к нам приехал главный редактор нашего самого популярного издания – газеты «Наше» – товарищ Дубравин!

При этих словах Дубравин приподнялся из своего кресла в первом ряду и показался народу. Попутно оглядел зал. Простые русские лица. Сельские труженики. Такие же, как его родители, брат, оставшиеся в Жемчужном одноклассники. Как и он сам.

– ...Родился он в Казахстане, закончил университет в Алма-Ате. Потом работал в газетах, журналах... Теперь переехал жить в наш регион...

Дубравин как-то отстраненно, как будто говорили не о нем, слушал свою биографию в пересказе главы и постепенно «разгорался», набирал обороты. Как ни странно, ему нравилось выступать перед людьми. И он чувствовал то самое волнение перед выходом на сцену, которое ощущают и артисты. То, что называется теперь современным словом «драйв». А раньше было вдохновением, полетом, порывом...

Наконец объявили и его.

Александр энергично – «соколом» – взлетел на сцену.

И начал говорить. Речь его давно готова. Опробована. И отрепетирована. Он только по ходу дела адаптировал ее к аудитории. Одновременно он искал взглядом в зале подходящего человека. Человека, который активно реагировал на его слова. Нашел. Это пожилая круглолицая женщина в меховой шапке – по виду учительница. Теперь его задача – убедить ее. Заставить поверить. Поверит один – поверят все.

– Что нужно молодой семье для того, чтобы в соответствии

с божественной волей «плодиться и размножаться?» – спросил он зал. Посмотрел на реакцию. И бросил:

– Жилье! Крыша над головой! В первую очередь свой угол. Но кто сегодня может вам его гарантировать? Никто! Его можно только купить. Но как купить? Как накопить при нынешних ценах и зарплатах? Не знаете? А я знаю! Есть такое слово – «ипотека». Это когда можно взять кредит в банке и купить квартиру сегодня, а деньги отдавать десять – двадцать лет. Потом! На Западе так делают много лет.

И, судя по тому, как заинтересованно люди начали смотреть на него, а потом и одобрительно кивать в такт его словам, Дубравин понял, что попал в точку. Туда, где лежат их чаяния и нужды.

Он продолжал все смелее и увереннее говорить о наболевшем. И его понимали. Потому, что все пять пунктов его программы направлены на одно. На выживание этого близкого ему, родного по крови и духу простого народа.

Проводили его бурными аплодисментами.

Он вернулся на свое место. А на сцене уже появился приглашенный ансамбль казачьей песни. Женщины в цветастых кофтах, длинных юбках, лентах, монистах.

Мужчины – в фуражках, зеленых гимнастерках, шароварах с алыми лампасами, сапогах. С баянами, бубнами, балалайками в руках. Всего шесть человек. А зажгли на славу. И, судя по тому, как оживился, задвигался народ в зале, тоже задели за живое.

Встретила хозяйка молодая,
Как встречает родного жена.
В горницу любезно приглашала,
Ласково смотрела на меня.
В горницу любезно приглашала,
Наливала терпкого вина...

...Так и не доехал я до дому,
Затерялся где-то вдалеке.
Что же делать парню молодому,
Коль пришлась девчонка по душе?
Что же делать парню молодому,
Коль пришлась девчонка по душе?

Пора уезжать. Он свое дело сделал. Но отъезд – это тоже ритуал. На выходе его обычно встречали несколько человек. С «челобитными»

и жалобами. Так как в России достучаться до властей в обычное время почти невозможно, люди пытаются прорваться именно в дни выборной кампании. Рассуждают так: «Теперь-то мы им нужны. Голоса наши. Пусть помогают».

Вот и сейчас люди подходили, благодарили и, конечно, изливали свои проблемы, беды и несчастья. Он ручкался, согласно кивал, выслушивал, кого-то сразу отправлял к помощникам, что крутились здесь же.

Но вера наших людей в заезжего барина так велика и несокрушима, что иногда попадались и клинические случаи.

Вот какая-то тетка в вязаной кофте и с высоченной прической прорвалась к нему.

– Я вот о чем вас хотела попросить, – проговорив льстивое предисловие о том, какой он хороший, с ходу взяла быка за рога просительница. – Моя дочка, Светочка, взяла в банке кредит на сорок тысяч рублей. Дитя неразумное. А теперь надо его отдавать. Может, вы нам поможете?

– В чем? – недоуменно спросил Дубравин. – Я не банкир, повлиять на ситуацию не могу...

– Ну, отдать кредит!

– Как? – продолжал удивляться он.

Она посмотрела на него, как на слегка ненормального.

– Дайте нам денег. А мы его заплатим!

Дубравин опешил. Главное правило, которому его обучали специалисты-консультанты – никогда не говорить «нет» и всегда все всем обещать. Но здесь он его нарушил.

– Знаете, я не имею такой возможности! – заявил он.

Уже через минуту его старая «Волга» снова отправилась в плавание по проселочным дорогам. Поскрипывая на ходу металлическими косточками, этот рыдван, специально реанимированный умельцами для выборов, успешно преодолевал ямы и гигантские лужи.

По дороге к следующей точке Дубравин изучал график встреч в этом районе.

Сегодня у него их пять.

«Так! – начал он. – Детский сад № 162, руководитель – Валентина Александровна. Примечание в скобках: “Знает вас по статьям, лояльна”. Средняя школа в Урловке. В скобках: “Село в 1078 дворов”. Медицинский пункт...»

Едва они повернули в сторону крупного населенного пункта, в котором, согласно графику, значилось 623 двора, как у него в кармане раздалась трель сотового. Из него послышался испуганный голос Марины

Сорокаумовой:

– Ксан Ксеич! Тут такое дело! Ну, прямо никудышное дело. Все пропало.

– Какое дело? Ты меня, Марина, не пугай! У меня сейчас тяжелое время...

– Какой тут пугать! Губернатор Кулик вчера на встрече со школой милиции объявил, что «независимым кандидатом» от партии власти теперь пойдет господин Сосук.

– Как Сосук? Он же обещал поддержку нам!

– Да, вот так!

– Он же офицер! И свое слово не держит! И этот Со-сук, он же из бывших. Не из его команды, а из врагов...

Дубравин в свое время не раз общался с советскими функционерами. Те если говорили и обещали, то выполняли. «Видно, измельчал совсем народ!»

– Да, не держит. Но туда огромные деньжищи вложены! За спиной Сосука стоит наш самый главный олигарх. Миллиардер.

– Тот, с которым мы тогда встречались? Обедали?

– Ну да.

– Так он, значит, все-таки решил двигать своего человека?

– Да, видно, так. Теперь у нас будет море проблем. Против нас бросят весь административный ресурс.

Дубравин вспомнил профессора Ершова, который говорил ему, чем прославился этот бывший. Вспомнил и самого соперника. Маленького кругленького человечка с розовым пухлым личиком. Подумал: «Да, этот всем удобен. И на все готов. “Чего-с изволите?” Трудно нам придется!»

* * *

Он и не представлял, насколько трудно. Уже на следующий день в селе, куда Дубравин приехал со своею командою, его ждал большой и неприятный облом. Местный дом культуры встретил его ржавым замком на двери. Сам глава этого поселения, еще вчера обещавший всемерную поддержку, спрятался с глаз долой. Телефон его не отвечал.

Они поехали дальше. Ведь несмотря на поступившие свыше указания не допускать его до общения с народом, закрыть школы, детские сады, поликлиники, предприятия, нашлись люди, посмеявшие его поддержать.

Тот же Николай Болгов, когда его спрашивали, почему он не отступился от этого чужака, приезжего, отвечал: «Этот парень – не то, что наши вахлаки, которые два слова связать не могут. Он знает,

что говорит. И говорит по делу!»

Но, как известно, сила соломѹ ломит.

Они не сдавались. Теперь приходилось выходить прямо на улицу. Агитировать во дворах.

Вообще, выборная кампания, так же как и войсковая операция, имеет свои правила. На войне позиции противника сначала утюжит авиация, потом артиллерия. И лишь после этого на них идут танки и пехота. На выборах первым должно отработать телевидение, затем газеты и наглядная агитация. И только потом выдвигаются вперед агитаторы, идет на встречи сам кандидат. Те же, кто не имеет поддержки властей, не могут рассчитывать на помощь со стороны телевидения и газет, принадлежащих администрации.

И сейчас, образно говоря, они идут в атаку сразу. С голыми руками. Вот и Дубравину теперь надо «бросаться на амбразуру».

Дубравин и его команда подъехали во двор. Вышли из машины. Кандидат остановил какую-то женщину с коляской. И произнес:

– Я – Александр Дубравин, кандидат в депутаты. Хочу рассказать вам о своей программе.

Кто-то по-быстрому ушел. Кто-то отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Но главное – не бояться! Говорить. Сначала подошел один. Потом другой. И образовалась маленькая толпа. Как и всякая толпа, она подвержена сиюминутным настроениям. И обычно агрессивна.

Через пару минут ее недоверие сменилось всевозрастающим интересом, и она начала слушать этого чудака, рассказывающего такие удивительные и загадочные вещи:

– А теперь я расскажу вам, как реформу ЖКХ проводят умные люди. В частности, как над ними работали в Казахстане, при премьерѹ Кажегельдинѹ. Там были такие же проблемы, что и у нас. Они начали с того, что решили – реформы должны быть выгодны людям. И установили счетчики на воду, на отопление. И если по нормативам выходило, что надо платить за пятьдесят кубов воды, то по счетчику оказывалось в три раза меньше...

Сегодня все, кажется, шло нормально. Люди слушали.

Пока в толпу не влезла тощая, с явными признаками потасканности и пьянства на лице истеричка. Дубравин знает, что есть и такие типажи, которым неважно, что ты говоришь и кто ты. Им нужно выплеснуть агрессию. Покричать. Самоутвердиться. Подтверждая его опасения, косматая фигура вылетела вперед и начала орать:

– Вот он, гад, депутат-кровопийца! Пришел, когда ему понадобились наши голоса! Чтобы, значит, голосовали за него. А у нас уже много лет течет крыша! Куда я только не обращалась... И к нему тоже...

Главное сейчас – не дать перебить себя. И он, не останавливаясь ни на секунду, продолжал гнуть свое:

– Реформы проводить надо. Но проводить с умом. То же касается и крыш. Они текут потому, что когда-то, еще во времена коммунистов и Никиты Хрущева, в целях экономии денежных средств вместо нормальных покатых крыш стали делать плоские. И заливать их битумом. Вот теперь половина вашего поселка и страдает от этого. Надо не только чинить крыши, но и принять закон о том, чтобы строить нормальные дома...

Он никак не мог закончить свою речь, рассказать до конца программу, потому что безумная тетка с перекошенным ртом продолжала орать что-то свое, не давая народу сосредоточиться на его словах.

В этот момент сбоку из толпы вышел такой представительный, крепенький, импозантный старичок, судя по выправке – военный пенсионер.

Дубравин подумал: «Ну, все, кранты. Вдвоем они уже точно сорвут мне выступление, не дадут договорить. Придется уходить несолоно хлебавши».

Но старичок-боровичок нахмурил брови, а потом командирским голосом цыкнул на фурию:

– А ну молчать! Что вы вызверились на парня?! Он еще даже никакой не депутат, а только кандидат. И за просчеты нынешней власти не отвечает... К тому же дело говорит. Его надо послушать! А вы тут устроили базар!

Женщина осеклась. И тихо-тихо, что-то бормоча себе под нос, растворилась в толпе.

Дубравин внимательно посмотрел на впереди стоящих и наконец увидел знакомые лица молодых людей. Сегодня их было трое – два парня и девушка. Они якобы внимательно слушали его речь. Но он знал, что это подоспела его охрана. Ребята из секции карате. Так что если снова появятся желающие сорвать его встречу, то они вмешаются. Успокоят.

А по окончании встречи, когда народ начнет напирать, выкладывать свои проблемы и жалобы, помогут ему растащить толпу. Примут на себя, замкнут весь негатив.

Он знал, что позади него есть резерв на непредвиденный случай. Личный телохранитель.

В общем, если работать командой, то можно справиться и с этой

митинговой, уличной стихией.

* * *

И так несколько раз в день. К вечеру, когда психологическая нагрузка на грани нервного срыва спадает и «гастроли» заканчиваются, он, чтобы сбить напряжение, выпивал бутылку красного вина и заедал стресс целой вареной курицей.

Чем дальше продвигалась кампания, тем яснее становилось, что административная машина не даст им победить. Но он не останавливался. Понимал, что биться всегда надо до конца. Каким бы он ни был.

В какой-то момент власть не выдержала. Сорвалась. Чтобы запугать его агитаторов, менты схватили двоих. Вывезли их ночью в зимний лес. Отобрали шапки, рукавицы, теплые вещи. И оставили там. На морозе.

В ответ Дубравин написал и опубликовал в газетах заметку под сакраментальным названием: «Звериный оскал власти!»

Часть III

Сельский пигмалион

I

Сначала была мечта. О богине. Потом Пигмалион взялся за дело.

Из ослепительно белого мрамора и слоновой кости создал он прекрасную скульптуру. И назвал ее Галатеей.

Создал. Украсил. Одед в шелка. Поставил у себя в спальне.

Прямо как живая стала она.

Исходил страстью Пигмалион. Целовал ее. Обнимал. Сходил с ума. Но холодный камень оставался мертвым.

И тогда в день праздника Афродиты – богини любви и красоты – взмолился ей скульптор. И стал просить вдохнуть в статую жизнь.

Долго молился он. Пока богиня не ответила ему.

– Чего ты хочешь, Пигмалион? – спросила она скульптора.

– Чтобы она ожила.

– Я могу мрамор превратить в плоть, – произнесла богиня. – Но оживить ее должен ты.

– Как?

– Подумай! – сказала Афродита. Хлопнула в ладони. И Галатеея стала прекрасной женщиной. Но не живой.

Залился слезами скульптор. Обнял ее. И прошептал: «Я люблю тебя, Галатеея! И готов умереть вместе с тобой!»

В ту же секунду Галатеея вздохнула. И открыла глаза.

Ибо сердце ее залила любовь.

Только она может оживить женщину. Только с нею она живет.

С тех пор люди знают, что жизнь и любовь – одно целое.

II

Жизнь монаха тяжела. Но он не монах. Он послушник.

Однако труд и молитва обязательны для всех, кто укрылся за стенами этой древней обители.

Пять утра. Понедельник. В коридоре раздается звон колокольчика. Это брат, назначенный на побудку, – такое у него послушание. Под громкий звон он сонно бормочет:

– Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

Казаков с трудом открыл глаза. И медленно слез с кровати. Умотался вчера на тяжелой работе. Ему вместе с одним трудником выпало чистить канализационные колодцы. Нелегкая, грязная работа. Вот сегодня и ломит все тело. Гудят от неподъемной лопаты руки. Но на душе у него все равно хорошо. Точнее, лучше, чем было тогда, когда он с вечера принимал «на грудь». А утром с трудом разлеплял глаза. Сейчас голова ясная. А это уже великое дело.

Встал. И сразу в умывальню. Оттуда вышел веселый, счастливый, с иронией посматривая на заспанные, недовольные физиономии трудников и послушников, которые тащились ему навстречу.

* * *

В Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь он приехал две недели назад. Рано утром. Когда деревянные ворота еще были закрыты наглухо. И сидевший в сторожке привратник дремал у себя на скамейке.

Казаков покрутился на площади перед входом, перекрестился на образ Божией Матери, размещенный над воротами святой обители. И решил, пока все спят, исследовать окрестности.

«А стены-то здесь – ого-го! – думал он, обходя монастырь. И выбрался к тыльной стороне теперь мирной обители. – Видно, не раз тут воевали. Но построен он в каком-то странном месте. Как будто в овраге. Стены наверху, а сами церкви и другие здания в низине. Отчего так? И снаружи невозможно даже разглядеть, что там творится внутри. Только огненно-рыжие верхушки деревьев и видны».

Он вернулся к главным воротам. И обнаружил там синий туристический автобус. Из него на площадку горохом высыпали туристы. Разномастный, полусонный народ оглядывал окрестности. Женщины прихорашивались, надевали платки. Мужики торопливо закуривали.

Командовала парадом крашенная в рыжий статная дама, которую Казаков сразу определил как главную и про себя назвал «Осенью».

Экскурсия, судя по всему, собиралась штурмовать монастырь. И Казаков решил для себя: «Что я теряю? Зайду вместе с ними. Послушаю. А уж потом отправлюсь по назначению!»

Он быстро подошел к «Осени». Участливо поинтересовался о дороге. Сделал комплимент ее таланту рассказчика. Короче, как учили его когда-то в спецшколе, живо втерся в доверие.

И вот привратник наконец распахнул тяжелые ворота. Они дружною толпою устремились под полукруглый свод, который то ли охраняла, то ли благословляла Божья Матерь с младенцем Христом на руках.

Экскурсия началась. И «Осень» – Валентина Павловна – начала свое повествование:

– Псково-Печерская лавра была не только монастырем в обычном понимании этого слова. Она еще была и неприступной крепостью. Более двухсот раз под ее стенами и в окрестностях происходили битвы и сражения. Но она ни разу не пала.

Экскурсовод цокала каблучками по вымощенной булыжниками бугристой дорожке и, подняв над головой закрытый зонтик для ориентировки экскурсии, продолжала пряхсть полотно своего рассказа. А он был и вправду интересен:

– За всю свою историю – а она насчитывает более пятисот лет – эта обитель никогда не закрывалась. И даже в годы советской власти продолжала действовать и принимать братию. Эти стены повидали многое. И сохранили массу удивительных легенд.

Первые насельники монастыря появились здесь в 1392 году. Поселились они в здешних пещерах. А уж потом на этом месте в 1472 году был построен первый храм...

Перед Казаковым открывались все новые и новые чудеса. Раньше ему почему-то казалось, что монастырь – это такое угрюмое место. Но здесь все было не так. В обители, несмотря на осень, еще не закрыли цветники и клумбы. И розы, гиацинты, фиалки разноцветными коврами окружали их.

– Как видите, – витийствовала экскурсовод, – на фоне унылых советских серых зданий и дворов Псково-Печерская лавра выглядела как рай на земле. И это, как и само существование монастыря, вызывало у власти страстное желание его прикрыть. Но не удалось. Да-с!

Они шли дальше. Вниз и к центру. Туда, где виднелись разномастные, радостные, словно игрушечные, храмы, домики, колокольни.

– А вот это – «кровавая дорога». На этом месте царь Иван Грозный в припадке гнева зарубил настоятеля монастыря преподобного Корнилия. Отрубил ему голову, – уточнила Валентина Павловна, – а потом в горе и раскаянии взял тело и понес вниз. А кровь праведника стекала по плитам и камням.

– А вот беседка, где курил Петр I. На территории монастыря курить – грех. Но как откажешь царю?! Тем более такому. Решили построить ему наверху беседку, где он мог уединиться и не смущать братию.

Народ зашептал: «Карета! Карета!»

– На память о посещении монастыря здесь осталась карета императрицы Анны Иоанновны.

– Ну а нынешние вершители судеб жалуют монастырь? – спросил Казаков.

– Конечно! И Ельцин был. И сам Владимир Владимирович в двухтысячном году удостоил обитель своим посещением. Так что сильные мира сего монастырскую жизнь не забывают.

– Вот оно как!

– А где монахи живут? В пещерах? – спросила «Осень» одна наивная, свежая девушка в беленьком платочке.

– Ну что вы! – улыбнулась в ответ экскурсовод. – Это первый подвижник, некий Марк так жил. В этой самим Богом созданной пещере. Ведь в переводе с греческого «монашествовать» значит «единствовать». То есть быть единственным, одиноким. Удалиться от мира. Уйти в пустыню. Сейчас здесь большая община. Живут в кельях, в общежитии. Вполне современно.

Казаков слушал и думал. О многом: «Вот это место, где можно отдохнуть, подумать. А главное, какая прочность! Какая силища! Две тысячи лет существует Церковь. Этому монастырю более пятисот. Люди жили и умирали. Да что люди! Так, песчинки. Жили и умирали государства, империи. Рим. Византия. Киевская Русь. Золотая Орда. А Церковь стояла.

Действительно, она и есть нечто устойчивое в нашей быстротекущей жизни. Ведь какой мощью обладала советская власть. Какой силищи был режим, а не смог до конца извести Церковь. Всё повыкосил. Всех этих чернецов и монахов разогнал. А корни уничтожить не смог. И вот, пожалуйста, после всех гонений, проклятий, наездов, клятв стоит. А ведь сам Никита Сергеевич Хрущев говорил, что он покажет всей стране “последнего попа”. И что же? Где он теперь? Люди же снова потянулись в храмы. Их все больше и больше. Значит, Церковь живет. И будет жить

всегда!

Но что же движет людьми, которые сюда приходят? Чего они ищут? А чего ищу я, бывший майор спецназа Казаков? Душевного успокоения? Чтобы не грызло меня, не рвало душу то чувство вины за содеянное. Хочется спокойно смотреть людям в глаза. И вообще жить дальше. Как все? Да хоть бы и как все. Просто жить».

За этим он пришел сюда!

И чем больше он ходил по монастырю, тем больше ему тут нравилось. И мысли были положительные:

«Вот где надо служить. А не этим нуворишам. Не этим самодельным государствам с их жалкими правителями».

Через минуту экскурсия продолжилась под огромным куполом, изображавшим прозрачное голубое небо. И на этом небе художник изобразил множество летающих существ. Небесное воинство, состоящее из ангелов, архангелов, херувимов.

Посередине сидел, судя по всему, сам Господь Бог. А рядом с ним в красной мантии – Иисус Христос.

Анатолий так задрал голову к этому небесному престолу, что на ходу чуть было не наткнулся на молодого монашка, который, стоя на коленях перед иконостасом, совершал истовые земные поклоны.

Один из туристов, сухой такой, с козлиной бороденкой и поганым носом, как у коршуна (Бог шельму метит), впечатленный видом то ли мальчика-монаха, то ли послушника, одетого в потертую, поношенную рясу, не преминул с подковыркой спросить экскурсовода:

– А зачем люди вообще в монахи уходят? Вот парень молодой. Зачем он здесь?

Анатолий знал, что в монастыре не принято даже со своими делиться такими тонкими вещами. Но «Осень», видимо, понимая всю важность гостей, постаралась ответить:

– Когда-то великий святой нашей православной церкви Серафим Саровский определил, для чего люди приходят в монастырь. Кто для духовного роста и совершенствования. В поисках святого жития. Кто по обету, данному в тяжелую минуту. Ну, например, во время войны. Дает клятву, что если останется в живых, уйдет в монастырь. И уходит. Кто на покаяние. Совершил грех. И кается...

Анатолий слушал. «Но есть и многие другие причины. В последнее время тут много молодых и шустрых ребят. Эти, похоже, идут за возможностью сделать церковную карьеру. Может, и этот мальчик из таких? Впрочем, что это я? Прости, Господи! Не судите, да не судимым

будете!»

Перед тем как начать путешествие в «Богом созданные» пещеры, «Осень», как своему, шепнула Анатолию:

– Вы идите последним. Приглядывайте, чтобы не отставали и не разбредались. Особенно за женщинами. Бывает, что им там дурно становится. Ну, вперед! С Божьей помощью все обойдется.

Первым шел проводник – монах в длинной поношенной рясе до пят. В подобной, наверное, ходил сам Спаситель во время своей земной жизни в жаркой земле Палестине.

Следом за монахом двигались гости – мужчины и женщины двадцать первого века. Со всеми своими проблемами, страстями и страхами.

А замыкающим брел по пещерам Анатолий.

Они переходили из одной сводчатой пещеры в другую. От одного ящика с мощами к следующему. И постепенно начинали понимать всю быстротечность и эфемерность земной жизни.

Всех потрясла высоченная зала-пещера, снизу доверху заставленная сложенными, как поленница дров, гробами. На самом верху, почти под потолком, – свежие. А у каменного пола – ветхие-ветхие. Трухлявые. Задняя сторона у нескольких отвалилась, и из них торчали подошвы ног и пятки покойников.

Тут хоронили рядовую братию. Сколько накопилось ее за пять сотен лет! Лежат, ждут того момента, когда ангел вострубит. Чтобы воскреснуть и воспрянуть в том же облике, в каком жили.

А воздух чист и прохладен. Нет запаха тления. И козлородый тут как тут со своими вопросами:

– А почему они не разлагаются? И не пахнут?

Проводник-монах сухо ответил:

– Это чудо!

Наконец вышли на свет божий. Порадовались.

Анатолий оторвался от экскурсии и пошел к монастырскому братскому корпусу. По дороге его путь пересекся с тропой маленького, тощенького старика, одетого в ветхую, не раз штопанную-перештопанную рясу. Бородатый, как все здешние обитатели, с остреньким носом и в круглых очках, он был очень похож на филина. И, шаркая ногами, тащил закинутый на плечо округлый залатанный мешок.

– Отец! – обратился тогда к нему бывший майор. – Где я могу увидеть владыку настоятеля?

Монах в испуге отшатнулся от него. Прижал мешок к груди. И хотел, видно, задать стрекача. Испугался незнакомого здоровенного детины, ни с

того ни с сего спросившего не абы кого, а самого отца-настоятеля (Анатолий тогда не знал, что ему встретился казначей монастыря, в мешке которого лежали собранные деньги).

– А зачем он тебе? – оправившись от испуга, хитро прищурившись и слегка склонив голову в сторону, как это делают птицы, ответил вопросом на вопрос отец Нафанаил. И вредным, язвительным тоном добавил:

– Он у нас наместник, а не настоятель. Настоятель – сам митрополит! Так-то! Понял? Деревня...

– Письмо привез ему от давнего товарища. Из Алма-Аты.

– А, по делу, значит! – словно раздумывая о чем-то своем, заметил «Филин». – Вот его келья! На втором этаже! – и махнул широким рукавом рясы в сторону красивого здания.

А затем, закинув мешок на плечо, засеменил дальше.

Анатолий двинулся в указанном направлении. К двухэтажному дому, где на балконе с металлической замысловатой оградой стоял не просто высокий, а прямо-таки высоченный монах с острой бородкой клинышком и мушкетерскими усами на породистом, длинном лице. Одетый ну в очень красивую, щегольскую рясу с серебряным крестом на груди.

«Прямо Арамис!» – восхищенно подумал Казаков, направляясь к дому наместника мимо разноцветных, разностильных зданий, построенных за пятисотлетнюю историю обители.

– Ну что у тебя? – суровенько так спросил его «Мушкетер», принимая помятый конверт, который Анатолий бережно достал из-под куртки.

– Письмо!

Монах быстро надорвал конверт. Вскрыл. Достал белый листок. И неожиданно радостно, по-детски улыбнулся:

– Боже мой! Сколько лет, сколько зим! Оба мы были тут молодыми послушниками когда-то, – усмехнулся он. – А теперь по воле Божией он там. А я здесь!

Внимательно прочитал написанное. Перевел взгляд на Анатолия. И почему-то сказал:

– Ну-ну!

Потом еще раз посмотрел в письмо. И спросил:

– Хотите остаться при монастыре?

– Да! – выдохнул бывший майор.

– Идите в гостиницу для трудников. Скажите, что я велел поселить вас. Во-он то здание! – и указал на соседний корпус.

«Нет, не мушкетер! Гусар! – думал Анатолий, шагая по чистой, подметенной дорожке к братскому корпусу. – Даже не спросил ничего!» Ему было слегка обидно, что все получилось так просто. Он считал, что его хорошенько расспросят обо всем. Посочувствуют. Посопереживают. А тут как-то без души отнеслись.

Конечно, он еще не знал, что в монастырь приходят сотни людей. И не с такими бедами и проблемами, как у него. Сотни приходят. И уходят. Остаются единицы.

В коридоре у дежурной тумбочки сидел ясноглазый добрый молодец. И писал что-то в блокноте.

– Отец-наместник послал меня к вам. Поселиться в гостиницу для трудников, – ответил Казаков на его немой вопрос.

– Иди за мной! – отвечивал тот. И повел его по коридору к дверям чистенькой комнаты. В ней аккуратно, рядом стояли заправленные металлические кровати и тумбочки. Висели полотенца.

«Все как в общежитии! Или казарме!» – подумал тогда Казаков, располагаясь со своими вещичками на кровати, которую указал ему вихрастый юноша. Ему определенно здесь нравилось. С одной стороны, все вроде бы необычно, с другой – очень похоже на привычную солдатскую жизнь: «Все четко, ясно, понятно, определенно. Каждый видит, что тут есть неизменный, определенный порядок».

Он сходил в душ. Одел чистое, привезенное с собою белье. Присел на кровати. «Много я путешествовал в своей жизни по свету. И вот совершаю еще одно путешествие в другой, совершенно другой мир», – подумал он тогда.

* * *

Закончив утренний туалет, послушник Анатолий торопливо двинулся в сторону храма. На братский молебен.

В монастыре строго. Как в школе. Отмечают тех, кто не ходит. И опаздывать тоже нельзя.

Сегодня молебен служил сам наместник монастыря – архимандрит Тихон. «Гусар», как определил его для себя в тот самый первый день Казаков.

В храме уже выстроились рядами монахи в камилавках, обтянутых спускавшимися на плечи мантиями. Впереди в полной форме сам архимандрит.

Анатолий уже примерил этот сан к армейской шкале. И понимал – это еще не генерал, как архиерей. Но уже полковник. И как полковник имеет право носить генеральскую папаху, так и архимандрит может получить и митру на голову, и скрижали на покрывающей плечи мантии.

Сегодня наместник вел братский молебен по преподобномученику Корнилию. Тому самому, которого в порыве гнева зарубил бешеный царь. Святые мощи убиенного покоятся в Богом зданных пещерах. Ну а братия поминает и славословит его в своих молитвах.

Но этот молебен тянулся не очень долго. Впереди еще длинный трудовой день. И надо спешить на завтрак.

Кстати говоря, в монастыре кормили очень даже неплохо. Не обижали ни трудников, ни послушников, ни добровольно пришедших поработать во славу Божию паломников.

Другое дело, что многие из братии едят только один раз в сутки. Обедают. Отчего? Сие каждый определяет сам. Но Анатолий подозревал, что от обильной трехразовой пищи у некоторых возникают греховные мысли. Вот и спасаются таким постом. Но он сам так не мог. Ему с утра надо напитаться энергией. Ведь жизнь в монастыре, условно говоря, разбита на три части. Восемь часов – сон. Восемь – труд. И восемь – молитва. Сил требуется много. Особенно сейчас, когда ему достаются ну очень трудные послушания.

«Пора на развод!» – привычно подумал он, вставая из-за стола.

В кабинете у наместника, где стоял вполне себе деловой стол со стульями, а на стене висели портреты патриарха, главы епархии, епископа, уже собрались должностные лица. Тут тебе и брат-казначей «Филин», и бригадир строителей, и заведующий фермой. Все в рясах. Решают вопросы.

Ну а они – трудники, послушники и прочие разные рядовые труженики – ждут указаний «сверху». А как иначе? Тут без этого – ни шагу.

Строгий отец Михаил начал делить послушания. Он, Анатолий Казаков, бывший спецназовец, бывший майор, стоял в первом ряду. У него черная как смоль, окладистая, жесткая борода с усами. На нем такая же черная поношенная ряса (наместник благословил на ношение). А поверх нее для тепла одета синтепоновая куртка.

И он чувствовал, что Михаил, который его почему-то недолюбливал, отправит на тяжелые работы.

– Анатолий! – взгляд черных глаз, смотревших из-под лохматых бровей, уперся в его лицо. – На склад! Продовольственный. На перегрузку муки!

Он облегченно вздохнул: «Хоть так! Все лучше, чем было вчера!»

Вообще, хозяйство у монастыря обширное и богатое. Чего тут только нет. И работников немало. За сотню. Монахи, послушники, трудники – все при деле. Анатолию уже пришлось во многих местах побывать.

Своя кузница. Мехдвор с тракторами и машинами. Богадельня для стариков. Свои сады. Котельная. Скважины. Мастерские. Пекарня. Коровник. Рыбные пруды. Пчельник. Сварочный цех. Конюшни. Огороды. Склады. Прачечная. Теплицы.

Одним словом, колхоз. Но колхоз самодостаточный, способный

не только себя прокормить, но и поддержать сырых и убогих, многочисленных паломников и юродивых, стекающихся к таким местам.

На послушании он понял еще одну простую истину. Она заключается в том, что монах – он «как дерево».

Это объяснил ему отец Михаил. Анатолий его как-то спросил. Чем тот руководствуется, когда направляет специалиста, который мог бы принести большую пользу в качестве водителя или тракториста, на неквалифицированную работу? Михаил посмотрел на него ясными, спокойными глазами и пояснил:

– Работа у нас – не просто работа. А работа над собою. Человек мнит себя в чем-то специалистом. И думает, как он в монастыре будет полезен по своей профессии. А отец-наместник раз – и обрезает его мысли. Как ветви у дерева. Думать надо не о полезности. А о душе.

Вот иной так и мается. Ругает за бестолковость меня. Наместника. Монастырский устав. А ведь главное для нас – чтобы человек выработал в себе смирение. Не строптивость характера, а смирение. Чтобы понял, что через послушание она вырабатывается. Покорность Божией воле...

Такие вот уроки приходится ему получать здесь. Смирение. Послушание. Нестяжание.

Вот и сейчас, таская и ворочая на складе огромные мешки с мукой, а потом загружая их в тележку, он размышлял обо всем, что видел: «Церковь – это еще и мощнейшее хозяйственное объединение. Ведь и сегодня в России более семисот монастырей. Это, считай, семьсот колхозов, где народ и сеет, и пашет, и строит. А ведь еще работают хозяйственные управления, обеспечивающие храмы и монастыри всем необходимым для богослужбной деятельности: свечами, церковной утварью, одеждой.

В подмосковном поселке Софрино огромный производственный комплекс.

Да еще при каждом храме имеется церковная лавка, где торгуют книжками, свечками, иконками.

Печатаются книги. Снимаются фильмы. Готовятся выставки. А образование? Семинарии готовят священников. Духовные академии – высшее духовенство. И это сейчас, после семидесяти лет гонений. А что уж говорить о дореволюционных временах? Тогда Церковь владела огромными земельными наделами. На нее работали сотни тысяч крестьян.

Кроме того, есть деньги спонсоров. И все таинства, такие как крещение, венчание, отпевание, оплачиваются.

Так что и с точки зрения хозяйственной жизни это крепко стоящая

на ногах, мощная финансовая организация».

И чем больше Анатолий Казаков, поднимая очередной мешок, размышлял над этим, тем больше ему хотелось остаться здесь. Стать своим. А что? Он еще не старый человек. Ему совсем не поздно начать все сначала.

Препятствовало этому только одно. Тот жгущий пламень в груди. То чувство вины за двойное убийство, которое гнездилось в его широкой груди. Оно не давало ему вздохнуть полной грудью. И погрузиться полностью в этот мир.

За этим он и пришел сюда. Душу врачевать. Душу вылечить. Неужто не получится?

III

Вольные, свободные отношения с Виленом Соловьевым закончились так же, как и начались. Внезапно. Как в анекдоте: «Приехал муж из командировки...»

Только в этом случае из творческой поездки вернулась она. Зашла домой. И застучала его самого с какой-то лахудрой.

Она, конечно, знала его полигамную философию. Знала и о семье. Кроме того, до нее периодически доходили слухи. Но слухи слухами. А вот когда в твоей квартире, правда, подаренной им, да на твоей кровати...

И куда только подевалась вся ее выдержка? Вся философия и мудрость, которой ее учили годами?

Видимо, есть в каждой женщине что-то такое глубинное, куда лучше не заглядывать. И не испытывать.

Как разъяренная пантера набросилась она на соперницу.

Досталось и ему.

С воплями и криками выбрасывала она их вещи на лестницу.

В общем, скандал получился знатный. На весь подъезд.

Они ушли. А она осталась.

Тут-то все и началось.

– Ну гад! Ну негодяй! Подонок! – металась она по комнате. – Ты всю душу вкладываешь в эти отношения. А он, мерзавец... Просто дрянь! В мое гнездышко приволок какую-то шалашовку, сучку крашеную!

Но жаловаться было некому. Подругам – гордость не позволяет. Не такой она человек.

И начала она, как это бывает у женщин сплошь и рядом, стресс заедать. Достала пачку пельменей. Огромную пачку. Сварила. Съела. Потом

в ход пошла курица. Колбаса. Сосиски. Бисквиты. Конфеты.

Она ела и ела. И уже не могла остановиться...

Видно, что-то сорвалось внутри ее бедной головушки.

Вечером ее, сидящую на кухне, обнаружила девчонка с работы. Людка, чувствуя неладное, позвонила туда.

Короче, это был настоящий кошмар. Желудок не мог переварить такое количество пищи. Ей становилось все хуже и хуже.

Пошло отравление организма.

Все поплыло перед глазами. Она стала впадать в коматозное состояние. Терять сознание.

Девчонка-ассистент вызвала «скорую».

Опытная фельдшерница после неудачной попытки очистить организм с помощью подручных средств погрузила ее в машину. И отвезла в больницу.

В приемном покое молодой доктор не удержался и заржал как жеребец, увидев ее гигантский живот.

От обиды все перевернулось, померкло в глазах.

Ее что-то спрашивали заходившие доктора. Она что-то отвечала, находясь в непроходящем шоковом состоянии.

Потом сделали укол. Положили на каталку. Последним, что она запомнила, проваливаясь в забытие, было удивленное лицо анестезиолога...

Встав на третий день после операции, она забрела в ванную. И увидела в зеркале безобразный шов, рассекавший ее беломраморное тело. Пришла в ужас. А потом началась паника. Ее главное, как ей казалось, жизненное оружие – красота – безнадежно и безвозвратно пропало.

«Кому я теперь такая нужна?!» – в бессильном холодном отчаянии думала она.

И решила: «Все, не буду больше жить!»

Когда две жившие с ней в одной палате подруги по несчастью ушли в столовую, Людка кое-как доковыляла к окну.

Палата была на пятом этаже. Внизу асфальт.

Открыла окно. Выглянула наружу. Вспомнила, как в юности прыгала с парашютом в аэроклубе.

Влезть на подоконник мешала острая боль в животе. Но она все-таки поставила стул. Взобралась на него.

И даже поставила левую ногу на подоконник.

Остановилась на секунду, собираясь с силами и стараясь больше ни о чем не думать... В это самое мгновение она представила, в каком виде

будет лежать. Там, внизу. И содрогнулась, осознав, как все будут разглядывать ее голое, изуродованное тело. Как повезут в морг. Как санитары... Нет, этого ей было не перенести.

Ноги сами подогнулись от ужаса.

Она присела на подоконник. А потом потихоньку переползла на стул.

* * *

Она лежала в больнице третью неделю. Слушала однообразные разговоры соседок по палате. Иногда, подвязав живот пуховым платком, ходила гулять. По длинным коридорам. А когда на улице была хорошая погода, сидела во дворе на лавочке.

К ней забегали разные люди. Вчера приперся Вилен. Принес передачу. Странно было видеть большого, толстого, абсолютно лысого мужика таким виноватым. Только ей он теперь по фигу. Все как отрезало.

Сегодня приходила Марья Степановна. Выбрала время. И пришла. Разговор с нею получился недолгим, но интересным. Без сочувствий и всякого разного рода охов и вздохов.

Людка, как водится, начала сетовать:

– За что мне это? Вроде бы я ни в чем таком перед ним, подлецом, не виновата. Старалась, чтобы все было хорошо...

– И что ж, девонька, – Бобриня положила крутобокие красные яблоки на тумбочку. В палате сразу запахло свежестью и садовым духом. – Что ж тут такого непонятного тебе? Видно, карма такая у тебя! Все время обижаться.

– Какая еще карма? Судьба, что ли?

– Нет! Судьба – это нечто внешнее, кем-то – непонятно кем – навязанное. А карма – это наше родное. То, что мы сами себе зарабатываем.

– Это как? – удивилась Людка.

– Мы же уже проходили так называемое «колесо сан-сары». Когда душа человека путешествует из тела в тело.

Людка вспомнила, как месяца два тому назад они обсуждали на занятии забавную картинку, которая изображала эволюцию человека. Но не от обезьяны к человеку, как у Дарвина. А самого человека. Сначала младенца, потом ребенка, подростка, юношу, взрослого. И его поэтапное старение. До дряхлого. И мертвого. Тогда они и узнали, что частица человека не умирает, а перемещается в следующий цикл. Перерождается. Частица эта – душа.

И вот этот бесконечный цикл, на котором стоит буддизм, и называется

«колесом сансары».

– Так вот, душа эта и несет в себе все, что накопила в предыдущих жизнях, – продолжала Бобринна. – Человек рождается с этим грузом в такой социальной группе, с таким окружением, в такой стране, в таком теле, какие заслужил в своих прошлых жизнях. То есть все в этом мире четко, ясно взаимосвязано. И результат этой взаимосвязанности наших поступков, мыслей, дел – всего того, что мы нарабатываем за свою жизнь – называется кармой.

Если отбросить индийские термины и применить наши сравнения, то можно сказать проще: «Как аукнется, так и откликнется».

Эту карму называют врожденной.

Но есть еще та, которую мы заработали в нынешней жизни. Всеми своими делами, мыслями, эмоциями.

То есть наша судьба находится внутри вас. Какие мы люди, такая и наша судьба, наша жизнь.

Задумавшаяся Людка сидела, вслушиваясь в слова «мастера рейки».

Она вспоминала свою простую и одновременно насыщенную событиями жизнь. И все то, что она считала давно устоявшимся и решенным, вдруг предстало перед нею в совсем другом свете.

– И что же, это я наработала себе все это? – тихо и как-то пришибленно спросила она своего учителя. – И вот это тоже? – она распахнула халат, чтобы еще раз взглянуть на кособокий багровый шов, изуродовавший ее все еще прекрасное тело.

– Ты лучше меня знаешь, девонька, что с тобой было. И где ты находишься сейчас. Мне ли об этом судить?

Бобринна ушла. А Людка начала ходить по палате и коридору. Ходить и думать. Вспоминать. Как странно – то знание, та философия, которые казались такими отстраненными и далекими, вдруг приблизились к ее нынешней, сегодняшней жизни. И не только приблизились, но и управляют ею. Вылились в сегодняшние проблемы и терзания.

«Господи, а ведь действительно, как я поступила, когда узнала о том, что Дубравин и Озерова хотят быть вместе? Я порадовалась за них? Я помогла им обрести друг друга? Нет! Я возненавидела и ее, и его. И сотворила то, что сотворила. Сделала все возможное, чтобы увести его. А когда это не удалось, просто разрушила их любовь. Развела их. Как я тогда радовалась и злорадствовала по этому поводу! Вот вам! Вот вам!

А с Виленом? Как я злилась, как раздражалась по каждому поводу, если он пытался как-то устроить нашу жизнь. Как бушевала, когда он повез меня в восточную поездку. В Египет.

А когда снимала передачи об этих несчастных девчонках? Об этих плечевых. Как я презирала и ненавидела их! Как издевалась над ними в своих репортажах!

Мало того, что они были в грязи, так я еще топтала их.

И вот теперь пожинаю плоды всего того, что сама сделала. К чему толкала меня моя гордыня? И, чего уж там скрывать, моя стервозность. Говорят, мужики стервозных любят. Теперь-то я понимаю, что это вовсе не так. Они тешат с их помощью свое самолюбие. А о любви, той любви, о которой грезит каждая девушка и женщина, речь даже не идет. Кажется, я начинаю понимать, о чем говорила Степановна. Все по пословицам: “Что посеешь, то и пожнешь”. Или: “Посеешь ветер, пожнешь бурю”.

И как странно судьба распоряжается. Она отнимает именно то, чем ты больше всего дорожишь, чем больше всего гордишься.

Так и со мной.

Господи, а как я судила свою маму! Не так она жила. Неправильно! С какими-то проходящими мужчинами.

Теперь сама оказалась в том же самом положении. Ни семьи. Ни детей. А ведь я красавица! Была...»

* * *

За тот месяц, что Крылова провела сначала в больнице, а потом дома, она многое передумала. О себе. О судьбе.

* * *

Каждый год у них в деревне жители палили старую траву. После огня поле пару дней стояло черным-черным от пепла. Пока не проходил первый дождик. После него начиналось волшебство. То там, то здесь из пепла пробивались зеленые травинки. Проходила неделя, и было поле не узнать. Зеленым, ворсистым ковром поднималась суданка. И только редкая, обугленная стерня напоминала о бушевавшем тут огне.

Людка чувствовала, как ее душа, похожая на это выжженное поле, стала оживать, наливаясь чем-то новым, светлым. Она понимала – это работает сила жизни. Жизни, которая дает надежду.

IV

«Первым пришел сутяга!» – подумал Амантай Туре-кулович, привычно начиная ежемесячный прием граждан. И так же привычно классифицируя их на типы просителей.

Сейчас он только глянул на желчного мужичка славянской внешности, на то, как он доставал из потрепанного рыжего дипломата пухлую папку с отписками, и сразу дал ему характеристику.

– Слушаю вас! – сказал он этому мужичку.

А его ассистент по приемной, юрист высшего класса Серикболсын Рыскалиев добавил:

– Только вы представьтесь, пожалуйста.

– Михаил Юрьевич Козлов! – со значением произнес проситель и протянул свое голубое удостоверение личности с символами республики Казахстан. – Я вот, собственно, по какому делу. Управляющая компания нашего дома выставила мне счет за тепло. И по этому счету выходит, что они мне должны на десять тенге больше, чем на самом деле...

Прошло то время, когда он удивлялся таким посетителям. Сколько их побывало в его кабинете за годы карьеры. Во всяком случае, за тот год, когда он стал главой крупнейшей в республике Алма-атинской области. Да, немало. И научился он многому.

В этой же должности он обрел и самое главное, как он теперь склонен считать, качество, необходимое руководителю такого масштаба. У него появилась привычка распоряжаться казенным, общественным добром, как своим собственным. Наконец-то стерлась та мешавшая ему расти над собою грань, которая заставляла его еще с советских времен «не путать своих овец с государственными».

Но он не злоупотреблял. Не только своим раздавал землю, квартиры, должности, премии. Уважал и культуру. Писатели, поэты, артисты – одним словом, интеллигенция – души не чаяли в новом акиме-губернаторе.

Слава о его щедрости, доступности и демократичности расходилась по всей степи. И уже поговаривали о том, что растет в бывшей столице преемник великого первого президента и отца нации.

Говорили о нем все. Кто с завистью, кто с восхищением. Но он старался не замечать ни того ни другого. И продолжал, как сегодня, лично принимать граждан. Даже с вот такими микроскопическими проблемами.

Сейчас великий человек молча смотрел на этого желчного мужичка и прикидывал в уме, что ему ответить. Видимо, тем же самым были

озабочены и женщина-секретарь, что вела записи приема, и его бессменный личный юрист. Дело в том, что сумма, о которой хлопотал Козлов, составляла не более тридцати рублей в переводе на российские деньги. И один доллар – на американские.

Более того, в управляющей компании согласились с ним и предложили зачесть эти тенге в следующей платежке. Но куда там... Он уже обежал с этой бумагой и милицию, и прокуратуру. Ходил к местным депутатам. А теперь вот приперся на прием сюда. И очередь, судя по всему, занял с самого раннего утра.

Так что пока юрист-помощник препирался, не зная, куда деть сутягу, Амантай Турекулович продолжал размышлять: «И что заставляет человека этим заниматься? Какой такой изъян в душе гонит его по бесчисленным кабинетам, отрывая людей от дел, заставляя выслушивать эту белиберду. Ну конечно, – догадался он наконец. – Дело не в этих жалких десяти тенге. Скорее всего, он чувствует себя важным и значительным, как писал в своих книгах Дейл Карнеги. Может быть, даже борцом за справедливость, за высокие идеалы.

При этом в кабинетах начальников он ощущает себя причастным к власти, к таинственному, важному делу управления...

Представляю, как он сегодня придет домой и скажет жене, что был на приеме у самого акима области, Амантая Турекуловича. Который сказал...»

Тут он окончательно понял, что надо сделать, дабы избавиться от сутяги. Турекулов сказал именно то, чего от него ждал этот желчный, морщинистый человечек со стопкою бумаг в руках.

Слегка выпрямившись в кожаном кресле, чтобы выглядеть еще более внушительно, он произнес:

– Уважаемый Михаил Юрьевич! Мы обязательно разберемся в вашем, несомненно, очень важном деле. Более того, ваш сигнал мы используем для того, чтобы провести комплексную проверку деятельности расчетно-кассового центра и понять, каким образом там возникают безобразия. Откуда появилось лишнее начисление в десять тенге. Может быть, с этого и начинаются злоупотребления, которые потом приходится расследовать годами и заканчивать уголовными делами. Спасибо вам за то, что вы обратили наше внимание на этот, я бы сказал, важнейший вопрос в деятельности городских властей...

Когда ошарашенный сутяга удалился, на ходу собрав свои бумаги и разложив их по папочкам, восхищенный помощник Амантая преданно посмотрел на шефа:

– А я, Амантай Турекулович, сидел и думал, как же нам его выставить. Ведь он тут сидел бы не меньше получаса. И все мозги бы высушил перед уходом.

Амантай молча дернул щекой. Мол, давай следующего.

Следующей была женщина в потертой, очень потертой шубе. Тоже русская.

У нее дрожали руки. И перебирала она ими какие-то листки бумаги.

Она начала свой рассказ с описания их жизни в селе:

– Живем мы очень скромно. Так скромно... Что мы можем сделать? Ничего... Маму похоронили. А потом нашелся наш брат. Несколько лет назад мы его потеряли. Оказалось, что он находился где-то в Ферганской долине. В Узбекистане. У нас там знакомых нет. Русских там тоже нет. Жил кое-как... Работал. Переходил от двора ко двору. Кто денежку даст. Кто хлебушка. Три месяца назад мы нашли его.

– Как нашли? – задал наводящий вопрос помощник, пытаясь подвести посетительницу к самой сути.

– Мы нашли его через передачу «Жди меня!» Написали туда письмо. Они его прочитали. В общем, мы его нашли. Привезли сюда. К себе. Но он остался без документов... И мы пошли в миграционную службу...

Амантай потерял интерес к этой истории. Что было дальше, он знал и так.

– Там потребовали, чтобы он предоставил необходимые справки. Но это ведь другая страна. И запрос надо отправлять на узбекском, – продолжала она.

«Очередной осколок распавшейся великой империи, – думал он. – Теперь ему нужно получить разрешение на временное проживание. Потом вид на жительство. Потом...»

Но спасибо юристу, который уже перевел разговор на себя. И долго, старательно и толково объяснял сестре этого «осколка», затерявшегося на просторах республики, какой длинный и тягостный путь предстоит ему пройти, чтобы обрести себя в новом суверенном государстве – Казахстане.

Только Серикболсын перевел дух и утер пот, как секретарь ввела следующих просителей – делегацию из трех учительниц не очень пожилого возраста. Старые знакомые. Из подшефной школы, в которой он был уже дважды.

С ними все гораздо проще. Они каждый год просили денег на поездку детского ансамбля «Родничок» в город Сочи.

Откуда-то из глубины сознания прилетел мотивчик: «В городе Сочи темные ночи...» И дорого очень.

Амантай денег им не дал, но пообещал.

Они удалились, зная, что деньги будут. Турекулов давно взял себе за правило никому и ничего не обещать, если нет возможности сдержать слово. Здесь он помочь мог. И даже не за счет областной казны.

У акима-губернатора всегда есть возможность разбогатеть. Особенно в эту эпоху, когда рушатся империи и меняется общественный строй. Вот, например, квоты на вылов рыбки из Каспия. Их распределял он. Или пастбища. Земельные участки под строительство. И много чего другого.

Бизнесу требуется поддержка местной власти.

И он – Амантай Турекулович Турекулов или, если по-новому, Амантай Турекул – мог себе позволить некоторые вольности. Не только отправить детский ансамбль на фестиваль в Сочи.

У него появились уже какие-то собственные слабости. Пусть папа Нурсултан строит свою «египетскую пирамиду» – Астану. Ему такая слава не нужна. Он, как говорится, по другой части. Любит искусство и живопись, общество поэтов и писателей. Ценит красивые вещи – особенно раритетные автомобили. И женщин. Это его жизнь, его, можно сказать, тонкий духовный интерес.

Следующий посетитель. Стандартная процедура:

– Фамилия?

– Тамнимбаев!

– Имя?

– Амантай!

«Надо же, тезка! – с интересом взгляделся в загорелое лицо жалобщика Амантай Турекулов. – Ну, что привело тебя ко мне?»

И вдруг всплыло в памяти что-то давным-давно забытое, из молодости. «Где-то я видел этого парня».

А видел он его на армейской фотографии, которую подарил ему когда-то Шурка Дубравин. Стояли они в обнимочку, вразвалочку. Советские солдатики.

Амантай обратил тогда особое внимание на это круглое усатое лицо казачонка с хитрою, как у Алдар-Косе, улыбкою. И даже спросил у Дубравина: «Кто это?»

И тот рассказал ему одну из тех армейских историй, которые всегда имеются в запасе у ребят, отслуживших действительную военную службу. О дружбе. Об армейском братстве. О том, какой замечательный человек был этот простой казахский парень.

А потом была у Дубравина какая-то схватка с известным барымтачем.

Вроде бы тот угнал у его армейского друга скот. И статья в молодежке была.

«Так это он».

Постарел, погрузнел, поседел. Годы и невзгоды сделали свое дело. И, похоже, опять его обидели.

Турекулов стал слушать нехитрую историю о жизни в степи.

Все, как у всех. Совхоз-миллионер развалился. Люди разбрелись кто куда. И Тамнимбаев жил теперь натуральным хозяйством. Пас свое собственное небольшое стадо. В сущности, занимался тем единственным, что умел. И жил бы он спокойно и дальше, если бы не появилось одно «но».

Воду и он сам, и его стадо получали с фермы, где была водокачка. Но когда совхоз благополучно скончался, ферму ликвидировали. Водокачка, правда, осталась. Вот и жили они, пили эту воду. И люди, и верблюды, и овечки. Горя не знали. Пока бывший участковый милиционер не создал свое дело, открыв в деревне ООО «Водолей». Пробурил скважину и стал снабжать деревню водой. За деньги.

А верблюдоводу-то что? У него водокачка своя.

И тогда бывший участковый вызвал санэпидемстанцию. Она произвела анализ воды со старой водокачки и вынесла решение о запрете забора воды из этого родника. Ввиду ее особой вредности.

– Он мне сказал, – со слезами на глазах жаловался посетитель, – чтобы я платил, как все. Или делал себе новую скважину. А как мне бурить? Денег нет. Это мне надо все продать. И месяц голодать всей семьей!

– Подожди! – остановил его юрист. – Тебе кто запретил воду брать из родника? Глава поселения? Санэпидемстанция?

– Бывший участковый! Я же говорю.

– Да какое он право имеет?! Он для тебя никто! Пустое слово. Это обыкновенный шантаж. Ты хоть решение санэпидемстанции видел?

– Нет!

– Тогда чего ты сюда пришел? Пользуйся водой, как и пользовался!

– Как так? Он же мне запретил!

– Кто?

– Бывший участковый!

– Пошли его подальше! А сюда приходи, когда речь пойдет о каких-то официальных лицах.

– Как?

– А вот так! Придет к тебе завтра еще кто-нибудь и скажет: «Ну-ка, отдавай мне свой дом!» Ты что, отдашь?

– Нет, дом не отдам! – ответил Тамнимбаев.

– А с чего ты тогда решил, что бывший участковый может запретить тебе поить стадо из того родника?

– Он же сказал!

И пока помощник пытался вдолбить в голову Тамнимбаева, что у бывшего участкового нет никакого права запрещать ему что-либо, Амантай Турекулович молча размышлял о судьбе своего многострадального казахского народа.

«Для них народ – скот. Такие вот лихие люди! Проходимцы, всегда готовые запрячь, заставить других платить. Мечтающие ободрать народ до костей.

Так было при коммунистах. Так происходит и сейчас. Что с этим делать? Никто не знает. Пока народное сознание не пробудится, пока люди не научатся отстаивать свои права, все так и будет на уровне “кто смел – тот и съел”... И никто нам не поможет – ни Бог, ни царь, ни герой.

Раньше, правда, все было проще. Была возможность обратиться в Москву. Хоть в ЦК КПСС. И на местах этого боялись. Не зря у казахов в сознании русские и справедливость были неразрывно связаны. А теперь все свои».

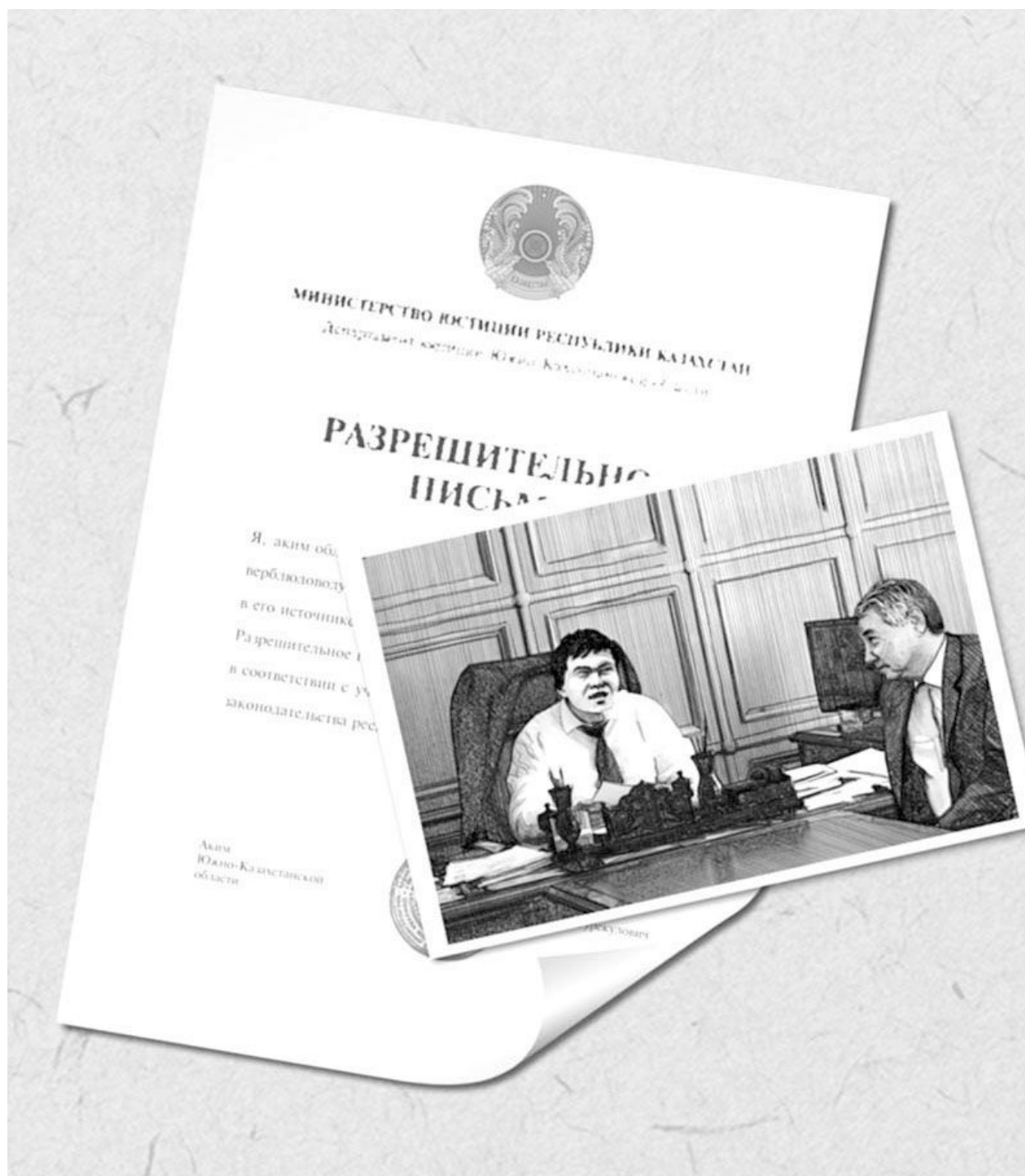
И аким неожиданно сказал своему юристу:

– Слушай! Давай напишем ему разрешительное письмо. Мол, я, аким области, разрешаю гражданину Тамнимбаеву пользоваться старой водокачкой. Ну и так далее. Ты сформулируй сам.

А потом вздохнул, глядя на то, как обрадовался и принялся униженно благодарить за милость бедный верблюдовод.

– Но это же незаконно! – попытался возразить юрист.

– А! – махнул на него рукой Амантай. – Так уж у нас все устроено. Я помню, как этот бывший участковый – кажется, Кутнашулов его фамилия – в советское время запугивал судей своей фотографией, где они стоят вместе с Кунаевым. Сколько лет прошло, а ничего не изменилось. Пускай теперь Тамнимбаев их всех моей подписью попугает.

И спросил секретаря:

– Много там народу еще осталось?

– Человек пять! – ответила красавица. – Вы не устали? Может, отложим на завтра?

– Нет, всех примем! Кто-то же должен работать в этой стране!

Следом добавил:

– Вызови машину на двенадцать. Поеду в район.

* * *

Усаживаясь в свой удлиненный черный «мерседес», он усмехнулся про себя и подумал с некоторой долей самоиронии: «Имею право. Сделал что-то хорошее за день. Людей принял». И бросил водителю любимую присказку:

– Если «мерседес», то класса С. Если «мерседес», то черный. Если «мерседес», то чистый. И с водителем.

– Что-что? Амантай Турекулович? – обеспокоенно переспросил шофер, не разобрав бубнеж шефа.

– Так, ничего! В Карасайский район!

V

И все покатило дальше. Внешне ее жизнь осталась такой же, как и раньше. Работа, дом, занятия в группе. Лекции Бобриной. Вот и сегодня у них интересная тема. Астрология.

Философ и эзотерик в одном лице Марья Степановна степенно расхаживала по залу и медленно, чтобы успевали записывать, диктовала:

– Когда человек рождается, расположение планет во Вселенной, при котором происходит этот акт, определенным образом влияет на формирование его психики и характера. И уже эти качества, наряду с наработанной кармой, формируют его будущую судьбу. То есть при перерождении человек запрограммировано приходит в этот мир под определенными знаками зодиака. В обычной нашей жизни мы говорим: «Он Стрелец». Или: «Она Водолей». Кто-то родился Рыбой, кто-то Тельцом...

...Гороскопы бывают как восточные, так и западные. В первом считают по годам рождения, во втором – по месяцам. То есть вы можете быть Близнецом по месяцу и, например, Овцой или Козой по году...

Зал, как обычно, рассмеялся в этот момент.

– Поэтому при расчете, даже самом грубом, надо как минимум совмещать гороскопы...

Крылова узнала, что она не просто живая, страдающая, ищущая свое счастье женщина. По китайскому восточному календарю она – Змея. А по другому, условно западному, – Водолей. А если совместить эти два знака, то будет она: «Змея эротичная, скрытная, мудрая и главное – мистическая.

Склонная к разного рода чудесным открытиям. И еще страшно ревнивая. Что, собственно говоря, и проверено на себе».

* * *

«Раз в крещенский вечерок девушки гадали...» Ох уж эта извечная женская привычка – отыскать, угадать своего суженого-ряженого. И как это ни смешно, но и в самом начале двадцать первого века эта традиция и потребность как была, так и осталась. Так что, прихватив с занятий выпрошенную на один день книгу «Звезды и судьбы» они с толстой, похожей на холодильник Ленкой отправились к Крыловой домой.

Заварили чай и кофе. И начали искать свою судьбу в книжке.

Людка прочитала о себе: «На Западе и в России змея считается существом не очень симпатичным. А вот в Японии, если хотят сделать женщине комплимент, то прямо так и говорят: “Дорогая, ты настоящая змея!” Да, японцы в женской красоте толк понимают».

«Эх, боже мой! Где она теперь, моя красота?» – тихонько вздохнула Крылова.

– Смотри, Люд! Вот интересный раздел, – заметила Ленка, наваливаясь могучей грудью на стол. Ее лунообразная физиономия выражала неподдельное изумление. – Здесь о том, у каких знаков может получиться любовь и дружба. Вот, смотри! Наилучшие сочетания в сексе!

– И ты в это веришь? – скептически заметила Крылова.

– Ну, китайцы вряд ли бы стали ошибаться пять тысяч лет подряд.

– Давай конкретно посмотрим. Я хочу на Вилену прикинуть. Может, гороскоп покажет, как так все получилось.

– Давай. Когда у него день рождения? Вот, он же по гороскопу Кот. Или Кролик. Теперь понятно, почему Вилен пушистый и ласковый. Ну-ка, что у нас о нем сказано? «Это ловкий человек. Светский человек. Для него главное – комфорт и безопасность».

«Ах вот оно что! Так вот с какой стороны он мне открылся, – думала Крылова. – “Я Шоколадный Заяц, я ласковый мерзавец...”. Циничный подлец! Ой, как интересно! А как же у нас должны были сложиться отношения?»

Крылова открыла страницу, на которой прямо так и было написано: «Любовь. Брак».

«Подходит вроде. Действительно, мы же находили все это время общий язык. Как тут написано: “Эти двое будут с удовольствием созерцать друг друга”».

– Хм! И это все? Да? – Ленка читала дальше, вода толстым пальцем

по странице.

– А вот тут еще. «У них будут страстные и продолжительные беседы». Но ничего не говорится о семейной жизни.

– Дай я посмотрю на еще одного. Был у меня когда-то... нерусский. Так, Ваха. Кто ты у нас? Ой, да он Тигр. Ну а что говорится о Тигре и Змее? И на тебе: «Диалог глухих». Надо же, как точно! Никогда бы не подумала. А ведь жили. Только я никогда не могла понять его. А он меня. Так, что тут сказано о нашем романе? «Между Тигром и Змеей полное и безнадежное непонимание. Мудрость и энтузиазм редко совместимы».

Людке интересно. Она увлеклась. И начала примерять гороскоп ко всем людям, которые окружали ее или когда-либо встречались на жизненном пути.

Наконец очередь дошла аж до школьных друзей и подруг. «Вот Галина Озерова. Так, у нее день рождения в октябре. Кто же она у нас? Весы. По западному гороскопу. А по восточному она у нас Петух. “Петух фанфарон. Очень трудолюбив. Роем землю лапками”. Интересно. “Одевается вычурно и странно”.

А где же наш Шурка Дубравин? Ох ты! Он же Дракон. И не простой, а Сверхдракон, полный силы и готовый идти по жизни как танк, с закрытыми глазами. Да, у него редкое сочетание силы и мудрости. Что ж, он и вправду пошел далеко. А как же Галинка? Под стать ли она ему? Ни хрена себе! “Петух воспользуется успехами Дракона, чтобы преуспеть самому!” Вот оно как! Ходят слухи, что так оно и было. Дубравин притащил ее в молодежку, помог сделать карьеру. Ну и ну!

А как же я? Что у нас с ним было? Так – Змея и Дракон. Боже мой! Да мы, оказывается, идеально подходим друг другу: “Очень хороший союз. Дракон будет гордиться очаровательной женой, даже если ее чары будут распространяться не только на него”».

Потрясенная до глубины своей женской сущности этим открытием, Людка быстро-быстро пролиставала книжку, отыскивая эротический гороскоп.

Она так увлеклась своими открытиями и изысканиями, что просидела над ней почти до самого утра.

И по всем ее гаданиям и гороскопам выходило, что именно она является для Дубравина идеальным партнером.

«Но как же так получилось, что мы разошлись? Тогда, в юности, я торопилась, спешила захватить его. Дергалась сама, дергала его. Попыталась побыстрее решить ту проблему. Мое чутье, интуиция

подсказывали, что он то, что мне нужно. Но был жгучий страх потерять его. И он все поломал. Я затащила его в постель, а надо было дать ему возможность самому подумать, разобраться в себе. В своей жизни. В отношениях. Но наши страсти все запутали. Мы так торопились жить...

Что же тогда делать, если звезды указывают на то, что нам надо быть вместе!

А он женат.

Главное – все осмыслить. И не торопиться. Как тогда.

Надо собрать информацию. Есть у нее одна знакомая девчонка. Работает в службе рекламы “Молодежной газеты”. Несколько раз размещала у них на канале сюжеты. Она все сплетни знает. Вот появится снова, можно будет с ней кофейку попить. Посплетничать. Работники любят обсуждать жизнь собственного начальства. А уж уволившихся – тем более.

А потом она соберет все свои силы. Не зря ходила столько лет на занятия. Желание – творит. Осталось выяснить, так ли это?»

VI

И день настал. Прямо в самый канун праздника Успения Пресвятой Богородицы обитель преобразилась. От прекрасного храма с голубыми позолоченными главами по мощенной кирпичом дороге двинулись женщины, одетые в длинные юбки и платки. В руках у них были охапки, букеты, ведра ярких цветов. Они шли и выстилали ими дорогу. На серых камнях расцветали маки, левкой, ромашки, розы. Дорога преображалась в цветочный ковер.

На паперти собора монахи обители, одетые в голубые праздничные богослужебные одежды, начинали действие.

Вел его сам отец наместник. Он стоял весь в золоте, с благообразно причесанными седыми волосами.

Послушника Анатолия тоже задействовали сегодня. Он уже почти безошибочно разобрался в окружающем его клире. Это только для мирян весь клир на одно лицо. На самом же деле за тысячи лет сложилась строжайшая иерархия. Про себя Казаков называл ее «Табелью о церковных рангах». По аналогии с законом, установленным когда-то Петром I. Здесь, как и в армии, были рядовые: прихожане, паломники, трудники, послушники.

Потом шел младший командный состав, что-то вроде сержантов и старшин – дьяконы, протодьяконы (старшие дьяконы) и архидьяконы

(старшие дьяконы в монастыре).

И, наконец, священники (офицеры). Иереи, протоиереи (старшие священники). Это в белом духовенстве. В черном – иеромонахи, игумены, архимандриты.

Сан архимандрита Анатолий Казаков определил как соответствующий полковничьему. Ну а выше, по его разумению, стоял церковный генералитет – епископы, архиепископы (старшие епископы), митрополиты. И над всеми возвышался главнокомандующий – патриарх.

Был здесь и свой Генеральный штаб – Священный синод.

Братским духовником был отец Александр – рыжий, вечно взлохмаченный огромный старый монах. При первом знакомстве Анатолий подумал: «Вот, опять повезло с рыжим. Алексей Пономарев и этот со своей огненной бородой и длинными волосами...»

Но Александр оказался добрейшей души человеком.

Лет ему было под восемьдесят. Участник той самой большой войны, которую закончил капитаном. А здесь дослужился до архимандрита. Награды имел и за военные, и за духовные подвиги.

Боевой разведчик отец Александр обладал какой-то светлой детской улыбкой. Она и подкупила Казакова.

И вот как-то раз он обратился нему:

– А что, чины и звания у нас присваиваются за духовные подвиги? То есть чем выше человек духовно поднялся, тем выше его «чин»?

Задумавшийся монах взъерошил свой загривок и как-то неуверенно ответил неопиту, что это совсем необязательно, были, мол, случаи, когда человек до митрополита дослуживался, а потом церковным судом судим был.

Казаков подумал тогда: «Э-э, да тут настоящее государство в государстве. И суд свой имеется. Как офицерский суд чести в армии. И наградная система с орденами, медалями...»

Так что сейчас, в начале празднества, Анатолий с удовольствием лицезрел своих товарищей в убранстве, которое, в отличие от обычной черной рясы, давало полное представление о том, кто есть кто.

Рядом с отцом наместником стоял отец Ферапонт. На его красиво подстриженную голову была водружена фиолетовая шапочка – камилавка. Первая награда, которой могут удостоить в системе. Поясом ему служила широченная золотая лента, ярко выделявшаяся на голубом фоне.

«Ого, какой наряженный сегодня Ферапонт. Значит, отслужил он беспорочно десять лет. Получил в награду не только камилавку, но и двойной орарь, символизирующий то самое полотенце, которым Христос

вытирал ноги своим ученикам.

Да и отец наместник красавец. Такую митру разрешает носить только патриарх после тридцати лет служения Церкви. Правда, в отличие от архиерейской ее не венчает крест. Но все равно – красиво.

А на шее у него – патриарший крест. Такой имеют вообще единицы. За особые заслуги».

Пока послушник удивленно глазел, молебен шел своим незыблемым порядком, отточенным веками.

Слева от главных действующих лиц, на ступеньках храма расположился хор певчих. В основном это были женщины в белых платках и блузках с надетыми поверх черными жилетами. Скороговоркой архимандрит затягивал молитву, восхваляющую подвиг Божьей Матери, а хор ангельскими голосами подхватывал ее в нужных местах.

«За две тысячи лет все доведено до совершенства. И ритуал, и пение, – думал послушник. – И праздничное богослужение в честь Успения Пресвятой Богородицы – это на самом деле целое многочасовое действо, своего рода спектакль с хором, солистами, участниками, как на первых, так и на вторых ролях».

– Богородице Дево, радуйся! – воскликнул архимандрит.

И в эту секунду он, Анатолий Казаков, под дружное пение начал свою, личную молитву. Как душа его истерзанная просила, искренне и истово молил он шепотом деву Марию:

– Богородица, если ты слышишь меня, прости за то, что случилось тогда под селом Бечик, где я отличился на войне... Может быть, она и этот мальчишечка искупили бы свою вину, нашли бы новую дорогу в жизни. Но получилось так. И смертный грех на мне.

В этот праздник, когда весь народ церковный и нецерковный собрался здесь у твоей иконы, все ждут от тебя чуда. Сотвори его и для меня, благодатная Пресвятая Богородица. Припадаю к тебе с последнею надеждою!

Он подался вперед. Его словно что-то звало и манило туда, на паперть собора.

– Куда идешь! Не видишь?! – толкнул его в бок сосед.

Очнулся. Вспомнив свою работу, начал торопливо разжигать кадило. Но все равно не успел к тому моменту, когда дьякон басом грянул свою партию. И тот так зыркнул на него глазами, что Казакову стало страшно неудобно и неловко за то, что он задержал ход празднества.

Но он не обиделся. За последнее время он много узнал. Понял, что монахи в принципе очень одинокие и ранимые люди. И от этого с ними

бывает трудно.

Погруженные в себя, они могут выглядеть черствыми и неотзывчивыми. Но с ними можно ладить.

Впереди началось главное действо. Крестный ход вокруг монастыря. А крестный ход для воинства Христова – как парад для армии. Молодые, с непокрытыми волосами дьяконы кадили ладаном. Народ выстраивался со свечами в руках.

Анатолий уже знал свое место в строю. Он поднял над головою тяжелую хоругвь с ликом Христа. Но строгий распорядитель забрал ее и вручил рапиду. Укрепленный на длинном древке лучистый круг (из золота, серебра или бронзы) с изображением шестикрылого серафима был символическим опахалом. Когда-то рапидами пользовались из практических соображений, чтобы отгонять мух, ос, пчел от святых даров. А сейчас они символизировали участие небесных сил в земных делах.

Анатолий встал в ряд с молодыми дьяконами. Все запели очередной псалом и двинулись по вымощенной цветами дороге следом за иконой и плащаницей с изображением Божьей Матери.

Тысячи людей, выстроившиеся вдоль дороги, приветствовали их, совершали крестное знамение, пристраивались к процессии.

Анатолий с высоко поднятой рапидой торжественно прошел вдоль этих рядов, чувствуя радостные, умиленные, растерянные взгляды.

Начальствующие лица, в числе которых были владыка, наместник, архимандриты, сделали большой круг и остановились на Успенской площади.

Начался чин погребения плащаницы Божьей Матери.

Владыка по большому Евангелию читал похвалы Богородице.

Анатолий, чуть повернув голову, смотрел на плащаницу, на полный безмерного сострадания и милости лик Богородицы.

В эти минуты что-то случилось с ним. Он вдруг ощутил, как от плащаницы к нему словно протянулся солнечный лучик. И эта огненная нить, от которой шла странная энергия, нащупала его сердце, проникла вглубь под поношенную рясу послушника.

Он не мог оторвать взгляда от лика Богородицы. А в сердце под воздействием лучика, пения и образа вдруг разлилась такая радость, такое тепло и гармония, что он не выдержал. Всхлипнул. И смахнул набежавшие на глаза слезы.

«Вот как она приходит – благодать Божия!» – думал он, ликуя душою.

Уже завершился чин погребения. Начал расходиться с площади

в наступающей вечерней темноте народ и клир. А он, все еще потрясенный и обновленный пережитой радостью, стоял, держа в руках древко с крылатым серафимом на лучистом диске. И сам чувствовал себя ангелом, вознесшимся к Небесам.

VII

Зима в России всегда приходит неожиданной. Вот и в этом году уже в начале декабря «почему-то» выпал снег. А к Рождеству замело и поля, и леса, и деревню, которую Александр Дубравин выбрал на жительство.

Окончательно поселиться в ней ему пока не удалось. Дела в городе не позволяли. Но приехать на выходные он сюда уже мог.

Процесс укоренения он начал со строительства бани. Точнее, гостевого двухэтажного домика, в который органично вписалась и русская баня с бассейном.

Получилось хорошо. Топится баня исключительно дровами. Изнутри обшита хорошим липовым лесом. И от этого пар в ней легкий, а климат – мягкий.

Отдыхает в такой бане человек и душой, и телом.

Вот и Дубравин, попарившись вчера с дубовым веничком, сегодня отправился на деревенский праздник, который сам же и предложил устроить.

Народ решили собрать в колхозной конторе. Колхоза, правда, давно уже не было. А вот здание правления осталось. К нему-то по заснеженной улице и подтягивался здешний немногочисленный люд. Шли бабульки и дедульки, а также женщины среднего возраста, одетые в тяжелые ватные пальто и шубы, замотанные в шали, обутые в валенки и бурки.

Одежда, от которой давно ушла городская мода, но никогда не откажется русская деревня.

Все они собирались в жарко натопленном по такому случаю одноэтажном здании. Снимали с себя ватные и меховые доспехи. Переговаривались, присаживались в уголках.

В большой комнате, где, судя по всему, когда-то заседало правление колхоза, накрыли вдоль стены длинный стол. За ним могло уместиться десятка три человек. А на столе было все то, что заготовлено на длинную русскую зиму. Картоха толченая, огурчики соленые, помидоры, квашеная капуста, моченые яблоки. Копченое и соленое бело-розовое сало... Да мало ли что еще хранится в закромах родины! Не в каких-то мифических, выдуманных штатными пропагандистами закромах, а в настоящих, деревенских.

Заправляла хозяйством Сорокаумова. Она хоть и депутат, а селянам люба за готовность посидеть и выпить с народом.

Местные для этого действия доставили припасы. А городские –

«огненную воду».

Ящик стоял в уголке, дожидаясь своего часа.

Сергея Чернозёмов тоже расстарался. Пригласил на торжество не абы кого, а первого парня на деревне – гармониста.

Самая бойкая здесь – это староста Валентина Михайловна, для своих – баба Валя. Она была уже готова подать сигнал к началу. Тем более, что прибывающие живо интересовались:

– Баб Валь! А что мы здесь сегодня собрались? По какому такому случаю в столь суровую зимнюю пору мы выбрались из теплых домов?

Дубравин понимал, что люди толком и не знали о Рождестве. Среди поселян было немало воспитанных советской властью закоренелых безбожников. Так что следовало чрезвычайно аккуратно произносить тосты, чтобы не показаться бывшим советским, а ныне российским гражданам странным и диковатым. Поэтому он поднял граненую старинную рюмку с водкой перед собой и произнес приличествующую случаю, но не совсем канонически выдержанную речь.

– Господа-товарищи! Две тысячи лет тому назад в малом городе Назарете родился такой парень по имени Иисус. Он вырос, возмужал. И когда-то произнес самые главные в мире слова: «Возлюбите ближних своих, как самих себя!» Так началась новая эра в истории этого мира. С тех самых пор христианский мир празднует день рождения того парня, Иисуса Христа. Который не только на словах, но и на деле пострадал за всех нас. Отдал свою жизнь. Так давайте же сегодня вспомним его! И дружно выпьем за праздник Рождества Христова!

Народ дружно сдвинул стаканы.

И деревенская гулянка пошла, покатила своей дорожкой.

Гармонист, раскрасневшийся от водки и сала с картохой, растянул меха. И, как заведено из века в век, народ дружно грянул:

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня,
Моего коня, белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая.
У меня жена, ох, красавица.
Ждет меня домой, ждет-печалится.

Дубравин пел со всеми. И если раньше, в столице, ему, воспитанному на «Битлз» и «Скорпионз», казались чуждыми родные напевы, то сейчас они были в самый раз. В этих краях, где воеет пурга и метут метели, такая

песня звучала не только естественно и красиво. Она была нужна и очень даже правильна. Потому что отражала чаяния, суть и душу народа, затерянного на гигантском вымерзшем пространстве.

Затем гармонист грянул плясовую. И пошла гулять губерния!

Дубравин вышел на улицу. Унять хмель. Проветриться.

За окном шумели люди. А здесь не видно не зги. Тишина. И ведь лет сто тому назад было Луговое цветущим краем. В летописи оно впервые упомянуто вообще четыреста лет назад. Тогда на берега прекрасной, чистой реки пришли сюда в дикое поле русские переселенцы. Отстроили богатое поселение с большой церковью, избами, лабазами, промыслами. А вот теперь от него осталась умирающая, как и тысячи других, деревенька. Грустно.

Мороз-воевода шарил ледяными руками, забирался под свитер, хватал за коленки. Небо мерцало мириадами звезд: «Неужели ничего нельзя сделать? Неужели вот так обречены влачить жалкое существование наши деревни и села?»

Дубравин давно понял для себя – в жизни нет ничего более практичного, чем хорошая философия. И вот сегодня, раз выпал такой денек, Александр задумался: «И что ж у нас в России жизнь такая неустроенная? Все-то у нас сикось-накось. Или с помощью авось и небось. Отчего? Наверное, от того, что у людей нет ясности в уме, в душе. Нет покоя! А откуда ему взяться, коли все вокруг кипит, пенится, корежится и ломается.

Она, душа, по-настоящему может успокоиться только тогда, когда приходит в нее вера. Только с нею ничего не страшно. Ибо есть Бог. И он обязательно управит, утрясет все, как надо».

Взгляд Дубравина привычно наткнулся на силуэт стоящей посередине села, на пригорке, разоренной церкви. И сердце, как всегда, царапнул вид покосившегося креста на колокольне, заросшей кустарником крыши.

«Так не бывать же этому! – немного выпренно, под действием алкоголя подумал он. – Жизнь здешняя угасает по одной простой причине. Народ утратил веру, перестал жить по заповедям Христовым. А чтобы вернуть ее людям, надо восстановить хотя бы храм. Не причитать, не хныкать, а взяться за восстановление церкви».

И так легко ему стало после этого решения, что он даже рассмеялся во все горло. И раскатистый его смех долго еще звучал во мраке и темноте зимней ночи.

Дубравин вернулся обратно в здание. Там уже шел пир горой. И приободрившийся народ гремел, как в старые добрые советские времена,

песни о первой любви.

Он аккуратно подсел к старостихе бабе Вале. Налил ей и себе по рюмочке. Они чокнулись. Выпили. И Дубравин, кашлянув, завел такую речь:

– Валентина Михайловна, а я вот что надумал. Будем церковь восстанавливать!

Та глянула на него снизу вверх удивленными синими глазами, поставила на стол натруженными пальцами тяжеленький стаканчик и заметила:

– Наверное, лучше было бы газ провести.

Но Дубравин твердо сказал, как отрезав:

– Будет церковь – будет и газ!

А сам подумал: «Не зря же наши путешественники при освоении нового места первым делом ставили на холме церковь. От нее все и начиналось».

* * *

Через пару дней о своей задумке он решил поведать соратникам. Как ни странно, Чернозёмов задал ему сакраментальный, идущий из глубины народной души вопрос:

– А почему мы должны восстанавливать? Мы же ее не разрушали!

На что Дубравин, может быть не совсем понятно для окружающих, но вполне убедительно для себя ответил:

– Так уж получается. Не мы разрушали. А восстанавливать порушенное придется нам. Как говорится, отцы и деды ели кислую ягоду, а у сыновей на зубах оскомина. Видно, доля наша такая.

На том и остановились. Взяли в деревне ключи. И поехали осматривать доставшееся хозяйство.

Ржавые ворота храма, оказавшиеся металлическими, они отворили с трудом. Открывшееся зрелище с одной стороны расстроило их, а с другой – обнадежило.

Все просторное помещение на полметра было завалено пометом облюбовавших храм местных голубей.

В алтаре стояла насквозь проржавевшая веялка с транспортером. Судя по всему, в храме когда-то был зерносклад. Он то и стал для «птицы мира» столом, домом и...

Исследователи переобулись в резиновые сапоги и принялись за дело.

– По царскому указу, кажется, Николая I, в каждом селении, где проживало более тысячи человек, строили вот такой типовой храм, –

заметил Чернозёмов.

– Значит, в Луговом проживало столько народа? – удивился Дубравин. – Да, постарались большевики.

Они открыли внутренние дверцы и прошли в притвор – небольшую комнатку, в которой, судя по всему, была конторка учетчика. Там на полке валялись пропитавшиеся пылью какие-то бумаги. Чернозёмов поднял их. Сдул пыль и открыл бухгалтерский журнал с записями.

– Знаешь, как назывался колхоз, который здесь был? – спросил он.

– Как?

– «Веселая жизнь»!

И они захохотали как сумасшедшие.

– Смотри, амбарная книга!

А в книге были записи о том, сколько колхозники сдали натурального налога.

Чернозёмов читал:

– «Щербаков – сто штук яиц, два ведра сметаны, десять курей... Петров – пятьдесят яиц...»

– Ну и так далее. По списку.

И как будто пахнуло на них из этой ветхой амбарной книги еще совсем недавней жизнью. Жизнью, которую уже не вернуть, но и не забыть.

Призадумались. Видно, не очень весело тут было. Раз разбежался народ по городам и весям.

По обветшавшей скрипучей лестнице Дубравин поднялся на колокольню. И задохнулся от ощущения простора, от вольного воздуха.

– Боже милостивый! Хорошо-то как!

Прямо перед ним быстро бежала незамерзающая прозрачная река, окаймленная кустами и деревьями. За ней широко раскинулся заповедник, в котором озера чередовались с лесками.

А дальше, насколько хватало глаз, раскинулись поля и степь.

«Россия – родина слонов!» – подумал он, вспомнив, что где-то за горизонтом, в долине Дона расположен археологический заповедник. И в нем собраны кости мамонтов. Здесь когда-то бродили целые стада этих животных. Потом пришли люди. Они любили, страдали, охотились, строили. И поколение за поколением уходило в эту черную, жирную землю, удобряя ее своим прахом.

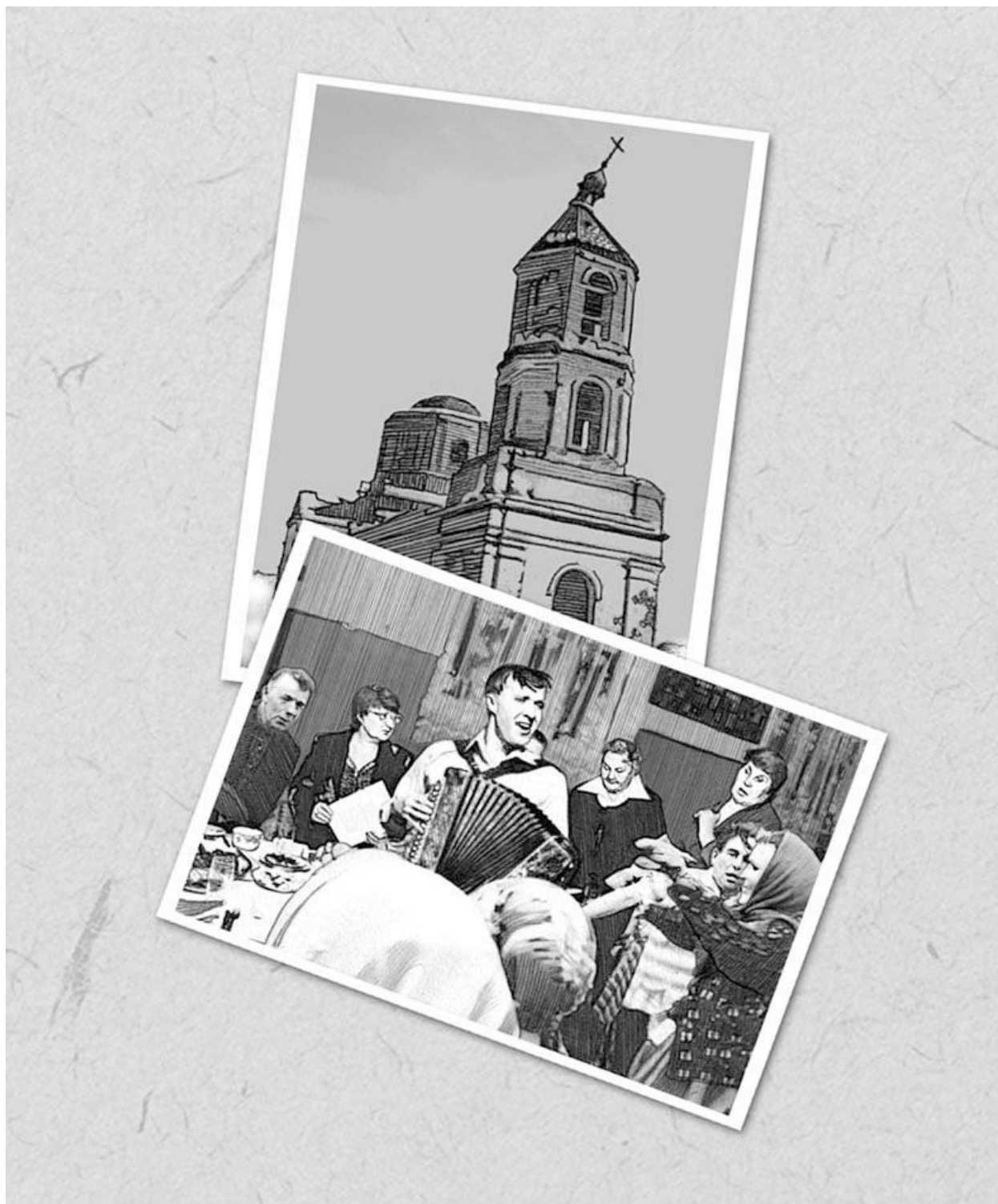
* * *

Работы начали с самого простого. Вырубили кустарники, очистили церковь от помета. Разобрали и вывезли на металлолом старый ржавый

механизм. Заделали дыру. Поставили окна и заказали огромные двери.

Не сказать, что все прямо-таки запело и закипело. Но дело потихоньку-полегоньку и, как любят говорить священники, «с Божьей помощью», пошло.

Денег было мало. Но Дубравин все равно изыскивал средства для ремонта.

Деревенские сначала косились. И проходили мимо. Но со временем подтянулись человек десять, которые стали помогать. И Дубравин для себя понял одну простую истину: «Народ – он как ребенок. Приучен за века смотреть в рот барину, начальству, парторгу. И действовать в соответствии

с указивками. Поэтому ему важно показать пример. Какой подашь – такой жизнь и будет!

Конечно, никакой особой религиозности и рвения деревня Луговое не проявит. Вера, церковность – они воспитываются с детских лет. А здесь десятилетиями религиозная традиция старательно уничтожалась. Стало быть, из ниоткуда ничего и не появится. Будет только имитация веры. Подход утилитарный и потребительский. Но для начала и этого достаточно».

VIII

Послушник Анатолий уже пообвыкся в монастыре. Первое время ему казалось, что жизнь в обители однообразна и скучна. Пока он не понял, что ошибся. На самом деле здесь, за высокими старинными стенами, кипит жизнь внутренняя, духовная. И идет нескончаемая битва за души людей.

Впервые у Казакова появилось время, чтобы подумать обо всем случившемся. Покопаться в самом себе в хорошем смысле этого слова. Тем более, что мир, открывшийся ему, был чудесен и своеобразен. И познавать его хотелось бесконечно.

Особенно полюбил послушник задавать разные вопросы духовнику. Сегодня был как раз такой день. Выдалось свободное время, они собрались в тихом месте. В беседке. И втроем – духовник, дьякон и послушник – неторопливо, греясь на весеннем солнышке, вели свой нескончаемый разговор. О жизни, Боге, вечности и небесной иерархии.

– Я так понял, – спросил послушник, – что лестница иерархическая идет с земли?

– Анатолий! – добрейший отец Александр, потряхивая гривой и улыбаясь, ответил ему как неразумному отроку:

– Здесь, на земле, эта лестница только начинается. А дальше она тянется все выше и выше, пока не упирается в Престол нашего Господа. Потому что и те, кто на Небесах, тоже имеют свои ранги.

– И какие же? – засмеялся послушник, вытирая пот со лба рукавом рясы.

– Ну, это все знают. Святыми отцами эта небесная иерархия описана. Силы Небесные состоят из ангелов, архангелов...

– Потом все выше и выше. Начала, Власти, Силы, Господства, Престолы, серафимы, херувимы. Престолы ты видишь на наших православных иконах.

– А вы сами, отец Александр, когда-нибудь видели ангелов небесных? – задал такой вопрос дьякон Роман – рослый красавец с алыми губами.

– Я – нет! – с сожалением сказал этот огромный старик. – Но святые отцы рассказывали, что ангелы небесные к ним спускались. Всем известно, например, что ангел явился святому Сергию Радонежскому, когда он был еще отроком.

– А вот власти, они какое место среди Небесных Сил занимают?

– Да чего ты ко мне пристал, Анатолий?! Вот пострижешься в монахи, и все тебе расскажут.

– Да не дает отец-наместник благословения на постриг. Держит меня, – с обидою в голосе ответил бывший майор казахской армии. – А я уже давно готов!

– Ой ли? – усмехнулся духовник. – Отец-наместник знает, что, когда и кому полагается. На то над нами и поставлен. И он перед Богом за всех нас ответит. Не наше дело судить, так ли он делает или не так... Наше дело слушаться. Как сказано в Писании... – и неожиданно для Анатолия: «Украсилася еси, яко невеста, (девственными добротами) обрадованная Дево Мати Невестная, с Тобою Господь и Тобой с нами Бог. Сохрани и спаси чад церкви Православныя, многими напастями обуреваемые ересьми и расколы терзаемые, молитвами святых страсотерпцев наших, их же память ныне светло празднуем».

– Отец Александр, а скажите мне, почему у нас все молитвы на старославянском? Неужели его нельзя перевести? Я ведь вижу, как народ смотрит и не понимает почти ничего, – опять допытывался Анатолий.

– Не все так просто. Вот Никон провел реформу, исправил богослужебные книги. И какой раскол пошел! Лучше уж не трогать.

– Конечно, язык изменился. Но с другой стороны, вся наша культура издревле опиралась на культуру церковную. Я только сейчас это заметил. Что живопись, что музыка.

– Вот, Батюшка, – заметил сидевший напротив дьякон Роман, – как Анатолий заговорил. А помню я, когда он пришел к нам в монастырь, то двух слов, по-моему, связать не мог. Подумалось мне тогда – экий деревянный солдафон к нам прибыл.

– Да и я вижу, Анатолий, что ты сильно изменился. Расправился здесь, в монастыре. Ведь монастырь – это лестница на Небеса. Врата в Рай. Тут люди меняются сильно. А слова твои справедливые. Тысячу лет Россия развивалась как христианская цивилизация.

На дорожке, ведущей к беседке, показался сухонький седой мужичок в рясе. Обрадовался, увидев их, сидящих рядком на скамеечке, встряхнул рукавами рясы и ускорил шаг.

– Ты ли это, отец Алипий? – поднялся с насеста архимандрит Александр. И, вытянув руки, обнял вновь пришедшего. – Откуда? Какими судьбами?

– Да вот решил навестить родную обитель, из коей и вышел в свет. На подвиги трудовые и духовные, – смущаясь и радуясь, ответил пришедший.

Присел. Познакомились. Разговор потек уже другим руслом.

Дьякон тихонько пояснил Анатолию судьбу Алипия:

– Он у нас в обители в послушники подвизался, как и ты. А потом отец Иоанн дал ему напутствие, но не в монахи, а служить батюшкой. Трудиться в миру.

Сухонький седобородый Алипий услышал, что говорили о нем, и добавил:

– Да, сказал мне тогда отец Иоанн: «Какой из тебя монах? Быть тебе батюшкой в городе “В”. Там служить будешь». Вот я и поехал. Сначала подвизался в епархии.

Помощником у суровенького митрополита. Ну а потом уже стал священником. В дальнем приходе. Начинать было трудно. Ой, как трудно! И семья тоже не сразу приняла. Страшно показалось. А мне страшно потом стало, когда приехал в первую церковь. Ведь теперь передо мною и Богом никого не было. А то был!

– Кто был? – спросил дьякон Роман.

– Архиерей! Вот, значит, стою я перед народом в своей церковке деревенской. И плачу от избытка чувств. Вот он я, каков есть. Грешный и убогий. Пастырь ваш. Ободрили меня тогда. Помогли. Народ у нас живой, община есть, казаки. А иначе не выживешь! Без общины-то.

Через месяц новое испытание Господь послал. Шли крестным ходом около тысячи человек. Позвонили мне из епархии и сказали, что их надо где-то спать положить. И накормить. Общиною тогда только и спасся. Еду из детского санатория поблизости привезли, людей разобрали. Одного в гараж положили, другого в школе. В храме улеглись. Многие домой взяли странников.

– А что к нам-то, отец Алипий? Небось, не просто так приехал? – заметил архимандрит. – Наверное, дело какое есть?

– Ой, есть! Помолиться приехал. Совета испросить.

– А что так?

– Неладное у меня случилось. Мучает... Во время обедни все шло, как обычно, и после молитвы чудо произошло – вино превратилось в Кровь Христову. Я беру ребеночка причащать. А он вдруг как забьется, засучит ножками. И ударил...

Пролилась Кровь Христова прямо на меня. Я сразу ушел. Снял орарь. Собрал все. Сжег. А мне новое купили. Сами знаете, нельзя... Если такое происходит, то сообщается об этом архиерею. И священника от службы отстраняют.

– Да! – почесал затылок архимандрит. – Дурной знак. Отмолиться тебе надо. Очиститься. Хорошо, что к нам приехал. Роман, проводи отца

Алипия! А нам с тобою, Анатолий, пора служить. Собирайся. Сегодня в Михайловском соборе литургия будет, – и тихо, только ему, – может, уже простила тебя Богородица.

Потом после некоторого молчания, добрейший отец Александр добавил задумчиво и участливо:

– Знак-то тебе был?

– Был знак! – твердо ответил Анатолий. Но не стал рассказывать о том, что произошло с ним во время праздника Успения Богородицы.

– Иконы вечны, – словно угадав его мысли, а может, действительно угадав, сказал отец Александр. – Это окно к Господу. В другой мир. Не тот, где мы живем. А картины – они личные. Отражают не вечность, а личность художника... Значит, все-таки хочешь стать монахом?

– Да, хочу!

Тут архимандрит произнес радостно:

– А ты понимаешь, что такое монашеская жизнь? Ведь это искусство, наука из наук. Быть смиренным, ни к чему не привязываться. Встал и пошел, куда Бог велит! – он снова засмеялся, показав, несмотря на свой очень почтенный возраст, белые зубы. – Есть такая присказка: «Монах – он как кот. У него ничего нет. Но ему хорошо!»

Посидели. Помолчали. Каждый о своем.

– Это когда вера есть, – продолжил духовник. – А когда ее нет, жизнь монаха – мучения. Я многих видел таких, что пришли в монастырь. Кто в поисках тихого жития, кто от жизни спрятаться. А жизнь – она и тут настигает. И если в миру ты имел грех, то и сюда его с собой принесешь. И будешь гореть, как в аду, если страсти не смиришь, не покаешься. Послушников приходит много. А много ли остается? У нас один был. Кончил жизнь самоубийством. Так его за оградой похоронили. Взял, видно, ношу не по силам, и надорвался.

– А что такое вера? Ну, по-вашему? – неуверенно так и тихо спросил Анатолий. – Я верующий. Но до конца понять, что это такое, трудно.

– Как тебе объяснить? Вера – это когда у тебя в душе, внутри, будто огонь горит.словно какой-то двигатель работает, давая на выходе радость и благодать. Вот так мне кажется, – сказал отец Александр, поднявшись со скамейки.

* * *

Воскресная служба шла своим порядком. Славен отец Александр среди народа православного. Хоть и очень старый, но еще сильный инок.

А сегодня архимандрит прямо-таки весь сиял. Анатолию Казакову было

тяжеловато стоять всю службу, пока ревностный отец Александр распевал с амвона акафисты священномученикам Онуфрию, Александру, Иннокентию и Константину. А также новомученикам российским.

Гремел его бас:

– Бурю ярости и злобного неистовства воздвигаша на ты, священномучениче Онуфрие, сыны беззакония и лишает ыри разорывши единство Церкви Христовой – Православной, овы же лжеученьми и прорецаниями, овы же клеветою и лжесвидетельством сомкнуты уста медоточного богословия твоего в узах темничных тщахуся... Ты же, ярость таковых превозмогая, не токмо христолюбивую паству, но союзников своих наставлял еси воспевати Богу: «Аллилуиа».

Дальше пошел Икос. Славословие:

– Радуйтесь, Христа возлюбивши – с ним за мир заклавшиися; Радуйтесь, Христу спогребшиися, смерти жало славно поправши... – читал отец Александр. Анатолий тем временем думал о своем. И даже начинал сомневаться – отпустит ли духовник ему все грехи. Ведь кроме того двойного убийства, что грызло его душу, он чувствовал за собою еще кое-что.

«Прелюбодеяние – это точно. Сколько же их было, этих горячих помыслов, грехов блудных. Естественных и противоестественных. Всех и не вспомнишь. Вот те две девки, с которыми он тогда познакомился в санатории Кисловодска. Так они еще хуже грешили. Противоестественным образом... Так что я, можно сказать, вправе рассчитывать на снисхождение. Да и грех ли это? Дело молодое, а кровь горяча...»

Но он оборвал эти несвоевременные мысли.

Однако, исчезнув на некоторое время, они снова вернулись. Теперь, правда, они крутились вокруг иного: «Сегодня мне больше душу поедают другие грехи: нет, не чревоугодие, не сребролюбие и даже не гнев, а печаль, уныние...»

Уже в монастыре, разбираясь помаленьку с тем, в каком мире он очутился, Казаков с удивлением узнал, что среди смертных грехов числятся печаль и уныние. Ладно еще пьянство, гордость, тщеславие. Оказывается, когда ты сник и хныкаешь, – это тоже грех. Интересно мыслят эти сложные и непростые церковные люди. «Хорошо, что встретился мне такой человек в этом мире, как архимандрит Александр. А то ведь к иному непонятно как и подойти».

Длинная служба постепенно шла к окончанию. Отец Александр уже начинал похрипывать на последних кондаках. Близилось и таинство

покаяния. Отпустит ему грехи или сочтет, что он, Анатолий, грешник нераскаявшийся?

* * *

Трудно ему было рассказывать о том, что случилось тогда под Бечиком. Правда, только с одной стороны трудно. С другой – легко. Ибо рассказывал он сейчас и каялся вовсе не перед отцом-архимандритом Александром. Коленопреклоненный исповедник стоял перед самим Господом Богом нашим и Богоматерью, которой посвящен этот монастырь.

Торжественный же и сияющий отец Александр был сейчас вовсе-то не тем, кого Анатолий привык видеть каждый божий день. Осененный благодатью, он являлся проводником, посланцем той самой высшей воли.

Накрыв ему голову своей чуть попахивающей ладаном епитрахилью и возложив поверх нее руки, отец Александр наконец произнес разрешительную молитву:

– Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатью и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Анатолий, вся согрешения твоя и аз недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

IX

Он очнулся. Открыл глаза. И с изумлением обнаружил себя лежащим на каталке. Она двигалась по бесконечным больничным коридорам. И над головой его плыли потолки и коридоры. А еще было круглое озабоченное лицо молодой крепкой санитарки в белой шапочке.

– Что со мной? Где я? – еле слышно спросил он.

Лицо наклонилось к нему. Девушка внимательно посмотрела в его глаза и произнесла:

– Вы в больнице!

– Что со мной?

– Вас подобрали на улице. И доставили сюда. Я везу вас в палату интенсивной терапии.

Такой вот разговор. Озеров попытался шевельнуть закутанной, как у снежной бабы, головой. Но малейшее движение отзывалось острой болью в затылке.

– Потерпите, больной! – сказала санитарка и умело, профессиональным сильным движением закатила каталку в палату.

Теперь, очнувшись, он начал медленно соображать и вспоминать:

«Да, я забрал выручку в кассе. И с наличкой поехал на вокзал. В командировку. Закупать новую партию животных. На Кавказе. В заказнике. Большие деньги. Почти миллион.

Вышел из автобуса. Хотел еще зайти в магазин. И вот тут что-то случилось. Я просто упал. А дипломат с деньгами? Где он?»

Он позвал:

– Сестра! Сестра!

Подошла, но другая. Пожилая. Не такая вежливо-равнодушная. Склонилась:

– Что, милый?

– А где мои вещи?

Она пожала плечами.

– Там дипломат был. Такой рыжий.

– Я не знаю. Вы в реанимации. А вещи? Вещи, когда привозят, либо сдают в камеру хранения, либо забирают родные.

– А что со мной? – повторил он вопрос.

– Тебя, милый, ударили сзади железной палкой...

– Понятно, – он снова впал в забытие, не имея сил найти ответы на мучившие его вопросы.

* * *

Месяц назад он в очередной раз сцепился с Сергеем Аксёновым.

Володька Озеров, он такой вроде покладистый, неконфликтный. А вот надо же, сорвалось! Но не по пустяку. По делу.

Появилась у него новая идея. И с ней он, минуя Сергея, пошел к самому Шикунову. Идея интересная – проводить на территории их крестьянско-фермерского хозяйства ролевые игры. Поставить стилизованные вигвамы. И устраивать слеты различных природоведческих и исторических клубов. Вон их сколько развелось по всей нашей необъятной стране. Пускай поживут на заповедной земле. Поиграют в индейцев и первопроходцев прерий. Постреляют из луков. Могут даже поохотиться с ними. А потом – карнавал. Костюмированное представление в стилизованном лагере.

Подготовил Володька и записку с экономическими расчетами. И по ней выходило, что дело это выгодное. Может быть, даже более выгодное, чем охота.

Когда он об этом заявил Сергее, тот послал его подальше.

Вот он и пошел к начальству. Но «неандертальцу» было вообще не до этого. Ему шили статью и вот-вот собирались посадить на цугундер.

Но о его походе узнал Аксёнов. И начал качать права:

– Ты кто такой? Почему без моего ведома влезаешь в дела? Твое дело телячье...

Володька не хотел ссориться. Но так уж получилось. И он выдал на-гора все, что думал:

– Ты здесь устроил скотобойню. Но тебе мало этого, ты еще и грабишь людей. Я тебя сдам. Напишу заявление.

И судя по тому, как отлила кровь от Серегиного лобастого лица, попал он в самую точку.

А дело было в том, что стали у них твориться темные делишки.

Приезжал какой-нибудь гость поохотиться. А ему несли бумагу на подпись. Так, филькину грамоту. Обязательство, что он будет слушать указания егеря и стрелять туда, куда тот укажет.

Но по ходу дела все шло как получится. Какой охотник удержится, если на него выйдет незапланированный кабан! Обязательно завалит. Тем более, все знали, что дичь здесь предназначена на убой. Ее ведь на ферме выращивали так же, как обычных свиней.

После охоты Аксёнтов начинал разбор полетов. И если видел, что с гостя можно сорвать куш, то разыгрывал комедию: «Мы с вами договаривались на другую добычу. Так что или платите штраф, или решим все по-хорошему...»

Ну а так как охотились в основном люди небедные, обычно все улаживалось по второму варианту.

Сергеа богател на глазах. Недавно купил новую иномарку. Зачем же ему что-то менять, если он вымогает столько, сколько считает нужным?

Вот после этого заявления Аксёнтов, как бешеный, и кинулся на него с кулаками.

Ну а Володька взял его за грудки.

Растащили их егеря. Но потом, уже после скандала, к нему подошел белобородый Митрич и заявил:

– Смотри, Володь! Серега – парень мстительный! Он теперь будет злобу таить. Искать момент. Ты держи ухо востро. А то как бы на охоте кто-нибудь из гостей случайно тебя не подстрелил.

Смурно у Озерова было на душе. Погано, одним словом. Но он тогда ответил:

– Это вряд ли, Митрич! Ему надо, чтобы все было шито-крыто.

Вот такая напряженная обстановка сложилась у него на работе.

Можно было свалить, уволиться из этого хозяйства сразу. Но он столько вложил в него труда, энергии, столько сделал, что бросить все не получалось.

И еще он чувствовал себя виноватым. Перед зверьем, братьями нашими меньшими.

Но теперь, конечно, придется уходить. Правда, некуда ему сейчас идти. Нигде его не ждут. А они с семьей только обжились на новом месте...

Х

Наместник монастыря архимандрит Тихон – «Гусар», как прозвал его про себя Анатолий – вызвал послушника сразу после обедни. Казаков, естественно, явился.

– Анатолий, для тебя важное поручение, – не откладывая дело в долгий ящик, сразу, без прелюдий, выдал наместник. – Поедешь в Москву. Там найдешь Сретенский монастырь. Он находится недалеко от Лубянки. И передашь вот этот пакет наместнику. Учти, в пакете важные документы.

В общем, «дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону».

– Командировочные на дорогу получишь у отца казначея!

Все знали, что казначей у них скупенький. И, видимо, понимая это, наместник прямо за столом написал записку со строгим указанием.

С зажатым в руке чудным посланием и тревогой на душе Казаков пошлепал к отцу Нафанаилу.

Казначей, в протертой до дыр рясе, из растрепанной бороденки торчит острый нос, на котором трясутся очки, встретил просителя пронзительным, хитрым взглядом. Он напоминал Анатолию их учителя биологии в школе – Григория Тихоновича Кочетова. Такая же походка, взгляд, привычка за всеми приглядывать.

Но сегодня он был настроен по-доброму. Зыркнул своими буравчиками, оглядел сухую, поджарую фигуру послушника. Потрепанную рясу, стоптанные ботинки, невзрачную скуфейку на голове. Одобрительно глянул на торчащую двумя клиньями над рясой бороду. Хмыкнул. Но деньги отпустил.

– Это тебе на проезд в электричке до Пскова. Это на автобус. И поезд. Остановишься в самом монастыре. Там денег не спросят.

Потом помолчал, видно, в бореньях души. И неожиданно добавил, шмыгнув носом:

– В Москве сейчас холодно. В рясе зябко будет. На, возьми куртку. Надень сверху. Тебе как раз будет.

Ошеломленный послушник вышел от брата-казначея в теплой синтепоновой куртке поверх рясы.

На выходе из монастыря зашел помолиться перед дальней дорогой иконе Божьей Матери. Положил котомку у порога храма. Попросил о помощи и милости. За последнее время он отвык от воли. Жизнь в обители обрела для него какую-то особую весомость, прочность. А вот большой мир снаружи казался ему враждебным и хрупким.

И ему пришлось на время вернуться туда.

В дорогу с ним напросились еще два странника. Одного, длинного и нескладного, звали Митей. А второго, похожего на ребенка, с тоненькими, как тростиночки, руками и маленьким личиком, – Алексеем. Митя, заросший рыжей бородой, был одет в кирзачи и черную фуфайку. Гололицый Алексей выглядел щеголем в серой шляпе, очень похожей на цилиндр, длинном пальто и черных начищенных ботинках. Инвалид, в руках он держал костылики. И передвигался по дорожкам монастыря вперевалочку, быстро-быстро выкидывая костыли вперед.

Митя по простоте душевной то и дело напевал озорной и странный мотив, которому, судя по всему, его научили какие-то хулиганы:

Я иду по росе,
Босы ноги мочу.
Я такой же как все,
Я... хочу!

Он, видимо, до конца не понимал смысла слов, наивно уверенный в их красоте. То и дело пытался напевать в самых неподходящих местах. В ответ Алексей одергивал его.

Но проходило какое-то время, и снова слышался знакомый мотив...

Вот такой вот живописной троицей – лилипут-инвалид, юродивый аутист и послушник – пришли они на провинциальный вокзал. И встретили тут четвертого. Попутчиком их оказался батюшка Алипий, который как раз возвращался из монастыря к себе домой. В приход. И тоже через столицу нашей Родины.

Обрадовались. Обнялись. И такой вот компанией тронулись в путь.

Дорога дальняя. Разговор длинный. Анатолий с интересом слушал жалобы приходского священника о трудном житье-бытье:

– Вот скажи, мил человек! Как жить с маленького прихода? Доход невелик. А надо, кроме себя, содержать дьякона и пономаря. Певчим заплатить. Ну и отчислить толику в епархию на содержание архиерея. Да еще постоянно какие-то хозяйственные расходы. Ремонт. Свет, тепло. О душе думать некогда, приходится добывать хлеб насущный.

– Надо сделать как в Греции, – заметил Алексей. – Там священники получают зарплату, числятся государственными служащими... А у нас – сирые и убогие. Бьются в нищете.

– Не скажи! – вдруг возразил ему батюшка, только что жаловавшийся на жизнь. – В Москве приходы богатые. Рясы носят дорогие, шелковые. Ездят на иномарках. Везет людям.

– Да, Москва бьет с носка! – неизвестно зачем добавил Митя.

Так и ехали в праздных разговорах. И послушнику Анатолию казалось, что чем дальше отъезжали они от монастырских стен, тем труднее ему было сохранять уже установившийся душевный строй.

А Алипий, как назло, все буровил и буровил о своем:

– А аппарат какой у архиерея? Сколько там отделов, тьма народу. Попробуй всех прокорми с таких бедных приходов!

Расстались они просто. Митя с Алексеем сошли с поезда еще до Ленинградского вокзала. А он с Алипием проехал до конечной. Там и вышли, нырнув сразу в подземелье. Наверх поднялись уже на Лубянке.

Алипий и здесь не отставал. Теперь рассказывал о том, как получил благословение от отца Иоанна стать не монахом, а священником:

– Отец Иоанн был святой! Я-то грешный. Поговорить с ним было трудно. Очень уж занят. Никак не подступишься. Стоило ему только выйти на свет божий, как к нему сразу же кидалась толпа паломников. С вопросами, за благословением. Старец-то был прозорливый.

Я все думал, как к нему подступиться. Долго пытался и так и сяк. Не получалось. А тут он заболел. Лет-то ему за девяносто было. Ну, думаю, не успею узнать Божью волю. Ан нет! Чудо случилось. Незадолго до его кончины пришел ко мне чернец и сказал: «Отец Иоанн зовет тебя к себе». Я тогда очень сильно удивился.

Пришел. Келейка отца Иоанна чистенькая такая, иконками завешанная. Старец уже никого не принимал, лежал. Немошь его одолела. Говорить уже не мог. Благословил он меня и протянул записочку. А в ней было сказано: «Дорогой Алипий! Муки и терзания будут преследовать вас, пока не последуете за зовом Божиим. А я вижу, что вы в душе не монах. Вы хороший человек. Вы батюшка. Ехать вам надо в город “К”. Там ждет вас ваша судьба. Доверьтесь Богу. Его милость беспредельна».

Так-то я и стал священником. Да что с тобой, Анатолий?

Пока отец Алипий развлекал Казакова своими рассказами, они вышли на Лубянку. Прямо перед зданием его бывшей конторы. Увидел ее послушник. И так защемило в душе, так ему стало мутно... Оглядел он площадь, на которой раньше стоял памятник Железному Феликсу, а теперь лежал Соловецкий камень, и сердце забилося, как заячий хвост. Мысли были грустные: «Тут я бывал. Во-он те окна, из которых я глядел на площадь! А теперь кто я? Где мое место в жизни? Пугало я огородное в этой рясе!»

Постоял в печали. А Алипию сказал просто:

– Нахлынуло. Тяжело! – и смахнул слезу.

А тот засмеялся и ответил:

– Ты что плачешь? Представляешь, как там чертям в аду тошно? То-то они твою душу проворонили. Сейчас им там дают втык. Они-то раньше радовались. А теперь ты спасен...

Этими устами да мед бы пить.

* * *

Прежде чем идти в монастырь, решил позвонить своему старому другу Алексею Пономареву. Ведь виделись они с ним давным-давно.

Новые времена, новые технологии. Позвонить из автомата теперь проблема. Кончился звон двухкопеечных монет. Надо искать киоск, покупать карточку. И только тогда тебе в кредит по талону предложат любимых людей. С третьего раза ему ответили.

– Алло! Алло! Это я!

Друган ответил приглушенным и даже каким-то придушенным голосом:

– А-а, Толян! Ты где пропадал? Сколько лет, сколько зим! Что ж не звонил? Я пытался тебя искать! Где был?

– Ох, Леха, история моя долгая! По телефону не расскажешь. Денег не хватит.

– Так давай встретимся. Выпьем водки! – и Алексей бесшабашно рассмеялся, как в старые добрые времена.

– А твоя царь-девица тебя не прибьет? – подколот его в ответ Анатолий. – Или ты уже развязался?

– Да что ты! У нас уже двое! – отвечивал ему Алексей. И добавил:

– Ты вот что, приезжай ко мне в ресторан. Метро «Киевская». Там пройдешь направо несколько метров и увидишь указатель и знак. Ресторан называется «У трех охотников».

– Ну ты и чудак! Название кто придумал? Небось, твоя Марфа-царевна?

– Не спрашивай!

* * *

У входа в ресторан с вывеской «У трех охотников» стоял рослый швейцар-охранник в униформе. Увидев такое бородатое чудо-юдо в рясе, даже не хотел его пускать. Но сзади нарисовался Алексей. Он тоже откуда-то приехал. Узнав в этом лохматом человеке Казакова, ахнул и всплеснул руками.

Обнялись прямо на ступеньках. И вошли внутрь. Анатолий, отвыкший

от всей этой золотой московской жизни, дико озирался на ослепительно белые скатерти и чопорных, вышколенных черно-белых официантов со сложенными салфетками на сгибе локтя. Он на них пялился, а вот они на него – нисколечки. Будто это в порядке вещей, что сюда, в зал с мебелью в стиле Людовика XIV, хрустальными люстрами и бокалами богемского стекла забрел такой вот лапотник в потрепанной рясе и пыльных стоптанных ботинках.

Пономарев, располневший вширь, но с теми же вихрами и конопушками, усадил его в уголок, а сам зачел-ночил по обеденному залу, в котором то там, то сям обедали пиджачные гости. И пока его рыжие кудри мелькали в разных концах, Анатолий наметанным глазом разглядывал народ. И приходил к выводу, что люди эти были либо высокопоставленными чиновниками, либо богатыми буржуинами.

Тем временем к нему подошел прилизанный и смазливый юноша-официант.

– Чего изволите? – спросил он.

– А что есть? – вопросом на вопрос ответил послушник.

– У нас есть все! – с некоторой долей гордости и тщеславия заявил тот.

– Если есть все, тогда воды! – сделал заказ Казаков.

– С газом, без газа?

– Без газа!

– Есть «Эвиан», «Витель»...

– Слушай, я у тебя воды прошу, как у человека! – ответил гость, слегка раздраженный тем, что его заставляют думать о таком пустяке.

Но, видно, здесь совсем другой мир. Понтовый.

В общем, минут через двадцать вернулся хозяин. И вовремя. Казаков к тому времени уже устал разглядывать скатерку и игривые картины на стенах. И решил для себя: «Еще пару минут – и ухожу!»

– Извини, что заставил ждать! Работа! – вздохнул его рыжий друг. – Всех надо окучить. Каждому слово сказать. Как говорят китайцы, наши нынешние друзья: «Человек без улыбки на лице не должен открывать ресторан!»

– У тебя же не китайский!

– Это общая для всех истина. Что выпьешь?

– Я уже свое выпил. Только воду.

– Ну а я приму коньячку. Впрочем, это все ерунда. Страшно рад тебя видеть. Где ты, дружище? Что с тобой? Хотя, судя по наряду, ты в Церкви?

Анатолий, чувствовавший себя как птенец, выпавший из гнезда, еще топорщился. Но искреннее участие друга и его теплота постепенно

растапливали ледок. И он потихоньку-полегоньку стал отвечать на вопросы.

– Помнишь, мы с тобой после чеченской встречались?

– Конечно, помню. Я тогда занимался выкупом пленных. И ты мне помог. Этот твой Вахид Сулбанов тогда четко отработал...

– Кстати, а как у него дела? – перебил его послушник. – Что нового?

– У него-то ничего. С новой властью поладил. Только я слышал, сестра его младшая ушла в лес. И стала шахидкой...

– Фатима, что ли? – вспомнил Казаков похожую на сушеную селедку девушку в черном платке.

– Во-во. Она самая.

– Чего и следовало ожидать.

– Да бог с ними, с нохчами. Ты-то что? – снова повернул на привычные вопросы Алексей.

– Ну вот после всего я и решил. Пошли все... лесом! Не хочу служить этому государству!

– Ну что ж, это разумно...

– И подался я опять в Казахстан. Там нужны были специалисты...

За окошком уже начало темнеть, а они все беседовали. Вспоминали былое. Казаков рассказывал другу о своей нескладной жизни. Леха потихоньку потягивал коньячок. Лицо его покраснелось, он повеселел.

Казаков же пил только воду. И хмелел от общей обстановки, от запаха коньяка. Но держался, понимал свое положение.

– Леха, ну а ты как? Чем занимаешься?

Хмельной Леха усмехнулся криво. И сказал:

– Есть такая профессия. «Решала» называется.

– Ты что, продолжаешь работать? На контору?

– Бывших чекистов не бывает, – продолжал дурачиться Пономарев, сооротив козью морду. – Держу вот этот ресторан, – уже серьезно ответил он. – Сюда приезжают солидные люди. Всем хочется пообедать. У всех есть проблемы. Разные. Но их обязывает положение, и кто-то должен помочь. Кому девочку найти. Кому нужных людей. Свести. Связать концы с концами. Понимаешь? Я помогаю. А они в долгу не остаются.

– Ты, Леха, сутенером, что ли, заделался?

Рыжий заразительно рассмеялся, откинув голову назад:

– Времена изменились, а ты и не заметил. Я решаю проблемы. Любые. Я людям помогаю, они – мне.

– Ясно. Вижу, что процветаешь! Встроился в систему. А как же твоя царь-девица?

– Семья – это святое, – неопределенно ответил друг. – Я не путаю бизнес с личной жизнью.

Попрощались они так же душевно, как и встретились.

– Ты давай, не пропадай! – обнимал его расчувствовавшийся Алексей. – А то знаешь, дружище, как порой тоскливо бывает. Тошно. Я тогда вспоминаю Афган и нас, молодых...

Верно сказано: «Не судите, да не судимы будете». Но всю дорогу до Сретенки Анатолий раздумывал: «Вот как жизнь наша повернулась. Раскидала. Меня в монастырь, Леху в ресторан. Кто бы мог подумать?»

Желтое такси остановилось у неприметной калитки в кирпичном заборе. Анатолий потянулся за смятой сотенкой и неожиданно обнаружил в кармане целый пласт денег. «Леха сунул незаметно. Да, видно, старый друг лучше новых двух. Помолюсь сегодня за него».

Расплатился с носатым таксистом копейка в копейку. И пошел к калитке, за которой виднелись купола храма.

У этого монастыря привратника не было. Так что пришлось без подсказок двигаться вниз по мощеной дорожке. Он прошел всего несколько метров и увидел справа в образованном забором закутке каменный резной крест с распятием. А на кресте – металлическую табличку.

Казаков подошел поближе, чтобы разглядеть написанное в наступающих сумерках. Только взгляделся, как кто-то сзади знакомым голосом произнес:

– На этом месте у забора чекисты людей расстреливали. Ставили в угол. И в затылок...

Бывший майор резко обернулся на голос. И увидел стоящих позади него на дорожке знакомцев – странников Митю и Алексея. Те, видимо, тоже спешили в монастырь, чтобы заночевать.

«Прошлое не отпускает просто так. Оно остается с нами навсегда!» – подумал послушник. И перекрестился на распятие.

XI

Амантай осторожно надел темный фартучек. Достал аккуратно из деревянного фирменного ящичка, где хранились бутылки дорогого французского вина, первую емкость. И специальным штопором с рычагом потянул пробку.

Она вышла с особым вкусным звуком.

Комната тут же наполнилась терпким ароматом дорогого напитка.

Но Турекулов все равно очень внимательно оглядел пробку. Убедился, что на ней оттиснут фирменный знак «Шато ля Франс».

«Французы в последние годы тоже стали халтурить. Не следят за качеством. А вот аргентинцы, австралийцы, юаровцы подтянулись. Хотя их вина более плотные, тяжелые. Не хватает им французской легкости».

Он аккуратно перелил густой яркий напиток в декантер (специальный стеклянный кувшин). Это нужно, чтобы вино напиталось кислородом, раскрыло букет. Показало себя во всей своей красоте.

Давно прошли те времена, когда он, как и все, глотал коньяк и водку. Ценитель всего прекрасного, Амантай Турекулович знал толк и в вине. В подвале его загородного дома в специальном стеклянном шкафу рядами были уложены коллекционные вина со всех уголков земного шара.

Сам хозяин знал все тонкости потребления. В какое время года, с какой закуской, настроением, в каком количестве, при какой температуре подается то или иное вино. И у него уже выработались свои личные, особенные правила. Одно из них, приобретенное в заграничных путешествиях, гласило: если Испания – то «Риоха», если Италия – то «Кьянти». Ну а из Франции – только «Шабли».

Но сегодня у него был особенный день. День «карусели». И ему надо не самому пробовать изысканные вина, а угощать девчонок.

«Ербол расстарался по-настоящему, – думал вице-премьер, разглядывая свой “цветник”. – И как он ухитряется раскрутить их на такое отчаянное мероприятие? Поездку на дачу к мужчинам?»

Впрочем, он уже как-то рассказывал о своей методике. Приезжает в общежитие, например, мединститута, и какой-нибудь хорошей знакомой студентке делает предложение. Просто говорит: «Люся, слушай, тут у меня приехали из столицы хорошие мужики. Сидят, скучают на даче». А потом: «Девчонки, хотите познакомиться с хорошими мужиками?» А кто не хочет?

Вот общага и начинала шуршать, шептаться, собираться. Сбивалась

команда. Принаряжалась, красилась. Одна подружка передавала другой, та – третьей, и так собирался целый десант. А уж задача Ербола была проста, как колумбово яйцо, – погрузить девчат в свой драндулет (весьма вместительный микроавтобус) и доставить к месту встречи.

Вот и сегодня он лихо притаранил аж целую шестерку. Полный интернационал. Русские, казашки и даже крепенькая юная смуглолицая дочь уйгурского народа. Нынче и они смелые, отчаянные. Не то, что в прежние времена.

Амантай вспомнил свою первую любовь, от которой пришлось отказаться ради карьеры: «Да, другие времена, другие нравы. Только женское стремление к счастью, желание найти свою половинку осталось прежним».

«Кого же выбрать сегодня?» Все хороши, все в «боевой раскраске». Их шесть, а ребят трое. Первый – он сам. Второй – его постоянный молодой напарник, заместитель министра культуры Кайрат Ганиев. Такой интересный тридцатилетний парень. Полукровка. Отец татарин, мать русская. Брат его давней подруги по жизни, амбициозной, хваткой Светланы Ганиевой. Той самой, что работает в администрации президента и помогает ему. Где советом, где подсказкой, а где и предупреждением об опасности.

Старшая сестра служила путеводной звездой и брату. Хоть они по происхождению и не коренные, а в паспорте записались казахами. Таких в республике, где народ перемешан как зерно в лукошке, множество. И всем хочется жить. Вот и приспособливаются, как умеют. В университете яростно изучали язык и занимались общественной деятельностью. То в комсомоле, пока он существовал, то в Казахском комитете защиты мира.

Потом выбились в люди. Она, попав в администрацию президента, сразу пристроила брата директором Дворца культуры имени В. И. Ленина в Алма-Ате.

Ничего особенного в этом тандеме Амантай не видел. Путь родства и кумовства отлажен веками. Он и сам двигался по нему. А сейчас, как когда-то дядя Марат его, взял под опеку ее младшего брата. И вел его по карьерной лестнице.

Ныне брат Светки взял новую высоту. Заместитель министра культуры. Не бог весть какая должность, но портфель уже есть.

А с Амантаем они скооперировались на почве любви к прекрасному полу. Поначалу подбирали брюнеток и блондинок на конкурсах красоты и в модельных агентствах. Пока не поняли, что с ними возни много,

а толку – чуть. И они нашли новый подход. И его молодой товарищ – обходительный и услужливый – оказался очень кстати.

Кайрат – статный, смуглый красавец – уже давно понял, что короля играет свита. И его почтительное, слегка восторженное отношение к вице-премьеру как нельзя кстати подчеркивало «простоту и демократичность» хозяина дома.

Но ритуал надо соблюдать. Амантай пригласил девчонок быстренько сделать салатик из крабов, красной икры и креветок. А также расставить сервиз на столе. Не потому, что здесь некому было готовить, а для того, чтобы выиграть время, приглядеться, успокоиться. И главное – выбрать. А совместные хлопоты, они сближают.

Кайрат, похожий на актера Болливуда, уже весело открывал дверцы холодильника. Рядом с ним хлопотала круглолицая, похожая на сдобную булочку Майра.

Амантай понимал, что она в теле продержится недолго. «Размещаешь эту опару, и через несколько лет “булочка” начнет выпирать из формы. Ползет так, что не обхватишь. Может, вот эту русскую девушку? Она такая бойкая, румяная. Хлопотунья. Тут же вписалась в коллектив и принялась накрывать стол. Или красавицу кореянку? Ах, какие удивленные глаза под большими круглыми очками. Как у стрекозы».

Он даже слегка растерялся от такого разнообразия.

А верный Ербол – необъятный живот, ноги как тумбы – пристраивался, похоже, к очень красивой своей надменной красотой девушке. Она была высокой, худой, как будто сошедшей с обложки журнала.

Сколько расплодилось агентств, которые обнадеживают и используют дурочек с малых лет. А сумасшедшие родители это поощряют. В результате девки покрутятся в этом бизнесе, и хорошо, если попадут в содержанки. А то просто пойдут по кругу. Такие никому не нужные модели уже не раз попадали и в «хижину дяди Амантая». И он знал, что не пройдет и пары встреч, как она начнет просить, чтобы ее пристроили в какое-нибудь агентство или ведущей на местное телевидение. А это ему совсем не нужно.

Впрочем, все это неважно. Пора запускать «карусель».

В конце концов Амантай выбрал Ольгу – хлопотунью. Уж больно хороша была девка. Кудрявая, задорная, полная огня. Ягодка-малинка. Губки пухлые, попа круглая. И вся такая летящая, полная восторга. Ему стало интересно: «Она делает вид, что дурочка? Девкам нынче трудно оставаться самими собой. Начитаются журналов и начинают экспериментировать, выдумывать всякую ерунду».

Весь этот сложившийся ритуал соблазнения – поездку на дачу, роскошный ужин, ухаживания, игрища, выстраивание отношений – он и называл «каруселью».

Они знакомятся и как бы начинают вместе кататься – круг за кругом. Если все идет хорошо, он берет с собою девушку за границу. Водит по ресторанам, звонит несколько раз, делает дорогие подарки. Но когда этот сексуально-любовный цикл надоедает – девушка ссаживается из летящего кресла. Наступает момент расставания.

Звонит он все реже. Встречи короче. «Занят, извини».

А верный Ербол привозит на дачу следующую партию. И «карусель» начинается снова.

Правда, бывают, хоть очень редко, другие сценарии. Женщина может так понравиться ему, что расстаться с нею оказывается невозможно. И тогда она остается в его коллекции красивых подруг надолго. В постоянном составе ансамбля, который он про себя называл «хоровод».

В отличие от «карусели», где катание ограничено по времени, танец, в котором люди мысленно сплетены друг с другом, может продолжаться годами.

В центре он сам. А вокруг они.

Иногда, конечно, постоянный состав ансамбля менялся. Кто-то выходил замуж, кто-то уставал и сходил со сцены. Так что обычно в этом «хороводе» у него четыре, максимум пять женщин. Он наезжает к ним. Помогает деньгами. Выстраивает их судьбу. В общем, живет с ними как многоженец.

Ну а «карусель» – это праздник. Отрыв, игра. Взрыв эмоций, которых так не хватает в серых буднях. И он, как сейчас, готов прокатить на ней любую.

– Все за стол! За стол! – дал команду Кайрат, выставляя шпроты и шампанское из холодильника.

– Сейчас идем! – ответил Амантай, доставая из шкафа лавровый лист и пакетик черного перца. Он ждал, когда черноглазая хохотушка Ольга, стоящая в своей мини-юбочке и на каблучках у плиты, подаст сигнал приправлять варящиеся в кастрюле королевские креветки.

Через минуту они были уже в гостиной. Рядышком. За столом.

– Кайрат, дорогой, надо сказать! – поощрил своего визави к началу гульбища Амантай.

И Кайрат не подвел старшего товарища. Тост его был красив и витиеват:

– Я хочу выпить за любовь! Это прекрасное, светлое чувство, которое

посещает нас в какой-то момент и потом освещает всю нашу жизнь. За поиск любви, поиск, в который вовлечен каждый человек! И он получает полное счастье в жизни, когда находит эту свою половинку...

Амантай видел, как млели девки, как разгорались их глаза, а румянец заливал юные щеки. Их забирало. Что ни говори, а женщины любят слова и комплименты.

Все друженько выпили. «Карусель» начала свое движение. Он знал, что будет дальше в этой большой игре. С разными вариантами она повторялась раз за разом. Но ему не было скучно. В результате он получал новую женщину. А каждая женщина – это тайна. Ее надо раскрыть, разгадать, очаровать. И получить ее душу, привязанность. В этом и был его интерес. А совсем не в том, чтобы совокупиться с какой-то новенькой девчонкой.

Поэтому он не торопился, не спешил, в отличие от верного Ербола. Тот, сказав пару дежурных комплиментов, уже удалился с подругой.

Амантай взял большую очищенную креветку в одну руку, в другую – чайную ложку с икрой. И начал кормить свою соседку с рук.

– Закуси, солнышко, креветкой! А теперь вот добавь еще икорки. И глоточек шампанского. Хорошего шампанского «брют».

Жаль, что многие из них – простые девчонки – не понимали ничего в тонких, изысканных винах. Им бы сладенького. «Но ничего, – думал он, – они учатся и усваивают уроки. К хорошему привыкают быстро».

Ольга нежными алыми губками слизывала красные шарики.

Вот это жизнь, вот это песня.

Когда все покраснелись после чудной ухи из трех видов каспийской рыбки, включая и редкую белорыбицу, наступило время для музицирования. Амантай, как всегда, взял с собой гитару, а самое главное – караоке, набор пластинок и картриджей. Не зря же говорят, что женщины любят ушами. Он включил музыку, вышел на середину зала. И медленно, потихоньку стал напевать:

На тот большак, на перекресток,
Уже не надо больше мне спешить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?

А уж за нею пошла песня «Ах, какая женщина!» Потом из кинофильмов... В общем, вся советская классика, направленная на охмурение публики.

Амантай знал, что он не совсем оригинален в своей манере отдыхать

от дел. Нравы в элите царили еще те.

Даже на самом верху народ оттягивался по полной. Более того, «медовые ловушки» использовались и при налаживании межгосударственных отношений.

Во время больших праздников, таких как День независимости, силами КНБ создавался специальный «женский батальон», в который собирали красавиц.

Один московский приятель Амантая с юмором рассказал ему одну историю: «Вернулся я в гостиницу с праздника. Вдруг в номер проскользнула женщина. Довольно возрастная уже. Лет, может, сорока. Полненькая. И сказала: “Меня прислали вам в подарок. Я готова исполнить любые ваши пожелания”. Ну, я как ее увидел – разозлился. Что это за подарки? И попер ее из номера. Тут же позвонил на ресепшен: “Кого вы мне прислали? Какую-то корягу! Охренели, что ли?” Минут через пятнадцать поскреблась в номер другая девушка. Лет восемнадцати. Такая красивая, стройная. Все при ней. Одним словом – чемпионка! Ну, я к ней со всею душою. Присели на диванчик. Приобнял ее. Налил бокал шампанского. Ну, прежде чем начать утешаться, поговорили. Я ее спросил: “Туля! Как тебе такое дело? К чужому мужику посылают”. А она отвечает: “Да ради своей страны я готова на любой подвиг!” Такое вот у нее воспитание!»

Восточное гостеприимство, блин...

А его «карусель» набирала обороты. Атмосфера была непринужденной, весь его большой, ухоженный коттедж стал полигоном для игры в прятки. Развернуться есть где – бильярдная, сауна, бассейн, несколько спален.

Народ веселился и ликовал. Кого поймают – того и отлюбят.

* * *

Наутро все были готовы к продолжению банкета. Амантай встал пораньше. Кудрявая Ольга еще спала, уткнувшись лицом в подушку. Он потихоньку пробрался из спальни в ванную. И начал плескаться. Не заметив, как она проскользнула прямо к нему в душ. И только почувствовал, как сзади прижалось горячее тело...

«Карусель» продолжала вертеться до самого вечера без остановки.

XII

Случилось это странно и неожиданно. Он как раз приехал к себе, чтобы «залечь в берлогу». Поставил своего «мустанга» в стойло, то бишь в гараж.

И, размахивая ключами, направился через лужайку к дому. В эту минуту сотовый телефон разразился бравой мелодией: «Гром победы, раздавайся! Веселись, храбрый росс!»

– Алло, Саша, это ты? – раздался в трубке чей-то женский голос. – Здравствуй!

– Здравствуй, – машинально ответил он, прикидывая, кто это может звонить.

– Ты меня не узнаешь? – спросили через секунду.

– Да что-то как-то не припоминаю! – задумчиво ответил он, готовясь аккуратно закончить этот диалог с шарадами и загадками.

– Это я, Крылова Людмила!

«Какая такая Людмила?» – машинально подумал он, перебирая в памяти знакомых женщин. И вдруг вспомнил:

– Людка! Ты, что ли? Какими ветрами? Какими судьбами?

С одной стороны, он чувствовал радость. А с другой – тревогу: «Чего это она позвонила?» Привык уже – находят тогда, когда хотят чего-нибудь получить. Других поводов обычно не бывает.

Но любопытство все-таки перевесило. Все-таки его первая женщина, можно сказать, несбывшаяся любовь, решила прервать обет молчания. После стольких лет. Интересно.

– Давай встретимся! – взяла она инициативу в свои руки. – Нам надо поговорить. Хочу тебя увидеть.

Ах, ностальгия! Совместные воспоминания...

Дубравин давно усвоил, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Поимел он уже этот горький опыт. Невозможно вернуться к тем же самым отношениям, если вы когда-то расстались. Все меняется. Вы, обстоятельства жизни. Но Людка! Это было так давно! Первая девушка, самая красивая в их классе. Потом та история, когда они встретились в деревне, дома. И как жестоко она отомстила ему. Боже ж мой! Да они, считай, по жизни родственники. Любопытно. Что ж, если, кроме любопытства, ничего не осталось, можно и откликнуться:

– Давай! Как-никак столько лет не виделись. Пообщаемся!

* * *

Ресторан был дорогим. Но не помпезным. Роскошь отделки, кожаные диваны, ковры, красота официанток – все это постепенно становилось менее важным. На первый план выдвигалось главное – качество еды и питья.

Метродотель – женщина неопределенного возраста – пыталась усадить

его внутри зала. Но он твердо и уверенно показал ее место и занял свое. У большого окна: «Не так, как твоему заведению удобно, а так, как надо мне!»

Заказал бутылку красного сухого. И второе. Мясо – стейк – готовилось. Винцо попивалось. Женщина ожидалась. Нельзя сказать, что мужчина не волновался. Еще как! Но не перед свиданием, а перед встречей с давним другом, который пропал на столько лет. Почувствуйте разницу.

Сидел Дубравин и думал: «Людмиле сейчас... тридцать с гаком. Не с хвостиком, а с гаком. Для женщины это возраст, а у нее, кажется, еще ни семьи, ни детей. Похоже на судьбу ее мамы. Красивая была женщина...»

Он пришел на встречу с другом. А вот она, судя по всему, шла все-таки на свидание.

Дубравин ожидал увидеть ее уже погасшей, поблекшей. Но она оказалась совсем другой. В ней, как в доброй в хорошем смысле этого слова лошадке, сразу чувствовалась порода. «Породистая кобылица» – по-старинному, по-казачьи определил он, когда Людмила через всю залу победно прошагала к его столику.

Официант у стойки, увидев ее, напрягся, а Шурка встал.

Они крепко обнялись. Он чмокнул ее в щеку. И почувствовал, как она вздрогнула от этого.

– Здравствуй, Саша!

– Здравствуй, Люд!

Они сели за столик. Официант с полупоклоном подал меню. Испанская кухня московского розлива с ее паэльями, салатами, кислыми помидорами.

Он наблюдал за ней. Анализировал.

«Раньше, во времена нашей юности, ее красота была беспокойной, дерзкой, вызывающей. Сейчас она какая-то вдумчивая. Сколько же она пережила за то время, что мы не виделись? Сколько же у нее было всего? И мужиков, наверное».

Он втянул в себя сладкий запах ее духов и сразу как-то обмяк. «Бесспорно, она уже созрела».

Он знает, что это такое. Когда уходит юность, тело женщины наливается новым соком. Становится твердым, упругим, как будто его изнутри распирает сила жизни. Это из мужского восхищения родилось украинское присловье: «Возьмешь у руки – маешь вещь!» Женщины обычно не понимают и не жалуют этот возраст. Им кажется, что они толстеют, дурнеют. И только мужчины могут оценить такое перерождение – когда из хлипкого, зыбкого, эфемерного вдруг

нарождается новое женское тело. Дубравин оценил, когда обнял ее.

Она, судя по всему, тоже наблюдала за ним. Изменился или нет? На висках седина. Волосы отступили, обнажив высокий лоб.

– Какой-то ты, Саня, стал особенный! – наконец произнесла она, отрываясь от меню.

Дубравин неожиданно для себя уловил скрытый смысл этой фразы. И ответил:

– Лощеный, что ли?

– Точно, угадал мою мысль!

Удивительное дело, не виделись они много лет, а разговаривают легко и просто. Будто только вчера расстались. Беседа, правда, бестолковая:

– Ты как?

– Да ничего! Работаю на телевидении.

– И я ничего!

– Семья, дети?

– У меня двое!

– А я не замужем. Никак не найду подходящего человека.

– Винца? Риошки? По бокальчику за встречу?

– Ну давай!

Выпили. Даже слегка порозовели. А у Дубравина возникло то самое ощущение, которое было когда-то в юности. Встретились два одиночества, да и развели у дороги костер. Только не костер, а разговор. О друзьях, знакомых:

– Литке помнишь?

– А как же!

– Уехали они все, наши немцы. В Германию уехали. Всей улицей подались. Дома за бесценку продавали, лишь бы только свалить...

– Да тут и сейчас не сахарно. А в Казахстане тем более. Вот и уезжают в свою землю обетованную. Андрей Франк тоже свалил. Но что-то ему и там не больно нравится.

– А оставшиеся в Жемчужном только пьют и пьют.

– Это точно. Брат мой Иван совсем спился. Стал хуже бомжа. Бродит по деревне и попрошайничает: «Налейте, люди добрые, стакашек на похмелку!» Отец с ним воюет, не знает, что делать. Раньше хоть принудительно лечили. А теперь... Демократия, свобода!

– Да! Мама моя умерла! – у Людки навернулись слезы на глаза. – Прошлой весной похоронили. Брат привел в дом новую бабу с двумя детьми. Тоже сильно закладывает за воротник...

В общем, поговорили. Бутылочка «Риохи» подошла к финалу.

И встреча одноклассников тоже. Вроде им все понятно друг о друге.

– Шушункина Галка как? – на всякий случай спросила Людка.

– Работает. Растет в должностях, – ехидно ответил он.

– Ну да! – замолкла она.

Осталось только встать и сказать: «Ты знаешь, у меня встреча. Дела...»

Но ни он, ни она почему-то не вставали.

Не то чтобы нахлынуло. Может, от выпитого и съеденного, может, от воспоминаний о юности, они расслабились. Как два потерпевших кораблекрушение моряка, оказавшихся на незнакомых берегах, сидели они в этом испанском ресторанчике. И наконец разоткровенничались. Заговорили, перескакивая с одного на другое.

Вспомнили их единственную ночь, когда она увела его, бывшего в пьяном угаре, к себе.

– Я почти ничего не помню из того, что тогда было, – как-то невзначай обронил он.

А она вздрогнула, покраснела, в глазах загорелся огонек. Взглянула на него:

– А я помню все! Каждое мгновение. Каждую секундочку, каждое движение, каждый вздох.

Вот в это мгновение он все и понял. Она любила его и сейчас. И снова готова на все, чтобы вернуть то время. Золотое время.

А его душа была полна любви и так. И только искала, на кого излить эту скопившуюся нежность, заполнить пустоту сердца, что не давала жить и работать в полную силу.

Он понял, зачем она звонила ему. Догадался:

– Люд! Ты хочешь жить со мной?

И она тихо ответила, отводя взгляд в сторону:

– Да!

ХІІІ

Ночь горяча и беспощадна. Бунтует женское естество. Не дает ей уснуть. И она долго-долго лежала в темноте с открытыми глазами, пытаясь переключить свои мысли на что-то нейтральное. На бизнес, природу...

Не получалось. Она хотела его.

«Господи! Да что же это такое? Куда делись те времена, когда ничегошеньки мне не было нужно».

И ходила она гордая, как хозяйка Медной горы. Могла величаво снизойти до него. Облагодетельствовать.

Прошли те времена. Теперь стала она весенней кошкой, готовой лететь ему навстречу. Расстелиться под ним ковриком, радуясь его мужской силе и своей бабской слабости.

Ей даже чудился его запах альфа-самца. Она ждала, чувствуя в своем полусне, будто он сладко входит в нее. И вместе с горячим, упругим, желанным вливается радость, полнота, блаженство. И ей хочется втянуть его всего в себя. Втолкнуть. Отдаться.

А его нет. И в сердце пустота.

Он теперь где-то там, строит свою жизнь. А ее выкинул как ненужную вещь. Забыл на улице. Ничего-то он не понял своим примитивным мужицким умом.

У него все просто: «Предала нашу любовь!» Разве он понимал, как она тогда испугалась? Это сейчас ей понятно, какой она тогда была дурой. Как ошиблась.

«Гаденыш! Как же он ухитрился разжалобить меня! Сопли. Вопли. “Я покончу с собой!” Она раскисла. Ей показалось тогда, что она любила его. Мужа своего. И чем все это закончилось? Вернее, не закончилось. Все продолжается. Он глумится над нею, изгаляется. Вот, мол, и сильная ты, и красивая, и решаешь все сама. Да вот только уйти не смогла. И теперь сиди, жди. Дубравин-то уехал. А ты осталась в Москве».

Галка перевернулась несколько раз на кровати. Поднялась, подошла к окну. На улице было тихо. Москва спала беспробудным сном. А ей не спалось. Хотелось плотской любви. От мужа толку, как от козла молока. Давно она не была с ним. Да и радости никакой с ним не было. Поплюхаются без напора и силы. Одним словом, ни богу свечка, ни черту кочерга.

Она пыталась тогда, после разрыва, восстановить хоть какие-то отношения. Случайно или по чьей-то воле встретились они на одном отраслевом семинаре в Египте. Она ждала, что они встретятся и объяснятся. Но он почему-то поселился в другом отеле. А Варвара Чугункина с ехидцей, так, как умеют делать только вредные бабы, сказала ей: «Ты знаешь, а Дубравин приехал не один».

И всё. Она психанула. Вроде бы пыталась преодолеть себя, но куда там... Он-то появился, позвал ее. Хотел поговорить. Она даже пришла, но вся взвинченная, на нервах.

Он с кем-то разговаривал в фойе отеля. Посидела она рядом в кресле с минуту. А потом, не дождавшись, пока он закруглит свой разговор, встала и ушла. Почему? Да потому, что обида грызла ее сердце. И еще видела она, с каким жадным любопытством глазели на них окружающие.

Та же Чугункина злорадно зыркала из другого угла.

Не получилось у них разговора. Разошлись они, как в море корабли. И осталась пустота, которую ничем не не заполнить. Ни новым прикидом. Ни новой должностью.

А ребенок рос. Раньше еще могли быть сомнения, чей же он сын. Теперь сразу все понятно по этим русым волосам, по высокому лбу. Длинный, высокий мальчик, ничем не похожий на располневшего Влада. В общем, ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца. И мысли, тревожные мысли не покидали ее: «А правильно ли я сделала тогда, что разлучила отца с сыном? Ради собственной карьеры и интересов. Чувствую теперь, что и он, Георгий, живет в каком-то своем, недоступном мне мире, в несчастливой семье. И чувствует неладность. Как теперь все это разрулить?»

Так бывало всегда. Особенно по ночам.

«Нет, нет! – снова, в который раз, убеждала она сама себя. – Не пропала моя жизнь. Удалась. Все нормально! Все хорошо».

XIV

Невиданное дело. Кто-то шел по реке. И пел.

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной...

...Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожался,
Сам наутро бабой стал»...

Песня доносилась откуда-то из-за высокого, закрывающего горизонт, поросшего лесом берега реки.

Пастух дядя Петя, тощий, мосластый, в одной майке и спортивных штанах, поднял с солдатского бушлата всклокоченную голову и даже привстал.

А старинная песня разливалась над простором, взлетала к небесам, обнимала холмы, тревожа русскую душу.

Петро оглядел свое не слишком многочисленное стадо рыжих коровок. И не выдержал. Решил подняться на холм, чтобы оттуда посмотреть – кто же это так здорово поет на реке. По дороге к вершине испугнул птицу. Коршун с шумом и хлопанием крыльев взлетел с одиноко стоящего на вершине сухого дерева, поднимаясь все выше и выше, пока не превратился в точку на синем небе.

С холма пастуху открылась река, которая блестела под солнцем, пересекая бескрайний простор. Левый берег пологий – на нем заповедные леса. Правый – высокий, укрепленный опушкой деревьев – переходил в степь, где там и сям раскинулись деревеньки, села и фермы. Дух захватывало от этой панорамы русской равнины.

По петляющей ленте реки далеко-далеко вниз, словно палочки и щепочки, скользили байдарки. И в каждой сидело несколько человек, распевавших дружно и слаженно.

* * *

Дубравин – загребной. Он сидел на корме зеленой прорезиненной байдарки и ловко, но неторопливо орудовал веслом. При каждом мощном гребке вода за кормою журчала, а легкое суденышко стремительно ускорялось.

За его лодкой шли еще несколько, с двумя-тремя путешественниками в каждой. Все экипажи оделись в полосатые синие тельняшки и широкополые зеленые шляпы. В руках порхали легкие алюминиевые весла, движения которых издавала напоминали взмахи птичьих крыльев.

На переднем сиденье его байдарки, удобно устроившись в сооруженном из спального мешка «гнезде», сидела красивая женщина – Людмила Крылова. Легкий загар еще не позолотил ее белую кожу горожанки, и потому она тщательно оделась, закрыв от солнца все, вплоть до кистей рук.

Флотилия уже давно двигалась по прозрачному зеркалу реки, окаймленному пышной зеленью полей и лесов. Искали удобное место, где можно остановиться на ночлег всей регатой.

Вспомнив молодость и поразмыслив на досуге о жизни, Дубравин предложил своей команде организовать летом поход на байдарках. Он был твердо уверен в том, что такое совместное времяпрепровождение, во-первых, сплотит коллектив, во-вторых, даст возможность просто по-человечески оторваться от рабочих будней, отдохнуть на природе, слиться с нею.

Свою мысль он для всех выразил так: «Каждый человек, чтобы не потерять себя, должен хотя бы три дня поспать на земле. Походить босыми ногами по траве. Искупаться в чистой реке. Остановиться. Подумать».

И вот, собрав вещички, закупив продовольственный запас на несколько дней, они тронулись в путь. Сначала выехали на автобусе к месту старта. Собрали там байдарки, спустили на воду. И ранним утром тронулись вниз по реке. Гребли уже много часов подряд, но подходящего места для стоянки пока не нашли.

Наконец впереди, в прибрежных кустах показалось свободное пространство с песчаным пляжиком. Дубравин указал на него длинным веслом и сразу же направил туда байдарку.

Причалили. Он, кряхтя, вылез из низкого брезентового логовища, помог Людмиле выйти на берег. Место просторное, уединенное. Есть где поставить палатки, развести огонь, кинуть на траву спальные мешки.

«Здесь и будем ночевать!» – решил Александр. И замахал призывно подплывающим соратникам.

Дубравин собрал всех, кого смог. Первым откликнулся Володька Озеров. После нападения, отлежав в больнице, он уволился из Коргово и как свободный человек принял самое деятельное участие в подготовке регаты. Подъехал и Казаков. Как уж он, монастырский послушник, сумел найти время – знал только он сам, да, пожалуй, Господь Бог. Но приехал. И его лицо с густой, черной с проседью бородой резко контрастировало с безбородыми лицами остальных. Амантай, с которым Володька списался по чуду техники – Интернету – прислал письмо, в котором сообщил, что он «мысленно с ними». Франк отмолчался. Галину Шушункину не приглашали.

Но большую часть команды составляли местные соратники Дубравина. Люди колоритные, надежные. Хозяйством путешественников заведовал Бес. Он разработал маршрут, подготовил байдарки, палатки, спальные мешки. Закупил снесь и разные полезные мелочи, делающие жизнь туристов на природе более комфортной. А самое главное, по личному указанию шефа загрузил на суденышки огромное количество хорошего вина, необходимого для «дезинфекции». Процесс этот начался с первых минут похода. Коробки и бутылки в летнюю жару пустели с пугающей быстротой. Но никто не пьянел, периодические купания в реке и гребля отрезвляли на ходу.

Так что все были довольны. Вот и сейчас, перед тем как причалить к берегу, путешественники бок о бок поставили байдарки на середине реки. И прямо на ходу выпивали. Разливал Алексей Тимашов – главный распространитель прессы в регионе. Вот он достал яркую коробку со столовым вином. Взломал ее. И янтарная жидкость полилась из краника в пластмассовые кружки. Процесс сопровождался шутками-прибаутками и тостами. Пока непьющие Казаков и Чернозёмов поддерживали баланс, чтобы лодки не опрокинулись, Марина Сорокаумова и Галя Калужская пытались сообразить на брудершафт. Их загребные – Павел Корнев и Володь-ка Озеров – пили, не выпуская весел из рук. В общем, жизнь кипела.

На это Дубравин и рассчитывал, устраивая регату: «Так себя чувствовали, наверное, казаки Стеньки Разина, когда, хмельные и веселые, садились в свои струги и носились по Волге-матушке и Дону-батюшке от одной стоянки к другой.

Воля! Волшебное слово для русской души. Хоть на несколько дней вырваться из привычной колеи жизни, из обоймы, в которую ты вставлен,

из бешеного ритма.

Поход дает и еще одно важное ощущение – затерянности. Ты ушел по воде, и никто тебя не найдет. Не заставит думать о каких-то сиюминутных проблемах, делах и делишках. Судя по отклику, который получила моя инициатива, это ощущение и желание воли живет в каждом русском сердце. Ведь не зря же наши предки предпочитали не воевать с властью, а уходить от нее все дальше и дальше в Сибирь, на юг, на Дальний Восток. Туда, где не мог их найти ни поп, ни царь, ни полицай.

Дорог не было. И русские двигались по рекам. На лодках, стругах, кораблях. Судя по всему, память об этом движении навечно отложилась в генах нашего народа. Поэтому и отдых на берегах – самый приятный, самый комфортный для нас. Тем более, что берега эти кипят жизнью».

Байдарки по очереди утыкались зелеными резиновыми носами прямо в прибрежный песок. Народ разноцветным горохом вываливался на пляж.

Работы много. Команда выгружала на берег припасы, ставила разноцветные новенькие палатки. Когда-то в юности они ходили с тяжелыми, одноцветно-зелеными шатрами. Ныне же их заменили легкие, комфортные синтетические домики. Как яркие цветы, они выросли вокруг. Все двигалось, плясало и играло.

И тут Дубравин обнаружил, что поблизости нет дров. Обычно путешественники останавливаются в таких местах, где много валежника или есть сухостой, который можно пустить на костер.

А какой может быть полноценный вечер на отдыхе без огонька?

Дубравин с Казаковым походили вокруг, расстроились. Уже хотели было дать отбой ночевке на этом месте. Но тут Анатолий заметил стоящее прямо на высоком берегу реки толстенное засохшее дерево – старый дуб. Здесь, в изгибе реки, течение подмыло его корни, и они, как могучие жилы, выглядывали из обрыва. Но дуб выглядел настолько крепким, что подступиться к нему с пилой было просто страшно.

Долго стояли они в нерешительности, прикидывали, что да как. Наконец Дубравин в отчаянии произнес:

– Деваться нам без огня и горячей пищи некуда. Толян! Неси пилу. Будем валить!

Хр-р, хр-р! Двуручная пила впилась в твердую как камень древесину, обдирая кору. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Миллиметр за миллиметром вгрызалось тонкое полотно в жесткий ствол. Через десять минут Дубравин и Казаков стали мокрые как мыши. Дышать становилось все тяжелее. Дубравин понял, что дело плохо. После целого дня с веслом в руках работа эта для них непосильная. Пилят они, пилят, а толку – чуть.

Галя Калужская – стройная как рябинка и повидавшая много горя женщина, – видно, сердцем чувствовала, что мужикам тяжело. Сказала, жалея:

– Да ладно, ребята! Оставьте этот дуб в покое. Обойдемся как-нибудь.

Но Дубравин никак не мог признать свое поражение. Остановился на минуту, отдышался. Позвал Озерова:

– Подмени Толяна!

Хр-р, хр-р, хр-р! Снова дрожала сухая верхушка дуба. Через час с небольшим вгрызлись в ствол сантиметров на двадцать. Тут пришла другая беда – полотно пилы пошло слегка вправо и его стало зажимать. В общем, не пиление, а одно мучение. Не протащить.

Но дерево они так и не бросили. Два часа потели втроем, сменяя друг друга. Зато какая была радость, когда сухой дуб сначала стал поскрипывать, потихоньку клонясь вершиною к воде, а потом рухнул всей своей гигантской неподъемной толщею, подняв захлестнувшую берег волну!

Кинулся Дубравин с ребятами в воду. Обвязали ствол веревкой, чтобы не уплыл, и потихоньку стали толкать к берегу. Как ни странно, вытянули.

Потом думали-гадали, что делать.

И, как бурлаки, поволокли его за веревки всей командой на берег.

Ну а там уж взялись за топоры. Принялись разделять на дрова...

А девчонки, соответственно, тут же стали фотографироваться на оставшемся на высоком берегу реки необъятном пне-троне.

Пришел вечер. А с ним прохлада. Все помылись, переоделись. Разожгли костер.

Полыхали дрова. Народ рассаживался вокруг. Огонь выхватывал из темноты лица. Тишину нарушало только потрескивание сыпавших искрами дубовых поленьев.

– А ведь сегодня праздник, – сказала Марина Сорокаумова. – Ночь на Ивана Купалу. В это время расцветает папоротник. И вообще, раньше народ отрывался в эту ночь. Давайте-ка, девчонки, выпьем, да попрыгаем через огонь, как в молодые годы.

Девки зашевелились. Виночерпий Казаков всем разлил, но сам к вину так и не притронулся. Чокнулись. Женщины водрузили на головы, как короны, сплетенные из ромашек и белых кувшинок венки.

И куда только исчезла дневная усталость? Девичья песня лилась, призывно летела над рекой, отражалась от водной поверхности и неслась над лугами и лесами.

«Вот и замкнулся круг! – думал Дубравин, греясь у огня. – Господь

управил. И волею своей расставил все по местам».

Он смотрел на Людмилу. А она – на него.

«Мы что-то ищем вдали. Пытаемся понять себя и других. И зачастую даже не знаем, что нам нужно. А то, что нужно, оказывается, совсем рядом с нами.

Я хотел изменить свою жизнь. Что ж, вот она и изменилась. Просил Силы Небесные, чтобы они дали мне женщину, которая бы понимала меня, была помощницей на этой дороге под названием жизнь. Даже мечтал о том, какой она должна быть. Все сбылось, получил, какую хотел. Как говорится, “красавицу, спортсменку”. Хотя главное, что она дополняет меня. Знает то, чему я сам так и не научился.

Впрочем, не надо торопиться. Торопиться не надо. Я уже не мальчик. И времена переменялись. И если ошибусь сейчас, то ошибусь безвозвратно. Годы-то уходят. Нам надо пожить, понять друг друга. Тем более, сейчас и не поймешь, кто на самом деле охотник, а кто добыча. Роли изменились, здесь опыт имеется».

Она тоже сидела и вспоминала ту встречу. Тогда после ресторана они поехали к ней. И она, встревоженная и счастливая, одновременно хлопотала на кухне и думала о случившемся. О том ощущении блаженства и какой-то полноты жизни. Какой-то окончательности и неразрывности, которое она испытала в постели. В тот миг, когда он вошел в нее.

«Вот как бывает! – думала она, разбивая о край чугунной сковородки пятое белое яйцо. – Как будто в тебе чего-то не хватало. А тут все стало на свое место. Господи, что же у нас впереди?»

А впереди был переезд. Совместная жизнь в провинциальной тесной квартирке. Надежда на ребенка.

И она старалась. Ох, как она старалась. Сразу было видно, что сильно истосковалась «по женской доле». Начала парить, жарить, варить. И, естественно, баловать его так, что через пару-тройку месяцев он округлился.

Жили просто. Он старался не обижать ее, не задавать лишних вопросов. Полученный жизненный опыт, многие разочарования и потери научили их снисходительно и терпеливо относиться друг к другу.

Главное, она усвоила: «Если мужик тащит на себе телегу их совместной жизни, то надо просто помогать. Не садиться ему на спину и погонять. Не виснуть гирей на шее. Не забегать вперед и поучать. Если силенок не хватает, пристроившись где-то сбоку, подталкивать телегу. Тянуть. Подбадривать. А когда он выбивается из сил, просто садиться рядом и отдыхать».

Он тоже вспоминал эту первую ночь. Но по-другому. Когда они легли вместе, он был странно озадачен. Чем? А тем, что во второй раз в жизни у него возникло ощущение близости и того, что между ним и ею нет границ. Нет барьера. Нет кожи, как это было с Галиной. И чувство единства, радости, покоя и тишины овладевало им каждый раз. Дубравин поймал тогда себя на мысли: «А я-то, дурак, думал, что это может быть единственный раз в жизни. Только с одной. Оказалось, все не так. Такое, конечно, бывает редко. Но бывает. И это счастье».

Пока они предавались воспоминаниям, жизнь бивачная шла своим чередом. Заведенный народ приступил к игрищам и ритуалам. Начали с прыжков через огонь. И скакали так долго, что чуть не прожгли обувь.

Потом женщины отошли к реке. Зажгли маленькие плоские свечки и на дощечках пустили их вместе с цветочными венками по черной воде. Долго наблюдали за плывущими в темноте огоньками. Пели. Разглядывали усеянное мириадами крупных звезд летнее небо. И снова пели.

Уснули все пьяные и счастливые.

Так закончился первый день регаты.

* * *

Солнышко неторопливо поднялось над горизонтом. И холодная роса на траве заблестела.

Дубравин на четвереньках выполз из большой синей палатки с предбанником. Натянул резиновые тапки и пошел по росе прямо к реке. Утреннее купание сразу сняло сон. Бодрый и освеженный, он вылез из теплой, парящей под солнцем речки. По дороге назад встретил Озерова, сидевшего на берегу с длинной удочкой. Они покалякали какое-то время.

А жизнь в лагере уже кипела. Заново разгорался костер. Бес открывал тушенку для каши, Людка возилась с посудой.

После завтрака на горизонте появились то там, то здесь лохматые тучи. Но они не мешали солнышку, которое начало парить так, что в палатке стало не усидеть от зноя.

Дубравин знал, что за поворотом реки есть тихие заводи и отмели, на которых можно побаловать себя, поплавать в теплой, мелкой воде. А еще там попадались стаи птиц, кормившихся всякой всячиной.

Он предложил Крыловой сплавить туда на байдарке. Они сели в свою хрупкую брезентово-алюминиевую конструкцию, захватив пневматическое ружье, стреляющее свинцовыми пулями. И отчалили.

Сильным ударом весла Александр вытолкнул лодку на стремнину. И речка понесла их вдоль зеленого берега, мимо зарослей камыша, кустов

и кустиков зеленой травы, склонившихся к воде деревьев.

Дубравин, стараясь не шуметь и не разговаривать, вел лодку. Под ними в глубине пролетали песчаные отмели, упавшие коряги, стволы деревьев. Вокруг сновали мелкие синие и крупные оранжевые стрекозы. В пронизанной солнцем воде виднелись стаи мелких рыбешек. Иногда, ощутив над собою тень байдарки, бросались наутек более крупные особи. И делали они это так быстро, что Александр только успевал их замечать: «Это щучка! Это, наверное, лещ ушел в камыш. О, карась пучеглазый! Здоров, братец!»

Все дышало жизнью.

«Не зря наши предки расселялись и двигались по рекам!» – думал он, уклоняясь от нависшего с берега коряво-сучковатого ствола.

Через пару минут они нашли нужную протоку и повернули свое хлипкое суденышко туда. Течение замедлилось.

Сидящая впереди Людка вскрикнула:

– Ой, смотри, смотри!

Слегка приподняв изящную головку с желтоватыми пятнышками, через протоку, извиваясь всем телом, плыл уж. Он едва успел проскочить перед носом байдарки и скрыться в зеленых прибрежных кустах.

Еще через сотню метров они нашли то, что искали. Протока расширилась, превратившись в мелкий залив, посреди которого поднималась на поверхность белая песчаная коса. Лодчонка зашуршала днищем по песку. Отсидевший ягодицы Дубравин вылез, покряхтывая, и встал на затекшие ноги. Потом помог выйти Людмиле. И вытянул байдарку на песок.

Солнце пригревало. Даже жарило. Они с разбегу бросились в теплую воду, поплыли. Потом погонялись друг за другом на островке, бросаясь песком. И не заметили, как огромная туча нависла прямо над ними.

Все вокруг потемнело. Налетела буря! Холодный порыв ветра хлестал мощно и сильно прямо по верхушкам деревьев. Разлеталась с шелестом в разные стороны листва. Вихрь гнал по воде рябь.

Буквально через минуту хлынул проливной дождь. Крупные капли хлестали по воде, шлепались на песок.

«Как бы град не лупанул!» – только и успел подумать Шурка.

Града не было, но дождь лился настолько холодный, что они мгновенно озябли. Вдобавок ко всему, над головой грянул гром.

В общем, беда.

Людка вся сжалась, застыв под этими ледяными струями. Дубравин, не в силах помочь ей, сначала предложил:

– Давай под байдарку!

Увы, это не спасло. Узенькая байдарочка была плохой защитой. Дождь доставал тела и под нею. Беда, бояре!

И тут его осенило:

– В воду! В ней теплее!

Они бежали по мокрому пляжу и прыгнули прямо в теплую воду заливчика. Стало легче.

Ливень прекратился через несколько минут. Туча, недовольно ворча, уплыла в сторону. Солнышко снова улыбнулось им. Вскоре природа, съезжившаяся под холодным ливнем, чудесным образом снова расцвела.

Они вылезли на берег греться. Потом Дубравин столкнул байдарку в воду и они забрались в нее. Пора было возвращаться.

Не успели они отойти от берега и пройти по камышовой протоке, как наткнулись на трех уток с селезнем, беспечно кормившихся на отмели. Они, вероятно, не услышали приближавшихся на почти бесшумной лодке людей. Дубравин сразу потянулся к ружью.

Птицы, заметив их, начали разбег по воде.

Раздался шипящий звук выстрела. И, о чудо! Утки взлетели, а селезень шлепнулся в воду.

Охваченный охотничьим азартом, Александр подгрел к нему. И увидел, что птица вверх лапами лежит на воде.

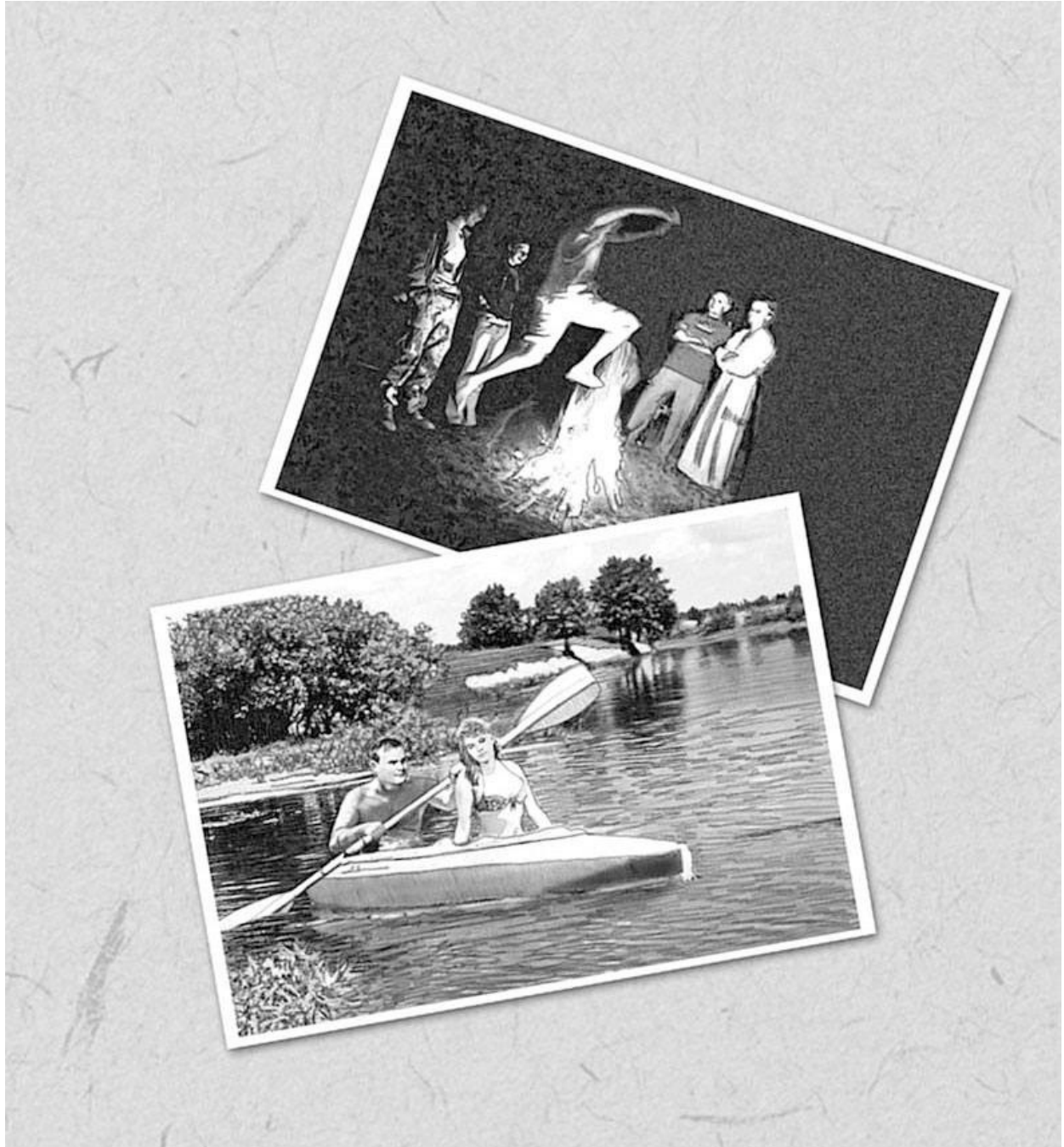
Он подтянул веслом обмякшую, но еще теплую тушку. Достал из воды. И удивился.

Конечно, пулька из пневматики ну никак не могла пробить толстое, жесткое перо птицы. Охотник искал место попадания. Наконец он увидел, что свинцовый комочек ударил прямо в голову, рядом с круглым глазом.

Дубравин символическим жестом бросил добычу в лодку Людке под ноги. Она молча, без бабьего визга и писка стала рассматривать красивого, мощного селезня, так не похожего на невзрачных серых уток.

Шурка даже расстроился: «Попасть-то попал! Но кто будет возиться с птицей? Ощипывать, разделывать?»

Но все равно, торжествуя в душе, погрел к общей стоянке с видом именинника.

* * *

Сомнения его оказались напрасными. Женщины набросились на птицу и шустро принялись ее ощипывать. А потом так быстро разделали селезнь под супчик, что Дубравин понял простую вещь. Ничто не утрачено. Под внешней маской современника в каждом из нас прячется дикарь. И эти девушки, если завтра цивилизация исчезнет, очень быстро приспособятся жить, как жили наши предки. Блестящим доказательством этого стало

превращение крылатого красавца во вкусный суп.

Обеденный разговор у костра шел вяло, пока Володь-ка Озеров не вспомнил о своем опыте.

Матюгнувшись вполголоса, он рассказал друзьям о своих бедах:

– Что за государство мы построили?! Хрен знает! Мечтали в девяностых, что будет все в лучшем виде. Демократия, выборы, открытые границы с Европой. А что получили? При власти воры, мошенники, жулики. Везде взятки, в суде правды не добьешься, если не занесешь. Хуже, чем при коммунистах было...

– А ты чего хотел? – завелся с полуоборота Дубравин. – Так вот сразу и в дамки? То есть в райские кущи. Как в Швеции? Для этого надо целый путь пройти. Всем. И государству тоже...

– Ну, путь мы уже прошли. И немалый! – ершил Озеров. – Только что-то я светлого будущего не вижу.

– Да ничего мы не прошли! – возразил ему Шурка. – Мы крутимся на месте. Нарезаем, так сказать, исторические параллели...

– Это как? – заинтересовался разговором Казаков, расправляя свою взлохмаченную после купания бороду.

– А вот как! – принялся излагать свое видение процесса Дубравин. – По Марксу, как должно быть? Шаг за шагом. От одной общественной формации к другой. А мы что? В тысяча восемьсот шестьдесят первом году феодализм себя исчерпал. Царь-батюшка Александр II освободил крестьян. И началось. Власть в его руках. А в экономике – воля. И пошло развитие капитализма семимильными шагами до самой революции февральской. Буржуи взяли власть, Россия должна была шаг за шагом модернизироваться, двигаться к социализму. Но уже в октябре большевики все переиграли и начали строить свой социализм. А на самом деле вернулись к махровому феодализму, что был до освобождения крестьян. Иосиф Виссарионович так гайки завернул, что снова получилась империя. Только основа у нее другая немного была. Вместо царя – вождь, вместо православия – великое учение, а народность на интернационализм поменяли. Так до девяносто первого и сидели.

– А что, в девяносто первом не было демократии? – поинтересовался кто-то из молодых.

– Была! – ответил Дубравин. – Да сплыла в девяносто третьем. Ельцин ее танками раздавил. И стал царем. У нас и Конституция нынче такая, что Николаю II и не снилась. Вся власть у президента.

– Ну, может, так оно и должно быть! – сказал Казаков. – Страна большая, народу много. Кто в лес, кто по дрова. Должен быть порядок.

Но Дубравин уже оседлал любимого конька:

– Так-то оно, может, и так. Только нам от этого не легче. Мы пошли по кругу. Опять мы империя. Опять триада. Самодержавие, православие, народность. Храмы растут как грибы. Вертикаль укрепляется, аж дальше некуда...

– Ну, надо же чем-то идеологический вакуум заполнять, – заметила Марина Сорокаумова, подсаживаясь к костру.

– А кому от этого легче? – спросил Алексей Тимашов, приносиваясь к соблазнительным запахам, шедшим из подвешенной над огнем кастрюли.

– Тем, кто сегодня движет страной. Предпринимателям. Нам эта мумификация режима совсем ни к чему. Троекратное хождение по кругу только истощает народные силы.

– Ну а в других странах СНГ все не так, что ли?

– Не так. Все четырнадцать бывших республик строят национальные государства. Одни мы на осколках империи плывем без руля и ветрил. Куда кривая вывезет.

Посидели. Помолчали, прислушиваясь к треску огня. Казаков заметил:

– Вот что интересно. Все эти бывшие республики вернулись к тому образу правления, который у них был до семнадцатого года. Прибалты – к буржуазным республикам. Узбеки, таджики, туркмены – к деспотиям средневекового образца. Даже в Казахстане, вначале казавшемся демократическим, сейчас одна партия, один елбасы. С чего бы это? Они тоже пошли по кругу?

– А с того! – живо откликнулся Дубравин. – Пока люди не созрели, никакой демократии не будет. И если исторический урок не усвоен, народ возвращается к исходной точке. И начинает забег снова. По кругу! А он у каждого свой!

– И что дальше? Так и будем кружиться? – наливая дымящийся утиный супчик, спросила Сорокаумова.

– Ну, мы не первые. И французы через это проходили. И англичане. Сначала была Великая французская революция, а потом к власти пришел Наполеон и построил империю. И так раз за разом. Пока буржуазия не взяла власть, после чего появилась свобода слова, собраний, предпринимательства.

– Будем ждать! – с иронией произнес Володька Озеров. – Пока созреют свои буржуи!

– Верно! – ответил Дубравин. – Нам нужен закон, порядок, демократия, справедливый суд.

– Тут многое и от народа зависит, – добавил Казаков. – Он должен

созреть. Не появится средний класс – ничего и не будет. У нас на выборы-то никто не ходит, не то, что на митинги. Права свои отстаивать надо.

– Отстоишь тут! – разочарованно заметил Озеров. И принялся хлебать супчик.

– Да, без гражданского общества ничего не будет. Так и будут нас гонять по кругу от империи к империи, – согласился Дубравин. – А его могут создать только предприниматели, мелкий и средний бизнес. Не олигархи. Они-то вотчинники. Их и так хорошо кормят. Встроились в систему, и никакая демократия им не нужна. А нам без нее кранты...

– И что, надежды нет? – спросила Марина Сорокаумова.

– Почему? Потихоньку растут наши силы. Был бизнес разбойничий – стал торговый. Накопят деньги – вложат в производство. Потом захотят порядка, закона, власти. Того же, что и средний класс. Уважения к себе. Рано или поздно это произойдет. Вот только доживем ли мы до этого – большой вопрос. Жмут нас власти. Они ведь боятся самостоятельных.

– Выборы тут не помогут! – упрямылся Володька Озеров. – Их всегда можно переиначить. Надо на улицы выходить.

– Почему? – возразил ему Дубравин. – Если все выйдут, никто не сможет сфальсифицировать выборы. Как бы ни пытались.

– Это опять же вопрос зрелости народа! – задумчиво произнес Казаков. – Поднимется с печи, будет у него и демократия, и русское национальное государство. А будет дремать, так и проспит все на свете.

– Да, Россия, с одной стороны, интересная страна. Своеобразная, – сказал Дубравин. – А с другой – подчиненная общим законам развития. Посмотрим, как все пойдет. Пассионариев мало. Как пел Высоцкий: «Настоящих буйных мало». Но они есть. Сейчас у нас две тенденции – восстановление империи и развитие капитализма в рамках нее. Какой путь выберем? Кто знает...

– Давайте, мужики, лучше выпейте! – влезла в разговор Крылова. – За нас, за женщин, в конце концов. А то мы сидим тут, никому не нужные. А вы все о политике...

– Точно, хватит!

– Нет, я все-таки скажу, – встал Дубравин. – Давайте сначала поднимем бокалы за русское национальное государство. Законы развития не обманешь, и если оно должно возникнуть, то хоть ты лопни, а все равно появится.

Выпили.

Ну а потом уже за женщин, за любовь, за детей и родителей. И еще бог весть знает за кого. Пили и пели.

И долго еще над лесом, над рекою раздавались веселый смех, мелодии песен и радостные голоса людей, отдыхавших на своей русской земле.

XV

«Самолетик маленький, звать его “Фалькон”. Но внутри роскошно так отделан он. Дерево и кожа, золото и мех. Так в салоне чудно, что разбирает смех», – в стихах оценил Амантай Турекулов про себя крылатую машину. А потом вытянул ноги, удобно устроившись в раскладывающейся раковине кресла. Рядом притих в своей роскошной «колыбели» сухонький дядя Марат.

Перед взлетом все высокопоставленные паломники притихли. Не то что перед этим, когда сопровождающий их мулла Баймен предложил сразу переодеться в белые одежды. Загалдели: «Для чего?»

Баймен объяснил:

– Иначе придется переодеться в специальном месте, которое находится в нескольких километрах от святилища. И это расстояние надо будет преодолевать пешком без обуви.

Выслушав его, высокопоставленные паломники согласились облачиться в особые белые одежды.

Самолет, как летающий конь Тулпар, скакнул в синее небо. И понес их небольшую, но сплоченную группу в сторону Мекки.

Все получилось как-то спонтанно, само собою. Он знал, что многие люди его круга сейчас охвачены своеобразным поветрием. Ходят в мечеть, дружат с имамами, к месту и не к месту поминают Аллаха. В общем, изображают религиозность. Амантай к этому относился с долей здравого скептицизма и некоторым любопытством. Не более.

Надо сказать, что казахский народ, хоть и числит себя мусульманским, на деле таковым не является. Почему? Да потому, что ислам пришел в эти края достаточно поздно и не смог полностью заменить те религиозные воззрения, кои уже имелись в родоплеменном обществе.

Религия в конечном итоге очень четко соответствует уровню развития народа. И монотеизм принимается правителями и народом тогда, когда есть предпосылки для этого. Так было, например, при князе Владимире, крестившем Русь.

Так было в Западной Европе, в арабском мире.

Казахстан же объединил не ислам, а Российская империя. А потом и СССР, в составе которого он строил свою государственность.

Сейчас, когда Казахстан стал самостоятельным государством, – другое дело. Вот и стало среди элиты модным показывать свою религиозность.

Ну а наш пострел везде поспел. Собственно, к идее хаджа подвел его

дядя Марат. На старости лет активный дедушка, бывший коммунист, подружился с высшим духовенством. Стал захаживать в мечеть. И возжелал в итоге совершить паломничество в Мекку.

Все оказалось не так сложно. Тем более в двадцать первом веке, когда уже не надо тащиться на верблюдах через пустыни и горы к священному городу.

И подходящий частный самолетик нашелся. И нужные документы они выправили быстро. А теперь они все сидели в креслах, облаченные в одинаковые простые бесшовные одеяния, и слушали почтительные наставления руководителя группы – муллы Баймена:

– Уважаемые! Вам надо отбросить всяческую гордыню и нечестивые помыслы. Нельзя заигрывать с женщинами, нельзя стричь ногти и волосы, нельзя убивать живые существа. Все это теперь «харам» – «запретно». Никаких украшений, никаких духов...

– А блох давить можно? – в шутку спросил Амантай.

На что их наставник, не поняв юмора, ответил так:

– Можно убивать блох, клопов, змей и скорпионов. Но нельзя рвать траву и ломать деревья. Мы должны любить мать-природу. А вообще, хадж – это большое испытание!

* * *

В аэропорт они прибыли только к вечеру. Казалось, что людей, которые все видели и испробовали, уже ничем не удивить. Однако даже их потрясли и размеры воздушной гавани, и количество прибывающих самолетов.

Как песчинки чувствовали они себя в этом людском потоке.

«Вот это неиссякаемый источник дохода», – практично подумал Амантай после того, как их разместили в чистенькой гостинице совсем не для бедных паломников.

На следующий день пошли они, солнцем палимые, в буквальном смысле этого слова. Двигались под раздающуюся из динамиков молитву муэдзина, с которой благочестивые паломники должны обращаться к Аллаху:

Ляббейка Лляхумма ляббейка,
Ляббейка ля шарика ляка ляббейка,
инна ль-хамда уа н-ни'мата ляка уа ль-мулька
ля шарика ляка.

Амантай вслушивался в голоса тысяч и тысяч паломников,

обращавшихся к Господу Богу, и одновременно повторял священные слова, начиная понимать их высокое значение. Люди вокруг постепенно впадали в религиозный экстаз, выражавшийся в радостных возгласах, рыданиях и слезах:

Вот я перед Тобой, Боже! Вот я перед Тобой!
Нет у Тебя сотоварища! Вот я перед Тобой!
Воистину, хвала Тебе, милость и могущество!
Нет у тебя сотоварища!

Они шли все дальше и дальше. И уже вступая в город Мекку, произносили молитву, данную их руководителем в этом удивительном путешествии.

«О Боже, эта святыня – Твоя обитель, и этот город – Твой город, и этот раб – Твой раб. Я пришел к Тебе из дальних стран, обремененный грехами и неправедными деяниями в уповании на Твою помощь, страшась Твоего наказания. Я прошу Тебя принять меня и даровать мне прощение и позволение войти мне в Твой необъятный Сад Наслаждения».

Текла белая человеческая река. Вместе с нею они влились в ворота окружающего Каабу сооружения, чем-то похожего на гигантский стадион, и двигались по длинному, украшенному мраморными колоннами залу.

Здесь Баймен остановил группу. Отвел в сторону. И предложил попить:
– Дальше будет трудно. Без воды!

Пить ледяной напиток приходилось по чуть-чуть, чтобы не застудить горло.

Амантай в это время оглядывал людской поток, идущий мимо. Кого здесь только не было!

Вот прошли женщины в закрытых красных, синих, черных одеждах. Их здесь много, и они все босые.

Пару раз он заметил в толпе мужчин с детьми. Один нес ребенка на плечах, другой вел за руку.

Шли не только паломники. Были здесь и охранники, одетые в форму.

Они поднялись по лестнице на верхний ярус, чтобы просто полюбоваться.

Ничего подобного он не видел никогда. В центре стоял черный куб, а вокруг него вращался гигантский водоворот из тысяч людей.

«Кааба похожа на черную дыру, образовавшуюся здесь, на Земле. И притянувшую миллионы звезд и галактик!» – восторженно думал Амантай, не в силах оторвать взгляда от фантастического зрелища.

* * *

Великий хадж начался для них с этого кругового движения. Кстати говоря, «Кааба» в переводе с арабского – «куб». Это сложенная из плит постройка высотой в пятнадцать метров. Она покрыта гигантским черным ковром, на котором золотой арабской вязью вышиты суры из Корана. Считается, что первая Кааба была воздвигнута небесными ангелами.

Вокруг черного камня, замурованного в ее стене, надо обойти семь раз. И сделать это непросто. Жара. Духота. Людской поток, словно полноводная река, несет и несет тебя вперед.

На третьем круге Амантай начал потихоньку маневрировать, решив прикоснуться к священному черному камню, вделанному самим пророком Мухаммедом в стену этого древнейшего культового сооружения.

Против течения идти нельзя. Нужно осторожно двигаться влево, вдоль людей. И Амантай старался. Ближе к сооружению людской поток стал плотнее. Скользить среди горячих, распаренных тел трудно. Кроме того, не он один хотел прикоснуться к священному камню.

Но Амантай был полон азарта. И надежды.

На четвертом круге он уже приблизился к цели. Но тут людской поток начал обтекать полукруглую стену, отгораживающую один из торцов Каабы. За этой стеной, согласно преданию, находятся могилы пророков Исмаила и Агари.

Его пронесло мимо. И он оказался в отдалении.

Амантай загадал желание: «Если смогу прикоснуться, стану премьер-министром!» И это заставило его еще раз двинуться к вожаемой цели. Шаг за шагом он продвигался среди рук, ног, голов, плеч.

Теперь он чувствовал не только физическое, но и душевное напряжение. В этот момент он просил то невидимое, непознаваемое, что движет нами:

– Помоги мне, Аллах!

Уже снова был виден черный камень. Он понимал, что это, скорее всего, метеорит, упавший на землю в незапамятные времена. Неважно. Важно само движение. Ему почти удалось. Огромные ворота Каабы совсем рядом. Осталось совсем чуть-чуть.

Мимо него проплыло поднятое вверх черное покрывало святилища – кисва. Раз в год его меняют. Старое передают хранителям...

...На седьмом, последнем круге, понимая, что бороться бессмысленно, он отдался на волю людских волн. И когда надежда казалась утраченной совсем, поток вынес его прямо к стене. Амантай, зажатый со всех сторон

толпой, проплыл мимо черного камня и... Успел, вытянув руку, приложить к прохладной поверхности ладонь с зажатыми в ней четками. Буквально пять секунд он смог удерживать ее, пока поток не закрутил его снова, разворачивая и относя в сторону.

Он, вице-премьер, был счастлив, как мальчишка, у которого исполнилась мечта о велосипеде. В душе его играла музыка. «Слава Аллаху! Я сделал это!»

Теперь ему предстояло семь раз пробежать по дорожке между холмами Сафа и Марва. А потом набрать бутылку воды в источнике Замзам.

Символический смысл этих действий ему пояснил все тот же вездесущий Баймен:

– Это символизирует отчаяние, душевные поиски того, кто дарует истинную жизнь. А источник Замзам ангел Джабраил разверз у ног Хаджар, жены пророка Ибрахима. Его вода символизирует спасение, которое дарует страдающей душе подающий жизнь и исцеление Аллах.

Совершивший эти действия мусульманин считается выполнившим необходимые условия малого паломничества – умры!

После этого нужно подстричься и переодеться в обычную одежду.

А те, кто захочет совершить полный хадж, должны пройти новые испытания. Им придется участвовать в стоянии перед Богом на горе Арафат. Это очень тяжелое дело. В жару, в пустыне, с непокрытой головой стоят сотни тысяч людей. Читают молитвы. А потом prostираются ниц в безмолвии и смирении перед Аллахом.

Дальше обряд побивания Сатаны камнями. И жертвоприношение.

Но это все завтра. А сегодня вышедший из круга Амантай увидел, что некоторые обессилевшие паломники, завершив движение, присаживались прямо на площади. Рядами. Движение остальных замедлялось. Откуда-то появляются молодые служащие в зеленой униформе. Уборщики. Они расчистили площадку перед Каабой. Полили камни водою из шлангов и начали мыть их. Это их работа – отмывать площадь от следов миллионов босых ног...

Человеческий муравейник затих на время. Усталые, но довольные паломники побрели к себе в гостиницу.

Амантай чувствовал себя легко и свободно. Как будто что-то отлегло от сердца. Куда-то ушло. И он неожиданно вспомнил здесь, на краю света свое родное Жемчужное. Друзей. Жизнь. Вспомнил легко, без обид и претензий: «Господи! Что мы знали тогда о своей жизни? О судьбе, которая в один прекрасный день поведет нас за собою. Сколько всего прошло! А сколько еще будет. Такое ощущение, будто река времени

сегодня пересеклась в моей душе с людской рекою, с рекою человеческих судеб. И смыла все обиды, непонимания, вражду.

Как все это мелко и смешно! Обязательно вернусь. Соберемся все вместе. И вспомним все, что прошло, но навсегда осталось внутри нас. С нами!»

И он неожиданно легко зашагал следом за своими спутниками.

XVI

Зима в этом году выдалась знатная. Снегу навалило. Да и мороз не отпускал. Крепко стоял уже две недели.

Сегодня с утра, когда он еще затемно выезжал на работу, задул такой легонький, небольшой ветерок. А к обеду превратился уже в пургу. Но Дубравина это не обеспокоило. Машина у него – зеленый «Ленд крузер 100». Переживать не о чем – главное, не забыть бросить в багажник большую пластмассовую лопату. Что он и сделал.

Выехали домой после обеда. Рулил Витька Палахов. Так уж получилось, что бывший прапорщик воздушно-десантных войск уволился в запас, не дождавшись от родного государства пенсии. И вынужден был искать себе новое применение на гражданке.

Бывший майор Казаков предложил ему поговорить с Дубравиным. Встретились. Побеседовали.

Так он оказался в холдинге. И стал работать специалистом на все руки.

Сейчас они выехали на трассу. И сразу попали в снежный заряд. Впереди идущие грузовики выстроились в колонну, которую ни обойти, ни объехать. Огромные колеса поднимали тучи снега. Ветер рвал тенты, бросал ледяное крошево на стекло.

До поворота на проселочную дорогу они добрались достаточно быстро. А вот там их ждал сюрприз. После колеи, проделанной большим трактором, начались переметы. Метель намела такие сугробы, что сама дорога исчезла под снегом. В перемет «Ленд крузер» (называемый Дубравиным за цвет и форму «Крокодилом») и влетел с ходу по самый капот.

«Все, кранты. Сели!» – подумал он. Но машина продолжала двигаться, хотя снег, как вода, переливался через капот и подползал к лобовому стеклу.

Палахов включил полный привод и пониженную передачу. В итоге первую преграду они одолели благополучно.

Но впереди новое испытание.

Надо въезжать в снежный тоннель, пробитый тяжелым трактором. А это чревато, так как тоннель с высокими стенами и чрезвычайно узкий.

Дубравин засомневался: «Может, вернуться? Заночевать в городе? И уж завтра, когда расчистят, ехать. Но там Людмила. Там дочка. Там, в конце концов, меня ждут». Он представил свой тоскливый ночлег в пустой городской квартире: «Ну уж нет!»

– Давай вперед! – сказал он Палахову, который тоже призадумался, глядя на эти гигантские снежные ворота. – В крайнем случае – откопаемся. Лопата есть!

«Крокодил», загребая снег и подминая его под себя всеми четырьмя «лапами», медленно продвигался вперед. Они проползли с полкилометра и попали во вновь заметенную снежную перемышку. Трактор-то здесь прошел. Но ветер быстро надул на этот расчищенный участок нового снега.

Палахов включил все имеющиеся у «японца» прибаамбасы. Но колеса крутились, а машина только ворочалась, билась в снегу.

– Черт возьми! – Дубравин в ярости выскочил из кабины. Открыл заднюю дверь, достал лопату. И как есть – в тоненьких ботиночках, дубленочке, с развевающимся кашне – словно на врага, с лопатой наперевес, бросился на сугроб. Он остервенело выбрасывал снег из-под колес.

Через десять минут такой работы почувствовал, что сердце через секунду лопнет в груди.

Остановился на мгновение. И снова в священной ярости бросился в атаку.

Раз за разом, откапывая колеса, он бился в снегу.

И такое было ощущение, что сам он – лишь снежинка в этом белом океане, накрывшем землю. Но снежинка активная, живая.

И, о чудо! Палахов, раскачивающий машину в сугробе туда-сюда, почувствовал, что она буквально по сантиметру, чудовищно напрягаясь всеми своими металлическими внутренностями, напрягая до гула могучий дизель и сжигая сцепление, как настоящий крокодил, вступивший в смертельную схватку, выползает на чистое место.

Вылезли! Еще трижды они проскаквали на ходу огромные переметы.

И уже приближалась родная деревня, манившая издали огонькам, как вдруг Витек ударил по тормозам. Дубравин протер глаза:

– Что такое?

Прямо посреди дороги лежал человек.

Бабулька!

Витка выскочил, поднял старушку. Отряхнул от снега, затащил в салон.

Дубравин в шоке спросил полузамерзшую:

– Бабуль, ты как здесь оказалась? На улице морозище и пурга!

Слегка отогревшаяся морщинистая старушка в цигейковой шубешке только стучала зубами. Наконец она выговорила:

– В город ездила. По делам сына. В собес. Ну, автобус довез до поворота. Водитель сказал, что дальше не поедет. Боится. Вот я пешком и пошла.

– Так тут же семь километров! – сказал Палахов. – И пурга метет такая, что мы еле пробились...

– Эх, милые, а что делать? Жизнь такая. Деваться некуда. Я одна ответчица за всех. Сын-то пьет. А мне надо ему бумаги оформить. В собесе... Безотлагательное дело. Какая уж тут пурга...

– Да тут кругом снегу по пояс, бабушка. Сейчас пройти невозможно. Только на гусеничном тракторе...

– Ничего, милые, я сильная. Сдюжу!

– Эх, народ наш, ничего его не остановит, – пробормотал водила. – А утром как вы оттуда прошли-то?

– Пешочком. Только на меня собаки вот там, в конце улицы, напали. Свалили и начали кусать, хватать за ноги. Хорошо, мужик шел. Отбил... А так ничего...

– А вы хоть что-нибудь ели за день-то, бабуся? – любопытствовал Дубравин, доставая из бардачка бутерброд с маслом и термос с чаем.

– Да что вы, милые! Я на автовокзале попила кофе с булочкой...

«Е-мое! – думал Дубравин, разламывая бутерброд на три части. – Вот она, Россия, коренная, глубинная. Это ж надо, такой фатализм, такая вера в то, что все будет хорошо! То на “жигулях” заднеприводных, на летней резине прут в пургу, слетая в сугробы. То бабуля, божий одуванчик, в метель, в мороз идет за десяток километров!

Россия – умом тебя не понять! Все на авось надеется. И ничего, живет! Тысячу лет живет. И еще будет жить. Такой народ все преодолеет. И, как тут ни крути, все мы, русские, связаны одной судьбой.

Вот я – с моей деревней. Хоть у меня и дом, напичканный электроникой, хоть на все случаи есть дополнительные генераторы, запасы еды, питья, дров, но перед этой суровой природой, перед этими расстояниями в одиночку не выстоять. Только вместе, всей деревней, всей страной можно выжить. Помогая друг другу».

– Ну что? – спросил Палахов, дожевывая свою булку.

– Поехали! – вглядываясь в огоньки родной деревни, ответил Дубравин.

* * *

Он пришел с мороза обледенелый, холодный, голодный. А Людка сидела дома. Ждала его у камина. Горел огонь, щелкали дрова за каминным стеклом. На столе остывал ужин. Тикали часы.

– А дочка где? – первым делом спросил Александр, обняв теплую, одетую в домашний халат жену.

– Дочка? – Людка хитро улыбнулась. – Пойдем, покажу.

Они прошли через кухню. И жена, открыв стеклянную дверь на улицу, показала на припорошенную снегом коляску, стоящую на веранде в уголке.

– Люд, ты чего? – удивленно сказал Дубравин. – Там мороз!

– Сейчас все увидишь! – заговорщически шепнула она.

Они выскочили в чем есть на улицу, на пронизывающий ветер. Подошли, сжавшись от холода. Людка приоткрыла застежку коляски. И Дубравин увидел в глубине, в свитом одеялами и пуховыми платками гнезде милое, любимое детское личико. Под вой пурги и шуршание снега...

Дуня тихо спала.

Послесловие

Роман закончен. Я как автор расстался с героями, глубоко сожалея. И вспоминая долгую – длиной почти 10 лет – работу над книгой. Но жизнь продолжается. И герои мои еще не вышли на пенсию – это активные люди, которые встречаются сегодня буквально на каждом шагу.

О чем же был «Русский крест»?

Как вы заметили, в нем много разных линий.

Во-первых, он о том, как из единого советского человека, воспитанного в идеологическом вакууме, стали появляться люди, которые называют себя казаками, татарами, чеченцами... И как русские вслед за другими народами Советского Союза тоже начали обретать национальное самосознание.

Во-вторых, книга о том, как при смене общественного строя зарождается новый тип экономических отношений. Из винтиков разобранного социального механизма возникает новый класс предпринимателей – тех, на кого сегодня вся надежда. Для меня это люди пассионарные – обладающие повышенной энергией, способные изменить окружающий мир, сумевшие вытянуть себя и страну из хаоса и разрухи 90-х.

Дух русского предпринимательства не угас. Мы смогли выстроить новую формацию, сделать жизнь более-менее приемлемой и в какой-то части комфортной. В 1990-е я думал: силы у народа иссякли и Россия обречена на развал. Но пассионарии не испугались, не сдались. Выстояв в этой борьбе, не только спасли себя, но и изменили жизнь целой страны. Сегодня они окружают меня повсюду. И я горжусь тем, что тоже принадлежу к числу предпринимателей. Поэтому моя книга – еще и благодарность таким людям.

В-третьих, это роман о любви. Вечной и благодатной. Любви, которая бывает в жизни каждого человека. И о поиске ее мужчинами и женщинами в XX и XXI веке. Любовь преодолевает все обстоятельства, идет с нами рука об руку. Является началом всех начал: он любит ее, а она его, потом у них появляются дети, которые любят родителей... Это передается из поколения в поколение. И только наличие любви делает жизнь осмысленной и счастливой. Без нее и сама наша планета исчезла бы. Причем это не только чувство, которое человек испытывает к собственной семье или роду, но и более широкое понятие – любовь к своей стране, народу, переживание о его положении и горькой судьбе.

И наконец, мой роман – о напряженной внутренней работе главных

героев. Каждый из них, пройдя испытания, обретает новое духовное качество. Все эти поиски в конечном итоге – поиски Бога. В разных философских и религиозных концепциях – кто-то раньше, а кто-то позже – они находят то важное, что объединяет нас всех. Приближаются к божественной правде, силе и красоте.

Вот эти вещи мне и хотелось в первую очередь донести до читателей. Но, встречаясь с ними, я порой узнаю о «Русском кресте» больше, чем сам вложил в него как писатель: многие находят в книге собственные мысли, свою судьбу. И для меня это самая высокая награда. Я пишу о типичном. Поэтому всегда говорю: роман не обо мне и не о вас, а о русских людях. О том, что мы вместе пережили. И это сделало нас такими, какие мы есть.

Если читатели тоже немного изменились, прошли со мной и героями весь этот путь, моя работа не напрасна. Надеюсь, книга будет жить долго, и по ней дети и внуки будут судить о нашей с вами эпохе. И понимать, что мы тоже существовали не в безвременье. А жили, страдали, боролись, любили, чтобы передать эту эстафету им. Чтобы и их жизнь была такой же настоящей – полной любви, красоты и борьбы.

С почтением к вам, русский писатель Александр ЛАПИН.